

САЛАВАТ АСФАТУЛЛИН

1812-1814: БАШКИРЫ
(«Северные амуры»)

200-летию победы России в Отечественной войне 1812 г.

САЛАВАТ АСФАТУЛЛИН

1812-1814: Башкиры («Северные амуры»)

КИНОСЦЕНАРИЙ ХУДОЖЕСТВЕННОГО
ИСТОРИЧЕСКОГО ФИЛЬМА-ЭПОПЕИ

УДК 791.43 ББК 85.

374.9(2) А91

В оформлении обложки использована картина А.О. Орловского «Башкир верхом», 1800-1810 гг.

Асфатуллин С.Г.

А91 1812-1814: Башкиры («Северные амурь»). Киносценарий художественного исторического фильма - эпопеи по роману Яныбая Хамматова «Северные амурь». - Калуга, 2011. - 164 с., илл. - 35.

Киносценарий создан на основе увлекательного романа, дополнен и уточнён всеми документально подтверждёнными фактами участия башкир в Отечественной войне 1812 года и освобождении Европы в 1813 - 1814 годах. Иллюстрирован гравюрами, картинами и картами сражений того времени. В итоге, художественное повествование развивается в рамках научно установленных исторических фактов. То есть, получилось научно-художественное издание.

Краткое содержание: Вторжение наполеоновских войск. Отступление с боями из Вильно. Первый бой донских казаков и 1-го Башкирского полка с французами 15 июня близ Гродно. Капкан донских казаков и башкир под Миром. Штурм г. Кобрин. Награждения. Указ императора Александра I о сформировании новых двадцати башкирских полков и немедленная отправка на фронт трёх полков башкир - добровольцев. Бородинское сражение. Освобождение 1-м Тептярским казачьим полком г. Рославля Смоленской губернии. Кахым в отряде Сеславина. Спасение Тани от изнасилования похотливым итальянцем в Савёловке, вспыхнувшая любовь башкира Буранбая и русской девушки. Тушение башкирами и казаками пожаров в Грановитой палате и соборах Кремля. Горящий Малоярославец. Роковая минута Наполеона близ Городни, изготовление пузырька с ядом. Березина. Освобождение Вильно.

Захват военных кораблей в порту Мемель под дулом казачьих орудий. Освобождение Кёнигсберга. Занятие Варшавы. Осада Данцига (Гданьска). Захват Берлина. Смерть Кутузова. Свидание Буранбая с Таней во время перемирия. Веймар - визит башкир к Гёте. Битва народов в Лейпциге. Смерть маршала Понятовского в водах реки Эльстер. Осада Дрездена. Осада Гамбурга - железный маршал Даву. Партизанские рейды башкир во Франции в отряде Сеславина. Взятие Парижа. Вступление победителей в столицу Франции. Отречение Наполеона. Кража невесты - француженки Жаннет и увоз её в Россию. Парад победителей в Париже.

УДК 791.43 ББК 85.374.9(2)

1812 — 1814: Башкиры («Северные амуры»)

Автор благодарит дочь писателя
Гузель Хамматову за предоставление романа

СИНОПСИС КИНОСЦЕНАРИЯ

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1812 ГОДА

Май 1812 г., пограничные посты башкирских казаков по рекам Неман и Буг.

Вторжение наполеоновских войск в ночь с 11 на 12 июня.

Отступление с боями егерей, гвардейских улан и казаков 1-го Тептярского полка из Вильно, сожжение арсенала и уничтожение моста через реку Вилию.

Первый бой донских казаков и башкир 1-го Башкирского полка с французами 15 июня близ Гродно.

Стычка казаков и башкир-тептяр с французами у с. Довгелишки 23 июня.

Капкан донских казаков и башкир под Миром.

В тылу, в башкирской глубинке зачитывают царский манифест, возносят молитву и приносят в жертву барана.

Секрет изготовления боевых башкирских стрел.

Разнос военным губернатором Оренбургского края князем Волконским уфимского гражданского губернатора Невзорова в кабинете Уфимского дворянского собрания.

Корпус казаков Платова прикрывает боями отход 2-ой Западной армии Багратиона близ с. Романово. Взаимовыручка: башкиры берут на своих вторых лошадей ослабевших русских егерей 1-го Егерского полка с их ранцами и шанцевым инструментом, чтоб не попали в плен идущим по пятам французам.

Первое крупное сражение Отечественной войны 1812 года

- штурм г. Кобрин. Убиты сотни саксонцев, взяты в плен 2382 солдата, 76 офицеров и 2 генерала. Похороны погибших российских воинов в братской могиле. Награждение полкового старшины '2-го

Башкирского полка Аралбая Акчулпанова из Стерлитамакского уезда орденом Св. Анны в саблю. Артиллерийский салют в честь этой победы в Санкт - Петербурге.

Указ императора Александра о сформировании новых двадцати башкирских полков и немедленная отправка на фронт трёх полков из съехавшихся в Оренбург башкир - добровольцев.

Назначение Кутузова главнокомандующим армиями.

Бородинское сражение. Смертельное ранение Багратиона и гибель начальника всей русской артиллерии Кутайсова, когда он повёл пехоту в контратаку, отбивать Курганную высоту. Рейд казаков Платова, включая 1- й Башкирский полк и кавалеристов Уварова в тыл иноземных войск. Награждение на поле боя после окончания сражения рядовых Уфимского пехотного полка Аннинскими медалями и солдатскими Георгиями.

Героическая оборона казаками, башкирами, тептярами Можайска в течение двух суток, чтобы дать возможность Главной армии оторваться отседающего неприятеля и организованно отступить.

Стрела в зад у рослого пленного офицера.

Трудное решение оставить Москву без генерального сражения. Оставление второй столицы.

Фланговый манёвр русской армии в Тарутино.

Проводы на фронт новых сформированных башкирских казачьих полков из Нововоздвиженской крепости. Прощание Сафии с мужем Кахымом.

Тарутинский лагерь.

Освобождение 1-м Теплярским казачьим полком г. Рославля Смоленской губернии. Награждение на центральной площади командира полка майора Тимирова орденом Св. Владимира 4-й степени с бантом, походного старшину прапорщика Мунасыпова и за- уряд-хорунжия Ибрагимова орденами Св. Анны в саблю.

Кахым в отряде Сеславина. Бой партизан с батальоном неприятельских фуражиров. Прорыв Кахыма с девятью казаками сопровождения сквозь строй саксонских драгун при возвращении в Главный штаб.

Спасение Тани от изнасилования похотливым итальянцем в Савёловке, вспыхнувшая любовь башкира Буранбая и русской девушки.

Посольство маркиза Лористона к Кутузову с предложением о

Атака русских войск на позиции Мюрата близ Тарутина. Гибель Багговута, растерянность Беннигсена, вмешательство Коновницына в бой со знаменем в руках.

Гимн башкир в честь Кутузова.

Тушение башкирами 1-го Башкирского казачьего полка пожаров в Грановитой палате и соборах Кремля.

Горящий Малоярославец 8 раз переходит из рук в руки, гибель французского генерала Дельзона.

Роковая минута Наполеона близ Городни, изготовление пузырька с ядом.

Письмо Кутузова старому другу и сослуживцу Волконскому в Оренбург.

Березина - трагедия для войск нашествия.

Освобождение Вильно. Праздничный приказ Кутузова в связи с освобождением Отечества. Мощный военный перепляс башкир с саблями на радостях.

ОСВОБОЖДЕНИЕ ЕВРОПЫ

Захват военных кораблей в порту Мемель под дулом казачьих орудий.

Освобождение Кёнигсберга.

Занятие Варшавы.

Партизанские стремительные рейды русских и башкирских казаков в центре Европы.

Осада Данцига (Гданьска). Награждение есаулов Ихсана Абубакирова и Хусейна Кучербаева орденами Св. Анны в саблю.

Захват Берлина.

Смерть Кутузова.

Свидание Буранбая с Таней во время перемирия.

Веймар - визит башкир к Гёте.

Битва народов в Лейпциге. Смерть маршала Понятовского в водах реки Эльстер. Награждение отличившихся башкир разных полков орденами и медалями на одной из площадей Лейпцига.

Приезд художника Орловского в 1 -й Башкирский казачий полк, зарисовка с натуры командира полка для картины «Башкир в бою».

Осада Дрездена. Непрерывные попытки 36-тысячного неприятельского гарнизона с боями вырваться из окружения. Капитуляция. Сдача в плен двух маршалов, 32 генералов, 1759 офицеров и 33744(!) солдат

Награждение на центральной площади Дрездена есаула Назар-бая Таяпова, сотника Наурузова, пятидесятника Кильдияра Байдуллина, походного старшины Бакирова. Башкирский танец охотника Кильдияром по просьбе немцев и старших русских офицеров.

Осада Гамбурга. Железный маршал Даву.

Партизанские рейды башкир во Франции в отряде Сеславина.

Взятие Парижа. Вступление победителей в столицу Франции.

Отречение Наполеона.

Любовь с первого взгляда, кража невесты - француженки Жаннет и увоз её в обозе в Россию.

Парад победителей в Париже.

КИНОСЦЕНАРИЙ

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1812 ГОДА

Запад. Белая карта Франции 1789 года вздыбливаясь, покрывается, под звуки Марсельезы, пожаром Великой французской революции и резко краснеет. В 1804-1805 годах краснота, неся на себе белый бюст Наполеона под крики толпы «Вива император!», начинает поглощать соседние страны: часть Испании, Италию, множество мелких немецких княжеств, Голландию, Данию, Польшу, попутно подкрашивая в свой оттенок в 1812 году Австро - Венгрию, Пруссию и другие формально самостоятельные страны. Краснота зловеще подползает к реке Неман и замирает перед прыжком.

Восток. Зелёная карта Российской империи начала 1812 года. Камера под топот трёх конных полков на марше наплывает от Зауралья, Уфы и Оренбурга через Бакалы, Симбирск, Нижний Новгород, Муром, Серпухов, Луцк на запад, к рекам Неман и Буг. Река с карты превращается в реальный берег.

Атаман Платов командирам полков у штабной карты: «Разверните полки по пограничной реке и организуйте сторожевое охранение». Сторожевые посты башкир Первого Башкирского казачьего полка. Майская ночь. Буранбай и мулла верхами подъезжают к очередному посту. На противоположном берегу багровеют костры, скрипят телеги, по камням грохочут кованые колеса пушек, ржут лошади.

- Заметно, как стволы ружей сверкают. Костры, - ночь от ночи все гуще, все плотнее - докладывает часовой.

- Топоры стучат - видно, плоты ладят, - добавляет другой джигит.

Первый дозорный: - А как севернее нас, на участке тептярей?

- Заезжал недавно Имсаров, начальник конного разъезда, говорит, что их командир шеф-майор Тимиров ещё 12 мая послал вестового в штаб генерала Тучкова со срочным донесением, дескать, французы готовят плоты. А позже у них и стычка была с французским разъездом, захватили первого пленного и тоже отправили в штаб. - Вернемся и мы поскорее, - доложим обстановку и предупредим - сказал Буранбай.

Южнее их, начальник Почкайского кордона хорунжий Милованов 31 мая тоже сообщает командованию важные сведения, собранные разведчиками Второго Башкирского полка: «На сих днях непременно вступят в пределы герцогства Варшавского австрийские войска, составляющие корпусом двадцати или тридцати тысяч... Из числа оного имеют прибыть в местечко Скрылов противу кордона мне вверенного Почкайки, числом до пяти тысяч человек».

Наполеон отдаёт приказ форсировать Неман: «..Россия увлечена роком - да свершиться судьба её! Пойдём вперёд, перейдём Неман, внесём войну в пределы России. Вторая польская война будет столь же славной для французского оружия, как и первая. Но мир, который мы заключим, будет прочным. Он положит конец тому гибельному влиянию, которое Россия вот уже 50 лет оказывает на дела Европы».

Вторжение в ночь с 11 на 12 июня 1812 г. (по старому стилю). Наполеон с начальником своего Главного штаба маршалом Бертье и свитой наблюдает за вторжением с высокого холма на западном берегу у Немана. Его полумиллионная армия идёт на войну, как на парад, - сомкнутыми рядами, с развёрнутыми знамёнами, мерной поступью конских копыт и солдатских сапог. Наполеон: - Я доволен. Бертье: - Никто не устоит перед такой армией! Свита: -Да! Да! Конечно!

Под натиском превосходящих сил противника, русские войска вынуждены начать отступление. Последними из штаб-квартиры войск в Вильно с боями уходят егеря, гвардейские уланы и тептяри, сжигая за собой арсенал, запасные магазины и уничтожая мост через реку Вилию.

Первая бой донских казаков Платова и Первого башкирского казачьего полка с противником 15 июня (ст. ст.) близ Гродно. Разведчики докладывают атаману: «По тракту приближается полк французской пехоты, а левее, по проселку пылит конница». По сигналу Матвея Ивановича Платова горнисты трубят тревогу. Французские солдаты маршируют в плотном строю, как на параде, мундиры нарядные, с иголки, на киверах золоченные кокарды. Позади них разворачивается батарея.

В перелеске вспыхивают сизо-темные клубы дыма, через мгновение ядра взрывают землю, покатываются, подпрыгивая. Солдаты противника дают залп из высоких, с примкнутыми штыками, ружей.

- Марш-марш! - кричит срывающимся густым баском майор Лачин.

«Ишь, бывалый воин, а тоже волнуется!» - думает Буранбай,

а затем понимает, что майор торопит джигитов броситься в атаку, чтобы французы не успели перезарядить ружья. И сам, привстав на стременах, вырывает саблю из ножен: - Башкиры! Вперёд! За ним подняли сверкнувшие клинки сотники, призывая джигитов к броску на врага: - Вперёд джигиты! Вперёд!

Французские ядра не долетают до строя полка, но пули пехотинцев оказались дальнобойнее и метче - дико заржали раненные лошади, падают с седел пронзённые всадники - первые жертвы нашествия...

«Ура-а-а-а!...» - громоподобно кричат справа казаки, устремившись лавой вперед, и подзадоренные этими криками джигиты помчались направо, горяча и без того ошалевших коней, протяжно завывая: «Ура-а-а-а!». Французы не успевают дать второй залп - в их строй уже врubaются лихие наездники Платова, Лачина и Буранбая.

Щедро раздавая направо - налево разящие удары, войсковой старшина пробивается вглубь, радуясь тому, что джигиты не отстают

- кромсают, рубят, закалывают пехотинцев. Вдруг неистово взвизгнул его конь, раненный вражеским штыком, поднялся на дыбы, шарахнулся в сторону. Ординарец схватил поводья, осадил назад, вытолкнул жеребца к своим джигитам.

- Где майор?

- Впереди!.. Во-он, в самой рубке!

Увидев, что Лачин отбивается от наседавших на него французов, Буранбай перескочил в седло коня ординарца, отдав тому раненного скакуна и собирает вокруг себя пять-шесть самых отчаянных конников.

- Башкиры! Выручим командира! - зычно кричит он.

Заслышав призыв, джигиты с умноженной отвагой обрушиваются на врагов клинки: да разве это мыслимо оставить в беде своего кор- башы!.. Вскоре, сомкнувшиеся вокруг майора французы рассеяны, Лачин снова в строю полка и вновь командует.

К этому времени противник, не ожидавший такого отпора, начинает отходить, но в полном порядке, — пехотинцы смыкают шеренги, оцетинившись штыками.

Атаману докладывают: «Французы отступают». Он : «Трубите сбор, чтоб не нести излишних потерь. В конце концов, это первый встречный бой, проба сил... Пусть Наполеон подсчитает потери и поймет, что затеянная им прогулка по русской земле не состоится: за каждую версту придется расплачиваться кровью...».

Награждение перед строем Буранбая Чувашбаева, рядового Узбека Акмурзина, есаула Ихсана Абубакирова, хорунжия Гильмана Худайбердина и др.

Раскрашенная гравюра первой половины 19 века «Стычка казаков с французами у с. Довгелишки 23 июня (5 июля) 1812 г.» вдруг оживает.

Башкир-тептяр с переднего плана гравюры выстрелом из пистолета убивает своего преследователя и смело бросается в сабельную рубку с другими. Первая атака отбита. В 18 часов неприятель открывает артиллерийский огонь и возобновляет наступление. Но русская артиллерия под началом Кутайсова останавливает их продвижение. В это время генерал Орлов - Денисов во главе лейб-гвардии Казачьего, 1-го Тептярского, 1-го Бугского казачьих и Елисаветградского гусарского полков при поддержке нашей артиллерии атакует неприятеля и заставляет его в беспорядке отступить, *«а сам с отрядом своим в совершенном порядке переправился за реку»*. Наши войска частично разрушают мост и выстраиваются за рекой под прикрытием 6 орудий. Погребение на поле боя 150 воинов разных национальностей.

Платов Лачину у села Мир: - Хочу поймать кичливых французов в волчий капкан. Заманить их в петлю аркана. В окружение!.. И сделаете это вы, башкиры. У казаков свои боевые задачи.

Он по карте разъяснил майору свою хитроумную затею.

- Справиться?
- Убежден.
- С богом!..

Вернувшись в полк, Лачин держит совет с Буранбаем и сотниками. Решают: «Первая сотня, самая сколоченная, вяжется в стычку с аванпостами противника и сразу же отскочит. Джигиты прикинутся струсившими и ударятся в поспешное бегство к селу Мир, где основные силы полка засядут в засаде полукольцом».

- Разрешите мне быть с первой сотней? - спрашивает Буранбай.
- Охотно разрешаю. Сам хотел просить вас возглавить операцию.

Французы стоят в селе Кареличи, пушки на редутах, пехотинцы в строю. Миг, и затрещат барабаны, загудят трубы, и шеренга за шеренгой солдаты зашагают в атаку. 27 июня Буранбай нарочно повел сотню по открытому полю, чтобы противник решил, что она сбилась с пути и запутала. Французский генерал Турно попался на крючок, хвастливо вознамерился: «Пленить опрометчивых конников! - Да много ли их? Какая-то сотня!». И генерал бросает с обоих флангов, из-за домов, польских улан. Переметнувшиеся к Наполео

ну нарядные, в разноцветных мундирчиках, уланы с беспечной самоуверенностью понеслись окружать неказистых, в сереньких кафтанах, на низкорослых лошадках всадников.

Буранбай скачет последним, нарочно показывая уланам, как криками и ударами сабли плашмя подгоняет своих охваченных ужасом всадников.

В самопоении уланы, вздымая завесы пыли, размахивая стягами на пиках, ворвались на улицу села Мир. Капкан захлопнулся. Полукольцо засады сомкнулось в нерасторжимое кольцо. Началась битва на уничтожение - стрелы, а затем сабли и копыя джигитов безжалостно истребляют поляков. Генерал Турно швыряет в преследование эскадрон за эскадронами - все они исчезают в смертной рубке. Чтобы французская пехота не двинулась на выручку, Платов разворачивает бригаду Кутейникова. Финал: Платов рапортует Багратиону: *«Генерал Кутейников ударил с правого фланга моего на неприятеля так, что из 6 полков неприятельских едва ли останется одна душа или, быть может, несколько спасётся. А у казаков потери были совершенно незначительны, потому что перестрелки с неприятелем не вели, а бросились дружно в дротики и тем скоро опрокинули, не дав им поддержаться стрельбою. Бригада генерала Турно разбита наголову»*. За проявленную отвагу и храбрость рядового Узбека Акмурзина производят в урядники.

Тем временем, в тылу, с амвона мечети зачитывают царский манифест, наскоро переведённый на башкирский язык с решительной концовкой: *«...Я не положу оружия, доколе ни одного неприятельского воина не останется в царстве моём»*. Мулла, старательно выговаривая каждое башкирское слово перевода, читает о вторжении иноземных полчищ, а затем призывает всех правоверных мусульман к самоотверженному исполнению своего верноподданнического долга:

- Аллах благословляет джигитов на ратное служение царю-ба- тюшке!

Мулла Асфандияр возносит молитву за здоровье и благополучие джигитов Первого и Второго башкирских полков. Молебен закончился, но люди не расходятся, как обычно, по домам, а с женами и детьми

шагают к горе, зубчатая вершина которой резко очерчена алой каймою угасающего солнца. Мужчины идут молча, а женщины рыдая, причитают, будто заранее оплакивая своих мужей и сыновей: ушедших и тех, кому в ближайшие дни предстояло уйти на войну.

У возвышенного подножия горы разводят костер из хвороста, собранного подростками в перелеске и оврагах. Поднимается бушующее пламя, тьма спускается и залегает в ущельях и ложбинах. С телеги снимают связанного по ногам барана. Мулла Асфандияр поворачивается в сторону киблы¹, преклоняет колени и, подняв руки, протяжно затягивает:

- Прими, Аллах, нашу чистосердечную жертву! Укрепи силой тело, а сердца наших джигитов - отвагой!

Власть твоя, Всевышний, безгранична, - прикажи, чтоб война скорее закончилась победой и быновья наши со славой вернулись домой. Мир - народу нашему. Аллаху-акбар!.. В толпе раздались почтительные молебны:

- Аллааху-акбар!.. Услышь, Аллах, наше моление!.. Сохрани детей от сиротства!.. Испепели шайтана, накликавшего войну на Расяй!..

Ильмурза в яростном гнѐве воскликнул:

- Шайтану Наполеону - анафема и смерть!

Толпа подхватила, как заклятье:

- Смерть! Смерть! Смерть!..

Мулла, шепча в бороду «аминь», протягивает Ильмурзе остро отточенный нож.

- Старшина юрта, ты - турэ, тебе по праву и достоинству принести эту жертву Всевышнему и пророку его!

Ильмурза набожно произносит: «Бисмилла!..», укладывает жертвенного барана головой в сторону киблы и единым взмахом перерезает ему горло. Шкуру, как и полагалось, вручают мулле, голову, ноги, требуху - бедным старикам. А мясо жарят на вертеле, и куски, сочные, с капельками крови, раздают сперва мужчинам, потом женщинам и подросткам: каждому надлежит вкушать это причащение кровью и мясом, чтобы умиловить Аллаха - защитника всех смертных... Этот обряд переходил из поколения в поколение и соблюдался башкирами неукоснительно, когда начинались войны.

¹К и б л а — направление в сторону Мекки, священного города мусульман.

Костер угасает, из аула донеслись первые зычные вскрики петухов, и по благословению муллы верующие, взявшись за руки, пошли домой, то и дело выкрикивая:

- Никто не победит Российскую империю!.. У башкир и урусов
- одна судьба!..

Утром в ауле начались хлопоты, суета, сборы - по указанию старшины Ильмурзы женщины - матери, жены и старшие сестры - в тех домах, где были взрослые парни - очередники запасных полков, пьют бешметы, варят корот, коптят мясо. Многоопытные старцы пьют полушубки, теплые сапоги-бурки, шапки, а бывалые охотники мастерят луки и стрелы.

Старшина Ильмурза досконально осмотрел новые стрелы и решительно забраковывает:

- Это не боевые стрелы, а лучинки!

Мастер, в годах, обижается:

- Позволь, всю жизнь охочусь такими и на дичь, и на зверя!

- Может, против куропатов и диких гусей это оружие верное, но если бы я с такими стрелами вышел в бой, то с войны с Турцией не вернулся бы на коне и с медалью!

- Какими же должны быть боевые стрелы? - спросили парни, завтрашние воины.

- Стрела должна быть ровной и крепкой, как железный стержень. Но и легкокрылой в полете, как молния. Из какого дерева делать стрелу? Я перепробовал и березу, и тополь, и клен - не годятся. Наконец нашел самое лучшее, но держал в тайне. А тут, раз уж война началась, придется открыть вам секрет.

Парни окружили старшину кольцом, жадно слушают, а мастер, подавив обиду, спрашивает:

- Каков же секрет?

- Ты под каким деревом сидишь? Под липой? - Старшина с торжеством рассмеялся: - Для выделки боевых стрел лучше липы дерева нет.

- Как так? - охнул мастер.

- А вот так! Стрела из липы - самая прямая, самая легкая, самая крепкая в ударе! Насладившись произведенным на мастера и молодежь впечатлением, Ильмурза продолжает: - Только делайте стрелу из сердцевины! Разрубите дерево пополам, если сердце

вина слишком толстая, разделите еще на две части. Не повредите волокна, иначе стрела получится ломкой. Как вырежете стрелы, обтепшите, чистенько отшлифуйте и опустите концом в кипяток. Через час-другой надрезайте, пока древесина мягкая, разбухшая, и вставляйте наконечник. Потом другим концом в кипяток, распарили, вставили оперенье - и тогда склеивайте волокна древесным клеем. Стрела подсохнет, сожмется и станет - словно отлитая из булатной стали.

На следующий день нашли кузнеца. На окраине аула под навесом сложили горн, и звучно ударил молот по наковальне. Старшина Ильмурза облегченно перевел дыхание: - «Новобранцы пойдут в полки с новеньким оружием».

Военный губернатор Оренбургского края князь Григорий Семёнович Волконский прибыл в Уфу. Беседа Волконского с уфимским гражданским губернатором Навзоровым в кабинете Уфимского дворянского собрания.

- Не вижу вашей помощи Седьмому кантону, - без предисловия заявил князь.

Наврозов попытался выкрутиться и с покорным видом развел руками:

- Ваше сиятельство, у гражданского губернатора полномочия, как вы знаете, ограничены. Занимаюсь лишь сугубо штатскими делами. И вообще наше административное право запутано до невероятия!.. Башкирские казаки непосредственно подчинены вашему сиятельству как оренбургскому военному генерал-губернатору. И посему я, - он беспомощно вздохнул, - Седьмого башкирского кантона не касаюсь.

- Это все пустые отговорки, - оборвал его князь. - Война идет, кровопролитная война, а вы здесь живете спокойно.

- Уфимцы, ваше сиятельство, собрали на нужды войны около пятидесяти тысяч рублей, - выложил козырь Наврозов.

- Сумма, конечно, порядочная, но это только десятая часть собранного башкирами, тептярами и мишарами. Да и эти 50 тысяч помещики содрали с крепостных мужиков! И вы об этом отлично осведомлены. Так что извольте-ка, ваше превосходительство, потрясти

теперь уфимских дворян и купцов-толстосумов. Нужно помочь созданному в Уфе Уфимскому пехотному полку и собрать для армии тысячи лошадей!

- Слушаю, слушаю, - поддакивал Наврозов, вдруг его осенило и он сказал: - В тот день, когда был получен высочайший манифест о вторжении полчищ Наполеона, майор Жмакин заверил уфимцев, что жизни не пожалеет ради победы, и дал вольную тринадцати своим крепостным, а их у него всего-то тридцать восемь... Мелкопоместный! - виновато понизил голос губернатор. - И выложил триста рублей!

- Хвалю! А где остальные уфимские дворяне?

- Гм!..

- Вот я вам, ваше превосходительство, и толкую, что и вы лично, и дворяне решили отсидеться в затишке! - раздраженно произнес князь.

- Ваше сиятельство!..

- Да что «ваше сиятельство»! Повторяю, извольте шевелиться проворнее.

1 июля корпус Платова прибыл в Романово, где получает приказ. Багратион Платову: «- Во что бы то ни стало, задержите наступление противника на сутки, чтобы дать время 2-й армии организованно отступить и не попасть в окружение». 2 июля авангард французов, состоящий из 7 кавалерийских полков, встречен казаками, башкирами и калмыками и после упорного боя опрокинут. Враг предпринимает вторичную атаку, но, натолкнувшись на стойкую оборону казачьих полков, вынужден отступить. Вид боя с птичьего полёта и фрагменты отдельных схваток.

На марше 1-й Башкирский казачий полк обгоняет совсем ослабевших от бесконечного отступления егерей 1-го Егерского полка. Походный старшина сотникам: «- Ну что, поможем русским братьям, ведь в плен попадут, французы-то на пятки наступают?» Сотники: «Конечно. Возьмём ослабевших егерей, их ранцы и шанцевый инструмент на своих запасных коней». Кадры отступления смешанного казачье-егерского полка с радостными лицами русских егерей на башкирских лошадках.

Тем временем, Второй Башкирский казачий полк майора Курбатова в составе авангарда 3-й Западной армии под командованием Ламберта 15 (27) июля участвует в первом крупном сражении Отечественной войны 1812 г. под городом Кобриным (восточнее Брест - Литовска). В этом сражении 2-й Башкирский полк вместе с донским казачьим Власова

2-го и эскадронам гусар перешёл через р. Мухавец, занял дорогу на Пружаны, оттеснив саксонский эскадрон к городу, но был встречен пехотой, засевшей во рву и домах. Штурм города. Вид сражения с воздуха. Итог: убиты сотни саксонцев, взято в плен 2382 солдата, 76 офицеров и 2 генерала из корпуса Ренье. **Взятие г. Кобрин стало первой крупной победой русского оружия в 1812 году.** Награждение полкового старшины Аралбая Акчулпанова из Стерлитамакского уезда за храбрость и отвагу. Вышестоящий командир зачитывает приказ перед строем: *«Господин пятисотенный старшина Аксулпанов. Именем его императорского величества в справедливом уважении к отличной храбрости вашей в сражении 15 июля при городе Кобрине оказанной, по личному моему в том удостоверению препровождаю у сего для возложения на вас орден Св. Анны. 3-го класса. Генерал от кавалерии Тормасов. Июля 18 дня 1812 года».* Награждающий, вручая саблю: «Орден Св. Анны 3-й степени по установлению 1797 года носится на сабле. Изготовлен из чистого золота. Аннинское оружие никогда не снимается, даже при получении более высоких степеней того же ордена». Погребение погибших в братской могиле. Кадры артиллерийского салюта в честь этой победы в Санкт-Петербурге. (Если сохранился, то затем в кадре встает памятник на братской могиле скульптора Отто и инженера Маркова, сооруженный в 1912 году на средства солдат и офицеров частей, принимавших участие в сражении. На вершине гранитной скалы бронзовый орёл, впившийся костями в лавровый венок с вензелем N. У подножья скалы - четыре мурты и пирамидки ядер. На трёх сторонах скалы - мраморные мемориальные доски с перечнем частей российской армии, участвовавших в Кобринском сражении, а также взятых ими трофеев и пленных).

Атаман Углицкий примчался из Петербурга в Оренбург, не щадя лошадей ямских троек и усердно поколачивая по загривку ямщиков. Дома лишь поздоровался с семейными и отправился к князю Волконскому.

Григорий Семенович раскрыл ему объятия.

- Ну, Василий Андреевич, голубчик, скорее рассказывайте, какие новости привезли из Петербурга?

- Ваша супруга Александра Николаевна и все члены семейства, слава богу, в полном здравии и благополучии, шлют вам глубокие поклоны. Разрешите вручить письмо Александры Николаевны.

- Благодарствую, - князь положил пакет на стол. - Вечером, на сон грядущий прочту... А пока доложите, как на фронте.

У атамана на широком лице с буйно-черной бородою появляется мрачное настроение.

- Отступает наша армия, ваше сиятельство, все еще отступает, - глухо произнес он. У Смоленска Первая и Вторая армии объединились, а восьмого(20) августа главнокомандующим назначен Михаил Илларионович Кутузов.

- Слава тебе господи! - Князь быстро поднялся, повернулся лицом к божнице - там перед иконами горела неугасимая лампада и перекрестился несколько раз. От волнения на его обычно тусклых глазах блеснули слезы. - Россия спасена!.. Осчастливили вы меня, Василий Андреевич! Теперь судьба победы в надежных руках. И Суворов, и солдаты любили, почитали Михаила Илларионовича. Когда в тысяча семьсот девяностом году штурмом взяли Измаил, Александр Васильевич Суворов назвал Кутузова своим способным учеником, а меня, гм, меня... беспокойным Волконским! Раз Михаил Илларионович - верховный вождь армии, будьте уверены, полчища Наполеона Бонапарта обречены на сокрушительный разгром. - Подумав, князь твердо добавил: - И на скорый, весьма скорый разгром!

- В Петербурге, ваше сиятельство, все тоже приободрились, повеселели, вполне доверяют Кутузову.

- А как решился вопрос с организацией новых башкирских полков?

- Положительно, ваше сиятельство, решился во всех отношениях, - радостно сообщил атаман. - Разрешите представить указ императора, подписанный в день назначения Кутузова.

Князь приблизил к глазам документ, прочитал вслух, с нескрываемым удовольствием выговаривая каждое слово:

«№ 2. 1812 г. Августа 8. - Указ, объявленный Главнокомандующему в С.-Петербурге Управляющим Военным министерством о формировании башкирских казачьих полков».

Глаза Волконского радостно заблестели:

«Удалось!.. Конечно, сомнения императора Александра были понятны - от августейшей бабушки Екатерины он наслушался подростком всяких ужасов о восстании Пугачева. Но за эти годы я глубоко узнал башкир - народ честный и бунтовал против произвола заводчиков, купцов, чиновников, за соблюдение условий договора с Иваном Грозным... А России - верны, защищают ее в годину военных испытаний...»

Дежурный лакей доложил: «Прибыл подполковник Ермолаев, начальник губернской канцелярии».

- Конечно, проси! Как раз к делу!

Ермолаев: «Мое почтение князю, поздравляю атамана с благополучным возвращением из столицы». И с живейшим интересом ознакомился с указом.

- А каковы ваши намерения, Алексей Терентьевич? Ермолаев раскрыл папку с бумагами, ведомостями.

- Кантоны давно готовы к организации и отправке башкирских полков. Башкиры буквально надоедают просьбами послать их на фронт. Вот, ваше превосходительство, - подполковник показывает бумагу, - крещеный башкир Михайлов ходатайствует об отправке на войну обязательно с башкирскими всадниками. И еще - братья Абдулхак и Назир Абдулвахитовы из Девятого кантона... - Он перебирал, проглядывал прошения. - Старшины юртов Габдрахманов Ильмурза, Абдрахманов Абуталип, Хашимов Абдрахман... Да всего около тысячи заявлений!

Волконский: - Не будем тянуть! Немедленно отправьте Третий, Четвертый и Пятый башкирские казачьи полки из уже съехавшихся ещё до указа добровольцев, через Нижний Новгород к Москве.

- Слушаюсь.

- Я ознакомился с положением в кантонах, - Волконский вынул из ящика стола бумаги. - Начальники кантонов, надо отдать им должное, времени не теряли и усердно поработали... Новобранцы имеются, обученные, ну с вооружением есть недочеты. Но это наша с вами задача, наша обязанность - помочь делом башкирским джигитам. При этих словах атаман и Ермолаев наклонили головы в знак того, что свой долг знают и выполнят. - В Первом и Втором кантонах

можно сформировать Двадцатый полк... а в Шестом кантоне - два полка: Четырнадцатый и Пятнадцатый. И в Седьмом - два полка. Вот здесь я прикинул свои выкладки, это пока не приказ, а предварительные соображения.

- Князь протянул бумаги. «Э-э, не для прохладения катался старик по кантонам, - с глубоким уважением подумал Ермолаев.

— Все видел, все взял на учет. Старая военная косточка!»

Григорий Семенович атаману: - Расскажите подробнее о боевых действиях русской армии. И, в особенности, о наших казачьих русских и башкирских полках Оренбуржья.

- У Смоленска полк шеф-майора Тимирова храбро сражался против французов, наседавших на Сырокоренье! - с упоением говорит атаман,- Из башкирских джигитов Платов собрал ударный отряд.

Башкирский воин. Карандашный рисунок. Худ. А.О. Орловский, перв. четв 19 в.

и у Молевых болот в конце июля наши всадники изрядно потрепали французов. А тут Платов бросил в бой еще шесть казачьих полков, и шеститысячная орда... хе-хе, именно орда генерала Себастиана была изрублена в капусту, ваше сиятельство! - Углицкий разволновался, словно сам отличился в том бою, - И пленных взяли до восьмисот солдат!.. Шесть башкир повысили в званиях

- Ах, молодцы, ах, удалцы! - восторгается князь. - Нет, не придется мне, старику, стыдиться за Оренбургское казачье войско!..

Вся русская армия, от генерала до рядовых солдат, воспрянула духом, узнав о назначении Кутузова главнокомандующим. Два месяца непрерывного отступления тягостно отзывались в душах: иные устали, иные отупели, а иные и попросту струсили... Но о Кутузове все, даже молоденькие новобранцы, знали, в него верили, им гордились. У костров на ночных привалах шли оживленные и радостные разговоры:

- Ну теперь всё обернется иначе, братцы!
- Да-а, Кутузов этим мусью ка-эк двинет! - мокрое пятно останется.
- Смазывай пятки салом, царь Наполеон!

Башкирские джигиты тоже воодушевились, узнав, что Кутузов - наиглавнейший. В Первом башкирском полку войсковой старшина есаул Буранбай Кутусов рассказывает им:

- Верховный - близкий друг нашего генерал-губернатора Волконского. Вместе в молодости били турков! Князь всегда говорил о мудрости и трезвом расчете Михайлы Илларионовича. А как атаман Платов отзывается? - Нахрабейший и наидобрейший Кутузов, таковы его слова.

И майор Лачин доволен: - Объединились две армии, один Главный, один штаб, один приказ, один порядок. И воевать уже сподручнее! Багратион - вспыльчивый, горячий, да разве он мог ужиться с медлительным Барклаем? И откуда он взялся, Барклай? Солдат своего нутром чует...

- Да, о Барклае разное толковали в полках, - подхватил Буранбай,- Говорили, что проданся Наполеону и нарочно портит дело.

Лачин был осторожнее:

- Не думаю, что проданся, но воюет плохо, - всё отступаем и отступаем...

- Барклай - чужеземец!.. Ему не жаль русскую землю! - не мог остановиться Буранбай. - У кого нет Родины, тому все равно кому служить, - лишь о деньгах мечтает. Такие люди - перелетные птицы, их к теплу тянет. Это мне, и в лютые морозы башкирская земля мила!..

Майор не смог сдержать улыбки, но тут же опомнился и строго предупредил:

- Не распускай язык, есаул, а то несдобровать.

- Я не распускаю язык, а уверен, что немец Барклай не болеет за русские сёла и города.

- Да при чем тут нация? Ты, есаул, тоже не русский, но честно воюешь за Россию.

- Нечего меня с немцем равнять! - вспыхнул Буранбай. - Русский и башкир - два разных пальца, но одной руки.

- Отчего же тогда башкиры столько раз бунтовали? Не ты ли, поэт и певец, славил в песнях бунты Сайта, Алдар-Кусима, Батыр- ши, Карасакала, Салавата?

«Башкир - крещённый, конь лечёный - одна цена! - подумал Буранбай. - Не понять тебе душу джигита!..» И говорит пылко, убежденно:

- Не путай, майор, чёрное с белым. Башкиры бунтовали против хищничества, грабежей заводчиков, купцов, чиновников. Сколько они земли отобрали у башкир? Как же после этого не бунтовать?! Ведь по договору с «белым падшой» земля должна оставаться в общинной собственности башкир. Для башкира бунт - не сабантуй, а кровь. За бунт тысяча семьсот тридцать пятого года сожжено свыше пятисот аулов. За бунт сорокового года сажали на кол, подвешивали за ребра, рубили головы тысячам. Свыше трех тысяч джигитов сослали в Сибирь. В сорок первом году семнадцать тысяч башкир насильно крестили. Буранбая так и подмывало спросить: «Не твоих ли дедов-отцов, майор, тогда окрестили?»

Лачин остановил Буранбая в очередной раз, сказав:

- Не горячись, есаул! Теперь не время вспоминать былые обиды. Французов надо бить крепче!

- Ты прав, майор, - принудил себя к спокойствию Буранбай.

- Свой воинский долг перед Россией я выполняю честно!

Неспроста главнокомандующий со свитой объезжал в двадцатых числах августа 1812 года Бородинское поле и окрестности. Все дороги в Москву пересекали это поле, и проскочить в обход нельзя - на правом фланге река Москва, слева - густые леса. С выбранных Кутузовым холмов все поле далеко проглядывалось - удобно русским артиллеристам вести прицельный огонь по противнику. Многочисленные ложбины, ручьи мешают французам маневрировать пехотой. Михаил Илларионович и сам досконально обследовал местность, и выслушал рапорты штабных офицеров. Лишь после этого отдал приказ: «- Строить укрепления, оборудовать позиции для батарей, редуты для пехоты».

Кутузов вновь и вновь проверяет свои соображения, представляя себе зримо и местность, и расположение войск: правое крыло генерала Милорадовича от деревни Малой до деревни Горки - два стрелковых корпуса, в резерве кавалерия генерала Уварова и казачий корпус Платова... И центр: батарея Раевского, корпус Дохтурова, Уфимский и Оренбургский пехотные полки... Левое крыло Багратиону... Главные силы у Новой Смоленской дороги, ибо там стратегическое направление на Москву, - конечно, Наполеон это понял... Значит, надо еще усилить правое крыло...

И, подписав письмо царю Александру, верховный дежурному офицеру: «Вызовите начальника штаба армии».

- Леонтий Леонтьевич, требуется усилить правый фланг частями из резерва и батареями, - говорит он твердо, когда хмурый Беннигсен входит в комнату.

- Не вижу оснований для такого предпочтения, - не раздумывая, запальчиво отвечает генерал.

- Зато я вижу разумные основания для обороны Смоленской дороги!..

- Слушаюсь, - недовольно бурчит Беннигсен. - А какие части прикажете передать правому крылу?

‘ - Сами прикиньте со штабными офицерами и распорядитесь

- вот это в вашей власти начальника моего штаба... Моего! - повторил Кутузов как бы безразлично. - А я поеду посмотрю некоторые полки.

Вечером во всех частях французской армии зачитывают приказ императора:

«Воины! Вот сражение, которого вы так ждали. Победа в руках ваших: она нужна нам. Она доставит нам изобилие, хорошие зимние квартиры и скорое возвращение в отечество. Действуйте так, как действовали под Аустерлицем, при Фридланде, Витебске и под

Смоленском, и позднее потомство вспомнит с гордостью о подвигах ваших в этот день и скажет о вас: и он был в великой битве под стенами Москвы! Наполеон». Этот приказ должен был составить особо славную страницу - Московскую - истории царствования Наполеона. Скоротечные европейские войны забавляли императора: там после первой же проигранной битвы короли капитулировали, сдавались на милость победителей. Здесь, в России, все получилось иначе: и непонятно, и зловеще... (Наполеон еще не понял, что Россия ведет войну на изнурение, на обескровливание, на окончательное сокрушение и изгнание полчищ неприятеля).

Утро 26 августа (7 сентября) начиналось туманом, но когда Наполеон при помощи ординарца влез в седло, сквозь облака прорвались сильные яркие лучи солнца и щедро озолотили пышно расшитые мундиры маршалов, генералов, офицеров, столпившихся у шатра императора.

- Смотрите, вот оно, солнце Аустерлица! - высокопарно, надменно воскликнул Наполеон, подняв к небу руку в белой перчатке. Это и был приказ начать бой.

Сотни французских пушек загремели, но им немедленно ответили русские батареи. Завеса серо-мутного едкого дыма заволокла поле, лишь багровые вспышки выстрелов прорывали ее, но на мгновение, и снова душная, грязного цвета тьма смыкалась над позициями.

Все происходило не так, как мечталось Наполеону вчера на военном совете с маршалами, и в коротеньких свидениях. Атаки корпусов Даву, Мюрата, Нея, Жюно отбиты русскими. Маршал Даву контужен. Укрепления вокруг Семеновского полка, так называемые «Багратионо-вы флешы», держатся с пяти утра до половины двенадцатого дня, - все отчаянные, волна за волной, атаки пехоты отбиваются пулями, ядрами, штыками русских. Князь Багратион, витязь легендарной отваги, в гуще боя, и приказом, и словом, и личным примером воодушевляет солдат. Они держатся под огнем уже не ста пятидесяти, как утром, орудий, а четырехсот, собранных сюда по указанию Наполеона. Кутузову докладывают: «Силы защитников флешей тают в огне и штыковых схватках». И он, наконец, приказывает: «Казакам Платова и кавалеристам Уварова ударить по левому флангу французов, прорваться в тыл и тем самым ослабить нажим противника на позиции Багратиона!».

Первый башкирский полк майора Лачина, переправившись через реку Война развернулся и дружно бросается вперед на стоявших еще в походных порядках пехотинцев. Те и выстрелить из ружей не успевают, как на них устремляются, словно с вышины, пернатые стрелы.

- Казаки! Амуры! - завопили солдаты и бегут в перелесок, надеясь укрыться в чаще, в буреломе. Офицеры пытаются остановить их и бранью, и ударами плашмя сабли по спине и плечам.

- Башкиры!..

Буранбай мчится в первом ряду всадников, на всём скаку вскидывает лук, и меткая каленая стрела пронзает вражеского офицера, повернувшегося к нему спиной, - то ли пытался удержать улётывавших в панике солдат, то ли сам надеялся спастись в лесу...

Но за пехотой противника, справа, находятся французские кавалеристы. Протрубил горн, они вскинули сверкнувшие бликами сабли и изготовились к атаке.

- Есаул Буранбай, - крикнул майор Лачин, - мы будем преследовать пехоту, а ты с первой и второй сотнями сдержи и отбрось конницу!

Не теряя времени, Буранбай поворачивается обе сотни джигитов вправо. Залп стрел ошеломил мчавшихся очертя голову самоуверенных, дерзких всадников - иные рухнули на землю, другие сползли с седла под копыта лошадей задней линии. А там офицер в пестром мундирчике зацепился ногою за стремя и волочится в пыли. Да, башкиры нанесли коннице потери, но оставшиеся бросились в бешеную рубку, смело принимая на свою сабли клинки джигитов и сами нанося удары. Конь Буранбая вертится винтом, скользя копытами в крови, топча и своих башкир, и французов, есаул колет копьем, наотмашь кромсает саблей.

Вдруг раздается протяжный крик:

- Ранили командира полка!.. Ранили Лачина!..

Буранбай привстал на стремях и гаркнул во всю силу легких, заглушив и ржанье лошадей, и стоны раненых, и одиночные выстрелы:

- Спасайте майора!.. Увозите майора с поля боя!

А французские пехотинцы, получив подкрепление, опомнились, сомкнули шеренги и, время от времени стреляя, зашагали вперед, выставив штыки. Сотня казаков оказалась зажатою между пехотой и конницей. Буранбай, приняв командование полком, выставил крепкий заслон против кавалеристов, а сам с сотней бросается на выручку донским казакам. Врубившись в строй вражеских пехотинцев, он внезапно замечает молодого Перовского. Юноша дерется от

важно и умело, - есаул увидел, как, изловчившись, корнет отрубил напрочь руку французу, замахнулся тут же на его соседа, но сабля налетела на ствол тяжелого ружья и раскололась как стеклянная, Перовский потерял равновесие и вывалился из седла....

С гиканьем и пронзительным свистом джигиты теснят французских пехотинцев, навзничь опрокидывают грудью коня, вдавливают в землю копытами, колют копьями, разваливают напополам саблями.

Буранбай послал надежных всадников искать и увозить Лачи- на, а сам спешился и поднял Перовского. Корнет ранен либо в момент падения, либо в схватке, но, упоенный удачей, не заметил этого, а теперь жалобно стонет от нестерпимой боли и унижения.

- Терпи, казак, атаманом будешь! - говорит Буранбай по-русски.

- Спаси-бо-о... - лепечет юноша. - Вы спасли меня! Мне так хочется жить!..

«А кому не хочется жить? Вот чудак...» - усмехнулся Буранбай.

Он передает Перовского ординарцу:

- Вези в госпиталь. А что с майором?

- Отбили от французов, эвакуировали в тыл! - доложил сотник.

- Ну слава Аллаху! - и Буранбай сняв шапку, вытер рукавом залитый жарким потом лоб.

Рейд Уварова и Платова отвлек внимание Наполеона от непрерывных атак. Император сам примчался к д. Беззубово узнать, в чём дело, что заставило его на два часа приостановить штурм Куганной высоты.

Тем временем, Барклай де Толли приказывает: «Замените в центре остатки корпуса Раевского последним свежим корпусом Остермана-Толстого». Дохтуров: «Приведите в порядок расстроенное левое крыло».

Вестовой Платова в это время подсакал на запыленном коне и передает Буранбаю приказ: «Вывести полк из боя, дать передышку людям, лошадям и ждать дальнейших распоряжений». С трудом удалось остановить и заворотить опьяненных рубкой джигитов. Буранбай мечется из стороны в сторону по полю, заваленному трупами и своих, и французских солдат, тушами убитых или издыхающих, хрипящих лошадей. Есаул не обращает внимания на повизгивающие то и дело пули, не кланяется им, а требует от сотников: «Не раз и не два осмотрите каждую ложбинку и вывезите каждого раненого, каждого убитого. И мертвый, воин

не должен оставаться на поругание противнику». Наконец полк сосредоточился в овраге, за дорогой. Джигиты расседлали шатающихся от усталости, взмыленных лошадей. И кони, как люди, легли на траву, а всадники вытянулись рядом с ними.

Мимо ехал штабной офицер, остановил коня, поздоровался с Буранбаем.

- Князь Багратион убит! И начальник русской артиллерии генерал-майор Кутайсов тоже.

Смертельное ранение генерала Кутайсова. Худ. И. Архипов, 1975 г.

- Не может быть! - восклицает потрясённый Буранбай.

- Что поделаешь, война... - пожал плечами офицер. - Кутайсов скакал от одной батареи к другой по делам артиллерии, но увидев, что наши отступают от Курганной высоты, не вытерпел и повёл пехоту в контратаку. И героически погиб в рассвете цветущей молодости. Всего 28 лет ему было.

А вы: башкиры, донские казаки и корпус Уварова резко ослабили нажим французов и на флешы, и вообще, на наши позиции. Дали время перегруппироваться.

- Значит, устояли? - обрадовался Буранбай.

- Ну, битва еще продолжается, - невесело усмехнулся офицер, приложил руку к киверу и зарысил дальше. За ним поскакал ординарец.

А Бородинская битва, великая, легендарная, действительно продолжалась. Наполеон безжалостно швырял на русские позиции, под картечь, на штыки, дивизию за дивизией: - Вперёд! Вперёд! Французские солдаты шагают не по земле, а буквально по трупам своих убитых и умирающих от ран товарищей, рвы перед редутами завалены телами французов в два-три яруса. Батарея Раевского держится до последнего артиллериста

- никто не отступает. Когда подбиты все пушки, то уцелевшие батарейцы бросаются врукопашную - дерутся камнями, душат французов руками, колот отнятыми тут же у врагов штыками, колошматят банниками.

Барклай, в генеральском мундире и треуголке с черным пером, угрюмый, затравленный насмешками, сплетнями, подозрениями в измене, словно ищущий смерти, весь день под огнем, лично командует корпусом. Под ним убили коня. Польские уланы Понятовского, увидев поверженного генерала, устремляются к нему, чтобы взять в плен, выслужиться, получить награду за такую добычу, но адъютант, ординарец и подоспевшие гусары изрубили поляков вчистую - никто не улизнул.

В этот день под Барклаем убило трех коней, все его адъютанты и ординарцы погибли, но сам полководец уцелел - ни единой раны. Судьба оказалась милостивой!..

На левом фланге русских позиций образовалась брешь от убийственного огня четырехсот французских пушек, но генерал Ермолов всего лишь с третьим батальоном Уфимского пехотного полка бросается в контратаку. Саксонцы истреблены. Кутузов: «Послать Ермолову подмогу - Оренбургский и Восемнадцатый егерский полки». **Ермолов молод, но про храбрость его солдаты знают, верят ему.** И в беззаветном порыве ударили в штыки в следующей контратаке, сметая вражеские шеренги, втоптывая в заболотившуюся от крови землю трупы захватчиков.

Неприятельская кавалерия пошла в прорыв, но встречена русской конницей, в том числе Оренбургскими гусарским и драгунским полками, которая преграждает им путь. Между батареей Раевского и Семёновским происходит кровавый и упорный кавалерийский бой, прекратившийся только около 4 часов дня вследствие крайней усталости лошадей и конников. **Надвигались сумерки. Битва затихала, самая кровопролитная из всех сражений той эпохи.**

Награждение прямо на поле боя рядовых Уфимского пехотного полка Аннинской медалью или солдатским Георгиевским крестом: Ислама Бакирова, Тимирзяна Султанова, Арслана Ахметова, Ахтана Сулейманова, Корнея Шкурлатена, Салавата Нуриева, Данилу Хавтурина, Павла Жукова, Якова Иванова.

Император приказывает: «Послать в Париж победные реляции!», зная, что потерял в этот день самую боеспособную часть своей армии, за исключением старой гвардии. **«Сорок девять генералов, талантливых, закаленных в боях, убиты или тяжело ранены. И никто не заменит их в последующих боях!..»** думает император.

- А где же пленные? - спрашивает Наполеон вечером. Бертье:

- **Пленных почти нет, ваше величество.** (Русская армия потеряла 53 тысячи убитых и тяжело раненных, в том числе 29 генералов, но в плен к неприятелю попали всего 700 человек, да и то беспомощных после контузии или ранения).

В конце жизни Наполеон напишет: «Из всех моих сражений самое ужасное то, которое я дал под Москвой. Французы показали себя достойными одержать победу, а русские стяжали право быть непобедимыми».

Но и Кутузов предавался невеселым размышлениям: «Война еще не закончена. Разведчики докладывают: «- Старая гвардия Наполеона, закаленная в боях, из отборных солдат, в сражении не участвовала». Вероятно, в резерве остались и другие части. Маршалы Наполеона, конечно, в считанные дни приведут в порядок разгромленные полки, из роты создадут взвод, но сильный, с боевым командиром. Значит, у противника еще есть боеспособная армия. Обещанные свежие полки резерва не подошли... Боеприпасы кончились... Солдат не кормили - на складах не осталось никакого провианта». И напрасно Кутузов посылает курьеров к московскому губернатору с просьбой: «Помогите с продовольствием, резервами и боеприпасами». Он послал даже своего зятя полковника Кудашева, но и тот вернулся в отчаянии: «Ростопчин сочиняет пылкие воззвания к москвичам, но палец о палец не ударил, чтобы накормить армию». **И солдат, как странников, кормили крестьяне подмосковных деревень, а велики ли были их запасы?..** Поэтому ранним утром следующего дня, еще затемно, Михаил Илларионович дежурному офицеру: «Вызовите Барклая и генерала Дохтурова, сменившего смертельно раненного Багратиона на посту командующего Второй армии».

У Барклая совершенно замученный вид, глаза глубоко ввалились, щеки шелушатся и от солнечных ожогов, и от ветра. Но он только что тщательно выбрит денщиком, мундир выглажен и вычищен, - хоть сейчас на прием к императору. Дохтуров одет проще, в походный сюртук, но держится молодцевато.

Полутёмная крестьянская изба тускло освещается одной свечою. Кутузов, еще более обрюзгший, чем обычно, сидел, привалившись к косяку оконца и не ответил на приветствие вошедших Барклая и Дохтурова. Спросил без предисловия: «Подобрали всех раненых? Увезли их в московские госпитали и больницы? Захоронены погибшие на поле брани?» - **По обычаю тогдашних войн, после битвы устанавливалось краткое перемирие, чтобы обе стороны эвакуировали раненых и предали земле погибших...** Получив подтверждение: «Да», «Так точно», все так же, не поднимая головы, не глядя на генералов, фельдмаршал тихо говорит:

- Приказываю... отводить войска в Можайск.

Барклай:

- Ваша светлость, армия хочет продолжения сражения.

Дохтуров, видимо, тоже не ожидал такого распоряжения, но спросить не осмелился, сердито покрутил ус, покашлиал.

Михаил Илларионович внешне оставался безучастным - не сердился на генералов, не осуждает их.

- Михаил Богданович, - сказал он мягко Барклаю-де-Толли,

- не опасайтесь, что вас осудят. Я, - он повторил резче, - я отдал приказ. Это - м о й приказ. Всегда знал, что вы честны, храбры. Вчера, на поле битвы, вы еще раз доказали это. Поймите меня правильно

- храбростью французов не осилить. У Наполеона всё еще сильная армия. Вот и получается, что надо отступать.

Барклай поклонился в знак подчинения приказу и быстро вышел.

Генерал Дохтуров задержался.

- Ваше сиятельство, разрешите...

- Говорите.

- Так мы и в Москве очутимся скоро.

- Голубчик, Москва - еще не вся Россия, - по-стариковски мягко ответил фельдмаршал.

И Дохтуров запомнил это мудрое изречение.

...Услышав об отступлении русских частей к Можайску, Наполеон был на седьмом небе от радости. — Война выиграна! Кутузов позорно бежит. Еще одно сражение, и император Александр подпишет мир!

И приказал Мюрату: - «Преследовать русских, на их плечах ворваться в Можайск и захватить город! У вас еще остались надежные французские и итальянские конные полки, пошлите их в погоню. Соберите из разбитых накануне частей стрелковую дивизию, и пусть форсированным маршем идёт следом за кавалерией». Мюрат, кичливый, самодовольный, убежден, что налётом возьмет город, и загодя посылает адъютанта к императору с приглашением: «Заранее приглашаю ваше величество отужинать и ночевать в Можайске».

Но торжественный въезд Наполеона в незащищенный Можайск не состоялся. Подступы к западной окраине города плотно прикрыты конницей, там стоит в боевой готовности и Первый башкирский полк, которым до возвращения из госпиталя майора Лачина командует есаул Буранбай.

Конница Мюрата неслась по Смоленскому тракту и по пригородным полям и лугам направо, - разве мог Мюрат унизиться до ведения разведки? Нахлестывая отощавших лошадей, всадники мчались стремительно - в Можайске они всласть попируют, отдохнут, накормят коней. «Живей, живей! Прославим маршала Мюрата!.. Слава императору!..» Лошади скачут из последних сил, раздираемые в кровь шпорами. И вдруг на беспечных всадников, обрушивается ураган летучих стрел. Иные кони тут же рухнули и их всадников затоптали копыта скакавших в задних рядах лошадей. Иные вертятся винтом, с предсмертным хрипом и ревом, с иных исчезают наездники, пронзенные башкирскими калеными стрелами. «Скифы! Северные амурь!..» - закричал офицер и тотчас же сполз с седла, ударился об землю. Остановиться конная лавина уже не могла: и уцелевшие кавалеристы, и опалевшие, без всадников, кони налетели на твердыню джигитов, но не смяли, как надеялись, а сами разбились на мелкие клочья эскадронов, угодили под булатные клинки и кованые копыта казаков и башкир.

Справа на врага бросаются лавой конники тептярского полка, а слева русские оренбургские казаки. Весь строй конницы Мюрата, такой блестящий, такой изысканно яркий, распадается на крохотные группы растерянных всадников. А башкиры, тептяры, казаки про

скальзывают налётом между ними, затем поворачиваясь, вздыбив лошадей, набрасываются сзади - нанизывают на пики и копья, кромсают саблями.

Мюрат вынужден приказать: «- Трубите отход». Наполеону пришлось задержать «победный» марш на Можайск: «- Отозвать конницу Мюрата на переформирование и приказать Нею и Даву с их относительно боеспособными корпусами двинуться вперед осмотрительно, ведя разведку, подтягивая батареи».

К есаулу подходит Янтурэ, просит: «Разрешите собрать стрелы на поле боя».

- Хочешь голову сложить даром? - рассердился Буранбай.

- Не я один, многие парни хотят собирать. Имей в виду, домашних стрел совсем мало осталось, а ладить в походе наспех, из любого дерева сырые стрелы бесполезно!

В это время раздаются радостные приветственные возгласы: «Майор!», «Командир!». Появляется майор Лачин с забинтованной, висевшей на косынке рукою. К нему подходят, здороваются: «Поздравляем с благополучным излечением», «С возвращением в полк!». Буранбай тоже искренне обрадовался.

- Вот и спрашивай разрешения у командира, - сказал Буранбай Янтурэ.

Майор выслушал джигита и согласился уважить его просьбу:

- Только ведите себя осторожнее, - может, французы где затаились. И скажи сотникам, чтобы выделили парней порасторопнее, ловчее.

Майор и Буранбай сидят у костра, толкуют о недавних схватках с противником, прикидывают, как восполнить нехватку лошадей. Повар им принес вареного мяса на ужин - прирезали раненного коня... И тут возвращаются веселые джигиты с охапками стрел, ссыпают их на траву.

- Все целы-невредимы?

- Так точно, господин майор! - отрапортовал Янтурэ.

- И пленных привели, - Наполеон, как видно, не очень-то беспокоится о раненых...

- А ну тащи старшего сюда.

К костру подводят большого, рослого офицера, он держится за поясницу и громко стонет - башкирская стрела пронзила его ягодицу, да так и застряла в ней.

Лачин рассмеялся:

- Где его подцепили?

- Из-под лошади вытащили! Не мог сам выбраться, наверно, ребра сломаны.

- Н-да, не повезло за-вое-ва-те-лю! - засмеялся Лачин.

- Ишь как зад-то разворотило! Препроводите-ка всех пленных в штаб.

- Разрешите стрелу не вытаскивать, пускай генералы посмеются, - говорит Буранбай.

Но Лачину это не понравилось:

- Нельзя издеваться над пленными, мы обязаны быть великодушными.

- А он бы вас пожалел, если б давеча джигиты не выхватили вас из самого пекла? - нахмурившись, спрашивает Буранбай.

Майор не ответив, велит: «Позовите полкового лекаря». Но с лекарем прибежал запыхавшийся Янтурэ, закричал:

- Не дам портить мою стрелу!

Лекарь держит в руке пилку, смотрит то на командира полка, то на есаула.

- А откуда ты знаешь, что стрела твоя?

- Ваше благородие, да как же не знать - и дома сам то- чил-обтачивал, и здесь вчера вставил новое оперенье - орлиное перо! - Янтурэ схватил стрелу, и француз взвыл от дикой боли.

На этот раз джигиты не смеялись - пожалели...

- Как же я вытащу, не разрезав, стрелу, - недоумевает лекарь.

- А если тянуть, то весь зад разорвем в клочья.

- Знал бы, сразу там, в поле, и вырвал! - ругается Янтурэ.

- Берегут проклятый французский заднице! Какая стрела пропала!

Кутузов приказывает Платову: «- Удержите Можайск два дня, чтоб дать возможность Главной армии спокойно отступить. Назначаю генерала Розена командовать пехотой арьергарда». На территории бывшего кремля разворачивают донскую батарею, ко

манды стрелков занимают окраинные дома и «изгороды». Мюрат разворачивает свою артиллерию и обстреливает город гранатами и картечью до самых сумерек.

Наполеон, узнав вечером, что Мюрат не занял Можайска, пришел в ярость.

- Какие у русских силы? Вы меня обманываете!

Горячий, бесстрашный Мюрат не испугался императорского гнева, но и спорить не стал, а попытался вывернуться:

- Конница генерала Насути, ваше величество, не прибыла своевременно из резерва.

Генерал Насути отличался язвительностью и без замедления сказал:

- Верно, ваше величество, опоздали... А опоздали оттого, что наши лошади не проявили патриотизма!.. Солдаты воюют на голодный желудок, а лошади - представьте! - без сена и овса еле-еле переставляют ноги!

Император изумленно взглянул на дерзкого генерала, вскипел, но заставил себя улыбнуться: - французы не прощают непонимания шуток.

- А Можайск обороняют казаки Платова, - добавляет Мюрат.

- Да, казаки - лучшая в мире легкая кавалерия, - согласился Наполеон.

- И еще башкирские конники! В ногу генерала Марбо вонзилась стрела, хирурги возятся, а вытащить не могут. Если стрела отравленная, то генералу конец, - сказал маршал, выразительно пожав плечами.

- А разве есть и отравленные? - заинтересовался император.

- Попадаются!..

- Не могу понять, зачем башкирам проливать кровь за Россию?

- И мне докладывают, что у них дикая тактика! - продолжал раздраженно император. - Не придерживаются строя - атакуют гурьбой, ватагой. Предпочитают выскакивать из засады.

- В этом-то их преимущество, ваше величество, - вздохнул маршал. - Кружатся, как рой ос, выскочат из перелеска или оврага

- и туча стрел! Целятся метко, а стрелы летят далеко. И отскочат, спрячутся. А в атаку бросятся то рассыпным строем, то плотным тараном. И рубятся саблями отлично.

Мрачно было на душе полководца: «Война затягивается, надвигается зима. Собственно, из всей полумиллионной армии осталась мощной только «старая гвардия», а остальные корпуса растянуты, либо вовсе обескровлены. Любой ценой надо дойти до Москвы. В Москве - зимние квартиры, продовольствие. Александр не вынесет позора - утраты древней столицы - и запросит мира».

Утром маршал вошёл без доклада и даже не извинился за неучтивость:

- Ваше величество, русские оставили Можайск.

- Убежали? - просиял император.

Маршал был вынужден разочаровать Наполеона:

- Отступили. В полном порядке отступили. Сперва потрепали конницу Мюрата, а затем ушли.

- Но русская армия разбита!

- Разбита в такой же мере, как и наша армия, государь, - с беспощадной жесткостью произнес маршал.

Наполеон разбушевался: « - Послать адъютанта к Мюрату с наистрожайшим приказом: «Немедленно преследовать русских!» Велел Бертье: - Любыми мерами ускорьте марши корпусов Нея и Даву. Поднять по тревоге и подтянуть части второй линии и резерва. Я настигну армию Кутузова у стен Москвы и уничтожу до последнего солдата!

Но Платов располагает выведенные утром войска на господствующих высотах к востоку от Можайска, ставит там батареи. И бой продолжается ещё целый день 28 августа.

Первого сентября, в сумерках, в избе подмосковного села Фили Кутузов собрал военный совет. Были приглашены генералы Барклай-де-Толли, Ермолов, Дохтуров, Беннигсен, Платов, Коновницын, Уваров, Остерман-Толстой, Раевский, полковники Толь и Кайсаров.

Фельдмаршал спрашивает:

- Нужно ли принять сражение перед Москвой или отступить, оставив город Наполеону?

Мнения разделились: Беннигсен, Дохтуров, Платов, Коновницын, Уваров и Ермолов высказались за сражение. Остальные, начиная с Барклая де Толли, - за отступление.

- Доколе будет существовать армия и находиться в состоянии противиться неприятелю, до тех пор сохраним надежду благополучно завершить войну, но когда уничтожится армия, погибнут Москва и Россия! - твердо сказал Михаил Илларионович.

Военный совет понял, что Кутузов решил спасти армию, а затем и Россию.

А в Первом башкирском казачьем полку, стоявшем в арьергарде, готовились к новой схватке с французами. Майор Лачин: — Вот что, есаул, видимо, предстоящее сражение у Москвы выйдет еще кровопот литее, чем Бородинское. Если что со мной случится, напиши моей матери в Пермь. Ты знаешь, как ей написать.

- Что это за страхи, Иван Владимирович! - рассердился Буранбай. - И грешно толковать о смерти, всему свой срок... А полк? Вот придет пополнение из Башкортостана...

- Пополнения в сентябре ещё не будет, не успеют, - уныло произнес Лачин.

Буранбай прилег на палас у низкого костра, рядом с крепко спящими джигитами, и закрыл глаза, но не уснул, а ворочался с боку на бок, одолеваемый мрачными предчувствиями: « Лачин, конечно, прав, тревожась за исход завтрашнего боя и за свою судьбу. А уцелеет ли завтра-послезавтра сам Буранбай? Вернется ли он на родимый Урал? Эх, Урал, вспоминаешь ли ты своего единокровного сына? И вспоминает ли Салима ушедшего на войну Буранбая?...»

Когда в полк пришло пополнение, то среди джигитов был и односельчанин, добродушный Янтурэ, он представился есаулу, охотно сообщил все деревенские новости.

- А как Салима живет? - с трудом спросил Буранбай.

- Живет, - неопределенно протянул Янтурэ. - В богатом доме живет... Привольно живет... Жена мне сказала, что Салима плачет тайно, жалеет, что не вышла к тебе в твой последний приезд.

Буранбай зло усмехнулся:

- Я же посылал к ней, и не раз, а она не вышла. Наверно, боится, что жизнь ей испорчу.

- Ты уже ей жизнь испортил, - честно сказал Янгурэ. - А боится она не за себя - за сына. Тебе бы пора жениться, кустым.

- Не могу, друг, забыть Салиму. И каких красивых, разумных девушек встречал, а все не по душе. Видно, и буду вековать бобылем...

Сейчас есаул вскочил, взглянул в бездонный купол ночного многозвездного неба. «Нет, на войне нельзя растравлять душу. Он желал Салиме и ее первенцу - не своему ли сыну? - счастья, но предаваться мечтаньям о ней, о незабвенной, не имеет права. Его долг - воевать, а если доведется погибнуть, то честно, в смертной схватке... Битва у стен Москвы наверняка будет еще кровопролитнее, чем на Бородинском поле. Помянут ли благодарным словом молодые тех, кто принял героическую смерть на подмосковных рубежах?»

...А в темной избе в Филях плакал бессонной ночью раздавленный безмерным горем Михаил Илларионович, и потрясенные часовые, ординарцы, адъютанты с замиранием сердца прислушивались к неизбывному старческому горю.

На военном совете фельдмаршал величественно сказал спорящим с ним генералам:

- Вы боитесь оставления Москвы, а я хочу одного - спасти армию. Наполеон - бурный поток, и мы его пока не можем остановить. Но Москва станет пропастью, куда этот поток низвергнется и иссякнет. Я приказываю отступление властью, данной мне государем и отечеством.

И вышел из избы мимо вскочивших генералов, замкнутый, как его кровотокающая совесть: - «Я Кутузов, соратник Суворова, вынужден без боя отдать французам вторую столицу России».

А заплакал Михаил Илларионович ночью, сокрушенный, раздавленный ответственностью перед Россией.

...Только под утро задремал Буранбай, согреваемый дыханием угасавшего костра. Неожиданно его тронули за плечо, и он тотчас же вскинулся.

К нему склонился майор Лачин с почерневшим после бессонной ночи лицом.

- Что, Иван Владимирович, начинается битва?

- Никакой битвы не будет, есаул, - неприятно сильным голосом сказал Лачин, отведя глаза то ли от стыда, то ли от тоски. - Фельдмаршал приказал оставить Москву без боя.

У Буранбая земля поплыла из-под ног.

- Да разве это мыслимо - отступать без боя? Я не русский, но и то понимаю, что такое Москва!..

- И я понимаю, - согласился майор. - Но у фельдмаршала свои соображения. А нам приказано замыкать отступление, чтобы конница Мюрата не смяла уходящие войска.

- А куда отойдет армия?

- Этого, есаул, я тоже не знаю, - сердито произнес командир.

- Начинайте выполнять приказ.

- Слушаюсь. И ординарцу: «Пошли джигитов поднимать сотников и трубача».

Утром и днем извилистые узкие улицы и переулки Москвы запружены пролетками, каретами, телегами. А рядом по мостовой и по тротуарам тащатся с узлами, держа малых детей на руках, москвичи и хлынувшие в столицу жители окрестных деревень. В строю молча, соблюдая безукоризненный порядок, идут солдаты. **Страшно идти в бой, но еще страшнее без боя уходить из Москвы...** Гремели колеса пущек и обозных повозок. Цокают копыта измученных, неокормленных лошадей. С плачем, со стонами расстаются москвичи с родной столицей. **Великое, полное страдание и изгнание...**

У моста через Язу схлестнулись потоки беженцев и воинских частей. Лачин приказывает Буранбаю: «С первой и второй сотнями остаться на берегу и следить за порядком. Пресекать любыми мерами мародерство, грабежи. Помогать престарелым и детям». А сам почел полк далее мимо Старообрядческого кладбища, через Коломенскую заставу на Рязанский тракт.

Вечером этого же дня французы вступают в город.

Лишь через двое суток непрерывного марша штабные офицеры начали разводить наши полки по привалам, выяснять численность частей и наличие боеприпасов.

Буранбай без помех привел сотни в полк, доложил майору: «Потерь нет, но лошади заморены, вот-вот рухнут. Да и люди держатся только дисциплиной - неокормленные, без отдыха».

- Иван Владимирович, что же дальше? - умоляюще спросил есаул.

- А что дальше? Будем воевать!...- Лачин держится увереннее, чем в то роковое утро. - Сейчас главное - спасти лошадей. Разослать сотников с надежными парнями по деревням за сеном. Искать еще не топтанные луга. Искать интендантов и требовать, слышите, есаул, не просить, а требовать провианта для людей. В случае необходимости применять оружие! Нам, есаул, надо воскресить Первый башкирский полк. И мы его воскресим!

Буранбай с облегчением вздохнул, вера Лачина в возрождение полка пробудила и в нем духовную силу: «К лицу ли джигиту предаваться унынию? Пока крепка рука, крылата стрела, остра сабля батыр непобедим! И ведь во всех схватках, от самой границы до Можайска, французы ни разу не одолели корпус Платова, а в нем и славные русские казаки, и башкиры, и калмыки. Нет, не усташатся джигиты и захватившего столицу неприятеля». Из разговора с пехотинцами, с казаками и калмыками из соседних полков Буранбай уяснил: «Армия верит мудрости Кутузова».

Постепенно, день за днем, проявлялось гениальное желание полководца провести буквально на глазах противника фланговый марш и прикрыть южные плодородные губернии и Калугу с Брянском. **Фельдмаршал приказал князю Васильчикову: «С двумя полками казаков демонстративно отступайте в прежнем направлении - по Рязанской дороге, увлекая за собою конницу Мюрата».** Когда 10(22) сентября маршал наконец-то смекнул, что его одурачили, и повернул обратно к Москве, русская армия была уже в Подольске, Красной Пахре и Тарути- НQ, начала закрепляться на этих рубежах. В башкирских полках и люди, и лошади, наконец-то, отдохнули. **Буранбай эти дни душевно беседовал с джигитами: - Слава Аллаху, пришел конец и нашему отступлению. Соберемся же с силами и зададим жару наполеоновским воякам!**

Он старался расшевелить, приободрить парней и обычно просил молодого кураиста Ишмуллу: «Ты почаще исполняй народные башкирские мотивы». И сам с упоением заводил песню: *Как заблудший олененок, Томлюсь на чужбине...*

Джигиты вздыхали:

- И-эх, за душу берет!

- До самой глубины сердца доходит!..

А затем кураит заводил шуточную песенку, и джигиты веселели, подпевая своему есаулу, гордясь: «Буранбай и в бою, и в пении мастак!» Вечерами мулла Карагош благостно возглашал: - Мусульмане, ночь близка, ведите на водопой коней, сами на берегу совершите омовение и приготовьтесь к намазу! И вскоре лагерь затихал, лишь часовые, как пешие, так и конные, неусыпно несли службу, охраняя сон полка.

Как-то после делового разговора майор Лачин сказал есаулу:

- Помнишь молоденького офицера, спасенного тобою на Бородинском поле?

- Перовского?

- Да, да, Перовского... Так вот, он попал в плен!

- Василий Алексеевич Перовский, - припомнил Буранбай. - Я же проследил, чтобы его увезли в лазарет.

- Нет, он уже оправился, вернулся в строй, опять служил в штабе и вот вчера-позавчера ехал с пакетом и угодил в руки французов.

- Молоденький, совсем мальчик! - расстроился Буранбай. - А откуда узнали, что попал в плен?

- Казак-ординарец ускакал.

- Как же он бросил на произвол судьбы своего офицера? - возмутился Буранбай.

- Всякое бывает, - пожал плечами майор. Задумавшись, он добавил хмуро: - А в Москве пожары бушуют. Горит первопрестольная!.. И князь Багратион скончался от тяжелой раны. Укрепи свое мужество, есаул, и верь в победу!

- Я в Михаила Илларионовича верю, - без колебаний, горячо произнес Буранбай.

- И я верю! Значит, будем воевать!

Утром Кахым пошел с отчетом о своей поездке по кантонам и осмотре новобранцев к генерал-губернатору князю Волконскому. И получил неожиданный приказ: «Срочно вести полки в Нижний Новгород со сборного пункта». Тем же вечером в Нововоздвижен-ской крепости придирчивый осмотр новобранцев сразу же выявил недостатки в снаряжении. Кахым сотникам: «Быстро в кантоны и

аулы за дополнительным оружием, продовольствием и недостающей зимней одеждой. Одна нога там, другая - уже здесь!» Для осмотра и прощального напутствия в крепость приехал сам Волконский.

На просторном плацу собрались джигиты пока еще беспорядочными ватагами: земляки жались к своим, осматривали друг друга, тут же помогали привести себя в форму. Запела горячо, бодряще труба, послышалась зычная команда:

- На коне-е-ей!.. Стройся!

Без суеты и толкотни, с привычной молодцеватостью джигиты, с саблями у пояса, с луками за плечом и колчаном стрел на боку, с копьями у седла, вскакивали на старательно чищенных, с расчесанными гривами лошадей, держа в поводу запасного коня с набитыми продуктами и утварью седельными сумками. И каждый всадник знал свое место в строю, буквально через минуту на плацу стояли твердо очерченные, словно окаменевшие, сотни.

Глядя на войско, Кахым с гордостью подумал: «Когда такие соколы прилетят на фронт, не посчастливится армии Наполеона!..»

Махальщики замахали издалека пиками с пучками ярких лент, - от дома коменданта крепости тронулась группа офицеров в мундирах. Впереди неспешно рысил на плотной, но смирной лошади князь Волконский.

Кахым поводьями пустил коня вскачь навстречу князю, сильной рукой остановил, заставив копытами взрыть землю. Отсалютовав слепяще сверкнувшей саблей, отрапортовал по уставу:

- Ваше сиятельство...

- Да вижу, вижу... - ворчливо прерывает старик, - построены... И поехал шагом вдоль рядов, у каждой сотни останавливая лошадь, негромко, невнятно здоровается, но джигиты были уже научены и в ответ кричат дружно, весело, мощно: «Ура-а-а!..»

Григорий Семенович со времен Крымской войны полюбился башкирские всадники: терпеливые, выносливые, неприхотливые, смелые в бою. И сейчас он с удовольствием, по-родственному, смотрел на джигитов в их парадной форме: казакины - синие, шаровары

- красные суконные, сапоги с суконными голенищами, шапки - меховые, шляпы - войлочные. На батырах поверх чекменей надета железная кольчуга, на голове - железный шлем.

«Молодые! - грустно сказал себе старик. - Мужиков раз-два, и обчелся, а остальные пареньки. Жаль, многие ли вернутся? А как мне поступить иначе? Россия ждет скорой помощи от Михаила Илларионовича, а его армия понесла большие потери...»

Князь обратил внимание на горделивого сотника, подтолкнувшего коня чуть-чуть вперед из строя.

- Есть жалобы, претензии? - прищурился Волконский, остановив лошадь.

- Никак нет, ваше сиятельство! Сотня к походу готова.

- Ну и молодцы! - кивнул старик.

- Джигиты рвутся в бой, ваше сиятельство! — вольно, громко продолжает Азамат. - Все мы хотим скорее разбить ханцзузов, освободить Ра-асей-скую землю от иноземцев и вернуться на родной Урал. - Лошадей выгуливали на лугах, да вот беда, ваше сиятельство, кочевья-то у нас отрезали, земли и пастбищ в обрез, и-и-иэх, где бывлые просторы! - застонал он.

«Ну погоди, в походе я тебя приструню за длинный язык!» - думает С угрозой Кахым. Но князь не рассердился, он и сам знал, что в предыдущее столетие башкирские земли расхищались беспощадно.

- Кахым, голубчик, - совсем не по уставу обращается он, - распуская новобранцев, пусть простятся с родными, и доброго вам пути в Нижний!

Кахым махнул рукою, командиры полков и сотники повторили его приказ уже по-башкирски, стройные линии полков и сотен сломались, джигиты со смехом, с веселыми разговорами разъехались с плаца.

За крепостью, на берегу реки раскинулся шумный табор, будто забушевал сабантуй, но не весенний, не праздничный, а по-осеннему унылый, с расставанием, со слезами. Пылали костры, в котлах варилась нагульная летняя конина, шумели самовары. Арбы и повозки стояли впритык, бегали с визгом и лепетом дети, лежали на паласах старухи.

Григорий Семенович пообедал у коменданта и уехал в город, поблагодарив Кахыма: «Благодарю за рачительную службу». Теперь и Кахым смог поехать к своим.

У самовара на паласах сидят и полулежат разомлевшие от обильного угощения джигиты, а вокруг них хлопочут матери, жены,

тетки, сестры. Плача, осыпая нежными словечками суют в рот то мясо, то пряники, а в торбы - полотенца, корот, казы. Со всех сторон слышится:

- Отец, береги себя на войне! Справедливо говорят - береженого Аллах бережет!

- Сыночки, милые, держитесь друг за друга крепко, нерасторжимо - если что, помогайте, выручайте!

- Дитятко, улым, откуси от этой лепешки, освященной нашим муллою, а всю ее спрячу в сундук - приведет тебя обратно в родной дом!

- Жена, ты обо мне не плачь, не тужи, не горюй!

- Как же мне не плакать, отец, - не на свадьбу, не на базар уезжаешь, на кровавую войну.

- Откуда взялся этот шайтан Ополеон-Наполеон?

- Ты о нас не беспокойся, вытершим, вытянем как-нибудь, а вернешься живым-здоровым, последнюю овцу принесу в жертву!..

Ильмурза приехал с семейством на тарантасе, да еще продукты и котлы на телеге, - как же! - старшина юрта... Кахым обнял отца и мать, Танзиле и Шамсинур пожал руку, подхватил на руки подбежавшего с блаженным визгом сына.

- Приехал отца на войну проводить?

Ошалевший от счастья Мустафа лишь бессмысленно улыбается, прижимаясь к широкой крепкой груди Кахыма, - его отец всех важнее, ишь командует таким большим войском.

И Сажида о том же думает и с гордостью, и с волнением.

- Ой, улым, какая у тебя беспокойная служба! Да разве это мыслимо - управиться с таким громадным войском? Смотрю и дивлюсь

- сколько всадников!..

Ильмурза сказал по-обычному сухо:

- А мы тебя заждались, поди, вся стряпня либо пригорела, либо выкипела!

Мать вынула из кармана бархатного камзола мешочек: - «Это чудотворный амулет с молитвами, спасающими величием Аллаха от ранения, болезней». Вручила, прослезившись, Кахыму:

- Храни как зеницу ока - от всех бед спасает!

Но сын даже не поблагодарил ее за материнскую заботу, вертел головою, озирался, наконец нетерпеливо спросил:

- А где же Сафия?
- Теперь и Сажиды спохватилась:
- Сафия! Сафия-а-а!..
- Да вон где она, - показала Танзиля.

Жена стояла в стороне, за возами, полуобернувшись. Кахым скорыми шагами подошел к ней. Сафия одета богато: платье с широкими оборками, бархатный камзол, на голове меховая шапка, на груди хакал - нагрудник с серебряными монетами в несколько рядов, в ушах серьги, на руках браслеты.

Когда муж приблизился, она молча шагнула и прикрепила к его мундиру несколько крупных серебряных монет, наговоренных знахаркой, и прошептала молитву о спасении души и тела в военной сече. Кахым взглянул на нее и против воли вздрогнул: глаза у жены провалились, окаймленные синими дугами, опухли от слез, щеки ввалились.

- Да что с тобой?
- Возьми меня с собой! - еле слышно, но твердо, прочувствованно отвечает Сафия.
- Куда?
- В поход.
- Ты с ума сошла! - воскликнул Кахым. - Война - не сабантуй!
- Я не вынесу разлуки, - непримиримо, с горящими мольбою глазами продолжает Сафия. - Умру от горя. Башкирские женщины испокон веков сражались рядом с мужьями - и стреляли из лука, и метали копьё на скаку.
- Раста сына, моего Мустафу, а на войне мы и без тебя обойдемся! - строго ответил муж.
- Ты меня не любишь! - всхлинула Сафия. - Ты меня никогда не любил!
- Сама не понимаешь, о чем болтаешь!
- Нет, понимаю, - не любил!
- Мне некогда заниматься болтовней, хватит!
- Не любил!..

Кахым закусил губу, чтобы не выругаться, и отошел.

А Ильмурза тем временем обряжает боевого коня сына - положил на спину новый войлочный подседельник, сверху накрыл попоной, поставил старинное седло с серебряными стремянами,

подтянул подпругу, к седлу прикрепил кожаные тороки с порохом, пулями для пистолета, с продуктами. Все узелки и петли проверил на прочность, строго-настрого наказывает ординарцу:

- Седлай, как я заседлал. Видел? А если не станешь стараться, то после войны у меня с тобой будет особый разговор.

- Видел, агай, видел, всё буду делать по-вашему, - рассыпался в заверениях парень, а сам-то подумал: «Вернуться бы живым с войны, а твоих угроз не испугаюсь...».

На лугу собрались самые почтенные аксакалы, окруженные кураистами и певцами-сэсэнами из тех кантонов, откуда пришли новобранцы.

«Пожалуй, пора начинать!» - сказал себе Кахым.

Настроение у него испортилось - ему было и жаль жену, и говорить с ней иначе он не умел... С малых лет вбивали ему в голову, в душу: «Ты - мужчина, ты - джигит, а значит, ты и хозяин, и властелин в семье, владыка своей жены». В эти последние минуты перед расставанием он расчувствовался: «Не принес я тебе, бедняжка, счастья. Толком и не пожили вместе после свадьбы. И вот опять уезжаю. И Аллах знает, вернусь ли?..»

Но поздно, поздно...

Запела на плацу труба горниста, послышались зычные протяжные крики командиров полков и сотников: «Станови-и-ись!», джигиты наскоро обнимались с родными, с женами, с детьми и вскакивали лихо в седла.

Началось освященное веками прощание с воинами. Кураисты, в согласии с древним обрядом, завели песню «Урал», торжественную, полнозвучную, известную не только людям от мала до велика, но и военным коням - заиграли ушами, вскинули головы, звякнули уздечками.

Затем вышел перед строем прославленный сэсэн Байык, глубоководный не только своими башкирами, но и казаками и киргизами. Он спел гимн-благословение, и слушают его джигиты затаив дыхание, впитывая в душу, в кровь каждое слово:

Хай-хай, сыны Урала, Уходящие на войну, Хай-хай, батыры Урала, Деритесь храбро С врагами родной земли. Хай-хай, сыны, Хай-хай, батыры, Возвращайтесь со славою В родные края!..

Потом перед строем встают старухи, важные, горделивые, в темных одеяниях, с богатыми украшениями, и самая старшая из них и по годам, и по почету произносит нараспев:

- Пусть поход ваш, любезные сыны, выдастся легким, пусть враги убегут в страхе от ваших стрел и мечей, пусть эти нити притянут вас поскорее к родным очагам, к матерям и женам!

После ее наставления старушки обходят ряды и вручают всадникам мотки шерстяной пряжи, приговаривая-напевая:

*До встречи, детушки, Пусть год для вас Пролетит как месяц.
Ждем с победой. И во здравии!*

Их сменили молодухи, статные, красивые, в цветных камзолах, в платьях из самаркандского шелка, в сиянии золота и серебра. Они запели полнозвучно, мощно:

На конях и с саблями Вы теперь защитники Родной земли. Птицы прилетят издалека, Принесут от вас приветы, Вести добрые о победе.

Пришел черед девушкам, невестам и нареченным, до поры до времени связанным с уходящим джигитом лишь клятвой верности. Они дарят всадникам шитые шелком платки и набитые душистыми степными травами кисеты, всю душу, всю любовь, всю тоску складывая в песню:

Оседлав коней, идете в поход, Покидая родной Урал. Любовь моя осталась здесь, Верная твоя тростиночка. Глазоньки проглядим На пустую дорогу, По которой джигиты ушли. Моя верность здесь, Милая твоя тростиночка.

С ответным словом от имени всех башкирских казаков выступил Кахым - он произносит свято клятву верности родному Уралу, и джигиты в чистоте сердца повторяют за ним:

Тебе, Урал-тау, наш наказ: Не вернутся с французской войны Твои смелые батыры - Отомстите за нас!

Седой Урал олицетворяет сэсэн Байык, он вышел на середину плаца, заиграл на домбре и запел:

Эй, дети Урала, Разбейте врагов, Возвращайтесь со славой! А родина-мать породит Тысячу батыров за одного погибшего. Пусть знают чужеземцы, Как грозен Урал-тау, Не возвращайтесь без победы С войны, его сыны.

В толпе провожающих послышались глухие рыдания, но джигиты бодрятся изо всех сил, подкручивают молодцевато усы, бросают на милых девиц нежные взгляды. Запела труба горниста, возвещающая поход,

и первая сотня тронулась на крупную рысь. По обочине быстро шагали матери, жены с младенцами на руках, всхлипывающие невесты, боясь отстать от своих единокровных и зная, что угнаться за ними невозможно.

Уходили в молчании полки, один за другим, уходили в далекие края, уходили на войну.

Желая унять рвущую душу тоску, запевала первой сотни завел походную боевую:

Воды Кызыла и Яика Быстры и студены. Не оплакивайте нас, Не спугните удачу.

И хор грянул:

Уезжаем, уезжаем, Оставляем дом родной. Не тужите ожидаючи, Не накликайте беду.

Уходят сотни башкирских казаков, одна за другой.

Сафия провожает мужа в седле - всадница на загляденье: и красива, и нежна, и сильна, конь послушен ее руке. Вот и последние ряды джигитов вышли из крепости, Кахым остановил своего крупного лихого иноходца, обратился к жене, стараясь говорить и ласково, и бережно:

- Бисэжэй, милая, пора возвращаться тебе к нашему сыну!

Но Сафия сделала вид, что не расслышала, и ехала вперёд, тесня своего коня к иноходцу Кахыма, касаясь ногою ноги мужа, держась рукою за его руку.

- Бисэжэй, пора тебе возвращаться, - повторил Кахым нетерпеливо, подавляя в себе раздражение.

Но Сафия и бровью не повела, и оба коня бежали как бы слившись, и всадница оставалась нерасторжимой с Кахымом.

Мимо, догоняя своих, скачет Бурангул, за ним едва поспевая, нахлестывая лошадь, ординарец. Кахым окликнул тестя. Круто остановив разгоряченного скачкой жеребца, Бурангул метнул взгляд на дочь, пожал плечами, посмотрел вопросительно на зятя. Кахым красноречиво восторщил усы. Тогда Бурангул укоризненно сказал Сафие:

- Доченька, тебе время вернуться к семье, к Мустафе.

- Не слушается, - почти беззвучно пошевелил губами зять.

- Как это не слушается мужа? - Для отца это было чуть ли не святотатством. - Разве можно, доченька, послушаться мужа?.. Немедленно возвращайся!..

Пришлось подчиниться. Закусив в кровь губу, чтобы не разразиться судорожными рыданиями, Сафия медленно-медленно потянула повод, поворачивая коня, и съехала с дороги в поле.

Скрылись последние всадники в перелеске, умолкли походные песни, и глухая тишина придавила поля, леса, овраги.

У почти безлиственной тоненькой березки долго стояла Сафия, и не было в ней сил, чтобы догнать мужа, и не было желания возвращаться. А березка трепетала, толкаемая ветром, трепетала, как обреченная на одиночество Сафия: «- И не оглянулся, не приласкал прощальным взглядом...»

Русская армия заняла прочные позиции в Тарутинском лагере. **Фельдмаршал Кутузов приказывает: «Ни на шаг далее не отступать, старательно обучать пополнение, готовиться к решающей битве».** Армия заняла Тарутино, а Главная квартира разместилась в деревне Леташевка, в 3 км южнее. Кутузов разместился в крестьянском домике с тремя окнами. За дощатой перегородкой - спальня, а в горнице - и столовая, и кабинет, и приемная. В соседней курной избе расположился генерал Коновницын с канцелярией. Дежур-генерал, он превратился в эти дни в верного, надежного помощника Кутузова, в его, как говорится, правую руку.

Начальник штаба Беннигсен захватил самый просторный дом, обставил его по-барски, сзывал на пиры друзей и усердно интриговал против Михаила Илларионовича.

Подлинный полевой штаб был в избе Петра Петровича Коновницына - там весь день кипит работа. А если среди ночи прибывает курьер со срочным донесением из дальнего корпуса, то генерал тотчас встаёт с деревянной скрипучей кровати и лично прочитывая материалы, отдаёт приказы адъютанту. **И не ложится до тех пор, пока все вопросы не решены.**

Кутузов определяет задачи армии на ближайшее время ясно, твердо, непреложно: «Южнее и восточнее Москвы — непреодолимый заслон, усиленная дальняя разведка, неослабная партизанская война, сколачивание полков и дивизий, подвоз боеприпасов».

Ежедневно Коновницын докладывает Михаилу Илларионовичу военные новости, хвалит командиров партизанских отрядов Дениса Давыдова, Сеславина, Фигнера.

- Пленные, ваша светлость, признаются, что Наполеон весьма обеспокоен возникновением крестьянских партизанских отрядов.

- Да, крестьянские вилы и дубина императору не понравятся, - хитро улыбнулся Кутузов. - Впрочем, и наш государь-батюшка побаивался вооружать крестьянское ополчение. Кстати, как партизанят башкиры из отряда князя Кудашева? И тептяри в отряде Дениса Давыдова?

- Геройски воюют, бьют французов, ваша светлость! - радостно говорит генерал. - Башкиры выросли в лесах, среди гор, с малых лет скачут на неоседланных лошадях, замечательные стрелки. И тептяры отважно, умело воюют. Командира Тептярского полка шеф-майора Тимирова, ваша светлость, справедливо было бы наградить.

Тарутинский лагерь (Русская кавалерия). Австрийская гравюра. Первая четв. 19 в.. (фрагмент).

- Согласен. Распорядитесь, голубчик, - кивает фельдмаршал. - А где Первый башкирский полк, участвовавший в Бородинском сражении?

- Между Подольском и Серпуховом, в отряде князя Кудашева.

- Вот что, Петр Петрович,- подумав, говорит Кутузов, - вы Коле Кудашеву не давайте поблажки - он мой зять, и с него особо строгий спрос.

- Полковник Николай Дмитриевич никогда не кичился родством с вами, ваша светлость. Наискромнейший офицер... А отряд его дисциплинированный, смелый! У деревни Жохово башкирский полк потрепал французов и пленных взял!

- Слава Богу, слава Богу, - перекрестился Кутузов. - А где новое башкирское пополнение?

- Между Нижним Новгородом и Владимиром, у Муром. Вскоре туда придут ещё три башкирских полка из Самары. Тогда всего соберется пятнадцать полков. Лобанов-Ростовский, ваша светлость, предлагает сформировать из них отдельный башкирский казачий корпус.

- Разумно, - наклонил фельдмаршал тяжелую, с копной седых волос голову. - А кого в командиры?

- Пока неизвестно. В начальники штаба, видимо, подойдет башкир, он в Петербурге учился в военной академии, а рекомендует его князь Волконский.

- Ну, Григорий Семенович осмотрительный, зря не отличит. Как его, башкира-то, величают?

- Мурдашев Кахым.

- Пришлите потом ко мне.

- Слушаю.

- И сколько всего у нас стало башкирских полков?

- Двадцать номерных, плюс ремонтные и два тептярских.

- Могучая сила! - И Михаил Илларионович потянулся.

Кахыма вызвали в Главную квартиру, к генералу Коновницыну. В пути он познакомился с молодым пылким офицером Бестужевым, и тот с удовольствием рассказал о Коновнице: - В его руках все вожжи — и приказы верховного, и формирование, и снабжение корпусов, и обучение новобранцев.

- А чем же занимается начальник штаба Беннигсен? - с изумлением спрашивает Кахым.

- Главным образом интригами, сплетнями, - улыбнулся в усы Бестужев, но тотчас спохватился и добавляет более официально:

- Под Смоленском Коновницын Петр Петрович командовал Третьей стрелковой дивизией и проявил героизм, а его солдаты держались молодцами, бились насмерть с французами.

- В Нижнем Новгороде все хвалят генерала.

- Его и здесь хвалят, - душа человек, умница. Когда надо - строг, когда возможно - добрый... - Бестужев приложил руку к козырьку кивера. - Мне направо. Я из Семеновского полка. Будет случай, загляните.

На окраине деревни, на улице Кахыма останавливают часовые, спрашивают: - Кто? Откуда? Куда едет? Он уже начал сердиться - разбаловался на беспечной жизни в тыловых гарнизонах. Почти во всех домах окна темные, свинцово-тусклые, лишь в домике Коновницына слабо светились свечи. У ворот Кахыма опять останавливают, он срыгнул с седла, передал поводья ординарцу и на негнущихся от непрерывной скачки ногах пошел к крыльцу. Докладывает дежурному адъютанту: «Прибыл по приказу генерала Коновницына».

В низкой избе на столах горят свечи, иные в шандалах, а иные попросту поставленные в жестяные кружки; офицеры и писаря пишут, чертят на карте и даже не оглядываются на скрип двери. Генерал в расстегнутом мундире, в годах - во всяком случае, так подумал молодой Кахым о сорокавосьмилетнем Коновницыне, - не поднимая головы, спросил отрывисто:

- Кто?

- Мурдашев Кахым из Муромского лагеря.

- А-а!.. - Генерал поднялся из-за стола, проницательно посмотрел на смуглое лицо Кахыма с полукруглой бородкой, усиками, на его казачий бешмет. - Время военное, тянуть нечего, идите сюда, - и Коновницын сел на кровать, прикрытую серым одеялом, - расскажите о ходе подготовки полков, о маневрах. Атаку «конной лавой» применяете, отрабатываете?

- Да, ваше превосходительство, ведь у нас есть боевые офицеры, участвовавшие ещё в первой войне с французами и в войне с турками. Они и обучают джигитов. Я тоже пригляделся, попрактиковался, и теперь вижу, что «лава» - хороша. Коновницын с удовлетворением улыбнулся.

- Со стороны «лава» кажется беспорядочной, хаотичной, но для нынешней войны против французов такой вид атаки и сокрушителен, и успешен наверняка. Сам видел под Смоленском... Но, конечно, казак должен проявить и смелость, и маневренность, и мастерство рубки. Офицеру за всем не углядеть, - значит, надо самому казаку действовать по обстоятельствам.

- Да, ваше превосходительство, я говорю всегда джигитам: на Аллаха надейся, приказ командира выполняй, но и сам не плошай!

- А еще какие приемы конного боя есть?

Военачальник – башкир. Худ. Портер. 1809 г.

- «Маяк», ваше превосходительство, при этом методе сотня делится на группы, отрядики по семь-восемь-девять человек с командиром, и вот ударили на бешеном разбеге по врагам и откатились, а следом вторая группа мчится, затем третья. Таранят шеренгу французских пехотинцев.

- Понимаю,- одобрительно сказал генерал, - а стрельба из лука?

- Обучаем, тренируем на каждом занятии! В бою всадник на полном скаку посылает в противника стрелу за стрелой, а приблизившись - стреляет из пистолета, потом врубается в строй французов. Иногда и копьё мечет.

- Знаете командиров новых башкирских полков? - вдруг спросил Петр Петрович. - А если знаете, то перечислите.

Молодая память Кахыма не ведала сбоя, и он, полужакрыв глаза, начал отчетливо, без запинки, перечислять:

- Командир Шестого полка майор Шайдаров... Седьмого - майор Аксенов...Восьмого - капитан Плещевцев, Девятого - капитан Попов, Десятого - капитан Масцепанов, Одиннадцатого, сформированного в Уфимском уезде - майор Мильковский. Двенадцатый полк - командир майор Чонов... Также в 7 кантоне сформирован Тринадцатый полк, командир - капитан Шульгин. Майор Селезнев - командир Четырнадцатого полка, капитан Кондратьев - Пятнадцатого, Трунов - командир Шестнадцатого. Командир Семнадцатого полка - майор Овсянников, Восемнадцатого - капитан Тихановский, Деятнадцатого - майор Серебрянников. Из двух башкирских кантонов Пермской губернии пришел Двадцатый полк, командир майор Руднев...

- А из башкир есть командиры полков? - остановил его Коновницын.

- Нет. На основании давнего царского приказа башкирам присуждаются казачьи звания: зауряд-хорунжего, есаула, войскового старшины. Я пробился в армейские офицеры только покровительством князя Волконского.

- А майор Лачин? - У Петра Петровича, как видно, тоже замечательная память.

- Крещёный башкир, ваше превосходительство. Крещёных считают русскими и беспрепятственно производят в офицеры.

- Но башкирский язык-то он не позабыл?

- Ясно, не забыл, говорит отлично. Да и многие русские командиры полков, особенно те, кто родом с Урала или Оренбуржья, прилично говорят по-башкирски. Князь Волконский отличает чиновников, умеющих говорить по-нашему.

- Мудрый руководитель края.

Через день Кахыма вызвал фельдмаршал. С волнением Кахым смотрит на рыхлое, отечное лицо Михаила Илларионовича с вытекшим белым глазом, с доброй, всепонимающей улыбкой, на толстом, неповоротливом Кутузове походный длинный, до колен, сюртук.

- Благодарю, голубчик, за образцовое выполнение приказа - по-старчески добродушно произносит фельдмаршал. - Григорий Семенович тебя аттестовал похвально, и вижу теперь - не ошибся! Из Муромы пишут, что там порядок и спокойствие. Молодец! А сегодня поезжай-ка в отряд князя Кудашева. Там и ваш Первый башкирский полк. Надо проверить ход обучения новобранцев из пополнения. Ну и прочие дела... Петр Петрович Коновницын тебя, голубчик, проинструктирует. Ну с богом! - И старик опустил голову с копной белых волос, погружаясь в дремоту.

После обеда, получив пакеты от Коновницына, Кахым в сопровождении донского казака и ординарца выехал в отряд Кудашева. Ему казалось, что едва он минует околицу, то очутится среди покоя, безлюдья, но вскоре признался в своей наивности - окружающие Тарутино перелески, овраги, лощины были плотно набиты артиллерийскими, интендантскими складами, батареями, стрелковыми полками, эскадронами гусар и драгун, полками казаков. Всюду шли учения, отрывисто слышались команды, скакали по дорогам и тропкам связные.

На утопанной поляне идут строевые занятия пехотинцев. Новобранцы то и дело путают шаг, наступают друг другу на пятки, роняют тяжелые ружья, спотыкаются, а унтер - из старо лужащих, с медалями - мечется перед ними и неистово кричит:

- В ногу! Ать-два, ать-два, так-то вас растак! - и сыпется дикая ругань.

Дальше проходят учебные стрельбы - холодный ветер задувает в слезящиеся глаза - разгляди-ка мишень, ухитрись врезать пулю в яблочко... И тут надрыгается унтер, суля новобранцам всякие беды и страхи, не скупясь на брань.

«Слава Аллаху, что у нас подростки учатся метко стрелять из лука, ходят с отцами и старшими братьями на охоту!.. - думает Кахым. - Джигит приходит в армию, по сути, обученным - он и ездит верхом в седле и без седла, он и стреляет с коня. Русскому крестьянину труднее...»

Через версту Кахым останавливает жеребца, чтобы полюбоваться, как артиллеристы сноровисто, ловко выкатывают пушки на позицию, насыпают порох в ствол, забивают пыж, кладут чугунное ядро, миг - и гулко бьет выстрел, дым встает завесой, а пушка вздрагивает, подпрыгивает, откатывается...

«Вот она где, новая армия, кутузовская! - с восторгом думает Кахым. - Старик дремлет в кресле, но все замечает, всем распоряжается!.. И чувствуется твердая рука Петра Петровича Коновницына. Эх, горе, нет с нами Багратиона! Скончался от ран в сентябре, а какие победы он бы одержал с этой новой могучей армией! И Кутай- сова нет...»

Чем ближе приближался Кахым к лагерю отряда Кудашева, тем чаще его останавливали казачьи пикеты, спрашивая: «Кто таков? Откуда? Куда следует?» И это нравится Кахыму: «Без строгого порядка армия расплзется по швам, превратится в табор, в кочевье».

Князь Кудашев незамедлительно принял Кахыма, приказал: «Поместите его в офицерском доме, а казака и ординарца - у коменданта, на полном довольствии». Бумаги, письма из Главной квартиры князь откладывает: «Ознакомлюсь чуть попозже».

- Первый башкирский полк? Сейчас вас туда проведут, а ночевать возвращайтесь - поужинаем вместе... И побеседуйте дружески с джигитами, взбодрите их - вот-вот грянут осенние решающие битвы!

Темнело, в лагере Первого полка жарко пылают костры, стреляя в низкое мутное небо искрами; джигиты беседуют, хлебают салму. Перекликаются часовые. Вот поднялся, отошел от костра степенный воин, взгляделся в подошедшего Кахыма, козырнул на всякий случай, еще раз всмотрелся и вдруг ликующе воскликнул, широко разведя для объятия руки:

- Кого вижу! Кахым? Кахым-турэ? Ну, здравствуй, господин начальник!

И Кахым не сразу признал его, но, убедившись, что перед ним сияющий Янгурэ, тоже обрадовался:

- Агай!

Они обнялись. Видимо, кто-то из джигитов сбегал в штаб полка, сообщил начальству о прибытии Кахыма. И вскоре к костру подошли, выступили из тьмы майор Лачин, войсковой старшина Буранбай, полковой мулла Карагош.

- Вы - представитель Главной квартиры, а так неофициально, с укоризной сказал майор.

- Ну извините, сразу вот попал в объятия земляка и забыл о служебном распорядке, - улыбнулся Кахым, указав на Янтурэ.

- Да мне-то что... - Лачин тоже заулыбался, крепко пожимая руку гостю полка.

- А ты где сейчас?- спросил Буранбай.

- Я в Главной квартире, - офицер связи у генерала Коновни- цына Петра Петровича.

Заслышав о приезде земляка Кахым-турэ, со всех сторон лагеря торопились башкиры, сгрудились, разглядывают его мундир, и эполеты, и саблю на портупее - каждому не терпится пробиться сквозь толпу поближе, чтобы потолковать, порасспросить о родичах в Муромском лагере, о новостях с Урала.

- А главного начальника русской армии Кутуса видел? - спрашивает кто-то из джигитов, выговаривая на башкирский манер фамилию Кутузова.

- Видел. И даже разговаривал с фельдмаршалом.

- О-о-о! О-о-о! - пронесся в толпе восторженный гул.

- Высокая честь служить при самом Кутусе!

- Князь Михаил Илларионович хвалил ваш полк - храбро, умело бьете французов! - продолжал весело Кахым.

- О-о-о!..

- Ура турэ Кутузову! - провозгласил майор Лачин, и джигиты в упоении загремели крепкими голосами:

- Ура-а-а!..

- Знаешь, Кахым-турэ, на душе посветлело, как услышал похвалу Кутуса, - говорит восторженно Ишмулла. - Сочинить бы песню о Кутусе!

- А ты сочини, - говорит Кахым. - Ты же не только кураист, но и певец, сам слагаешь песни и бывальщины! Пригласим тебя в Главную квартиру, исполнишь свою песню перед Кутузовым и его генералами.

Ишмулла заулыбался сперва недоверчиво, а через мгновение от всего сердца.

Майор приглашает Кахыма поужинать, отдохнуть.

- Мы стоим в селе Молоди, это недалеко.

У невысокого бревенчатого дома стоят джигиты, держа в поводу дымящихся парком лошадей, возбужденно переговариваются, то и дело смеясь.

- В чем дело? - спрашивает Буранбай. - Кого ждете?

- Вас ждем! Их благородие майора ждем!.. - бойко отвечает низкорослый джигит с зажившим, но еще багровым шрамом на щеке. - Да как же, агай! Пошли в разведку, на дороге сшиблись с фуражирами и захватили двадцать «хрансузских» солдат и двух ихних офицеров. Привели в лагерь, ведем мимо котла с салмой - так на колени пали, плачут - значит, наголодались. Ну, конечно, мы хлеба дали и салмой угостили.

- И офицеры не отстреливались? - спрашивает Кахым.

- Поначалу пытались, да свои же не дали! А теперь, у котла, - так, плечами солдат отбрасывают прочь. И какие-то дикие: ни по-русски, ни по-башкирски не понимают, лишь балакают: «амур! амур!»

- Это они нас, башкирских казаков, называют «амурами», «северными амурами», - объяснил Кахым, а Лачину и Буранбаю добавил со вздохом облегчения: - Плохи дела у Наполеона, если офицеры начали сдаваться...

- А где пленные? - спросил Буранбай.

- В сарае.

- Приведите. Я по-французски немного понимаю - поднаторел в Петербурге, - сказал Кахым.

Французский майор, видимо, был до похода в Россию с брюшком, а сейчас отощал - мундир висит мешком. После салмы его клонит в сон, он роняет голову на грудь, затем встряхивается, бодрится. А лейтенант и помоложе, и покрепче - шурится, высокомерно роняя слова... Оба офицера сначала наотрез отказались отвечать на вопросы, но Кахым им пригрозил: «Расстрел!», и они сникли, залепетали: «В Москве голод, среди солдат - французов, немцев, австрийцев, итальянцев - начались раздоры, драки, мародерство. И своих генералов, случается, обворовывают!.. От дисциплины не осталось и следа».

- Утром отправить в Главную квартиру, - распорядился Кахым.
- Фельдмаршала обрадуют такие вести. - Когда пленных увели, он взволнованно говорит: - План великого Кутузова осуществляется. Близок день нашего торжества! Вскоре Москва, а потом и Россия будут освобождены от захватчиков.

Мулла Карагош вступил в разговор:

- Верные твои слова, турэ! И я в проповедях каждодневно внушаю джигитам: святое это дело - биться с врагами. Аллах благословил нас на ратный подвиг.

- Пошли в дом, поужинаем, - предлагает Лачин.

Утром Кахым с майором Лачиным и Буранбаем присутствует на занятиях полка. Старослужащие, побывавшие в боях конники, блеснули отменной выучкой, сноровкой в рубке лозы, метко стреляют с седла. Лошади за эти недели поправились, так и рвутся с места в карьер. Кахым чистосердечно заверяет Лачина и Буранбая: «Передам фельдмаршалу Кутузову и генералу Коновницыну самые наилучшие отзывы о боеготовности Первого башкирского полка».

- Такие всадники как ударят по французам, как пойдут на запад, так не остановятся до Парижа! - воскликнул он.

- Передай и князю Кутусу, что башкиры не оплошают! - засмеялся Буранбай.

-Так и передам.

Вечером Кахым пошёл к землякам, отыскал взглядом у костров и Янтурэ, и Ишмуллу. Джигиты уже управились с ужином и занялись песнями. Ни мотив, ни слова Кахыму не были знакомы, он остановился в темноте, за шалашами, с интересом прислушался.

Урал-отец вручил сынам Сабли и коней. Благословил на битву Со злыми французами. Любезники, любизар, Маладис, маладис.

Припев Янтурэ и джигиты дружным хором исполняют по-русски:

Мы и молодцы, Мы и любезные! От самого Кутуса Получили рахмат. Любезники, любизар, Маладис, маладис.

Выйдя к костру, Кахым громко, с восхищением:

- Ну вы и шустрые! И когда же успели сочинить?

- Да все вместе... Слово к слову подбирали, - объясняет Янтурэ.

- А у нашего музыканта, - он указал на Ишмуллу, - курай волшебный, словно все мотивы в нем хранятся до поры до времени. Да и о тебе, Кахым-турэ, песню складывать начали.

- Обо мне то с чего?

- Ну не скажи... - И Янтурэ подал знак, курай зажурчал, зазвенел родниково чистой струею; джигиты, подбадриваемые и голосом, и жестами запеваля, грянули:

*Белорыбицей вьется конь Кахыма, Посеребренное седло блестит.
Привез Кахым-турэ фарман² Кутуса, В бой зовет тот фарман
джигитов.*

- Рахмат, земляки, но все же больше обо мне таких песен не слагайте, - просит растроганный Кахым. - Не заслужил!.. Расскажите-ка лучше, как несете караульную службу по дорогам, как перехватываете французские обозы, пикеты, как партизаните? Донские, оренбургские, уральские казаки и башкирские джигиты рождены для партизанской борьбы - вылететь вихрем из засады, ошеломить, перестрелять стрелами, порубить, захватить пленных, трофеи. Фельдмаршал весьма интересуется этой «малой войною».

Джигиты, воодушевленные вниманием посланца фельдмаршала Кахыма, с жаром рассказывают о самых удачных стычках, торжествуяще говорят: «Уже под Смоленском французы не выдерживали конной лавы с градом смертоносных стрел, пускались наутек». **Суть «малой войны» они отлично усвоили и законно гордились, что сейчас воюют малой кровью, почти без потерь, - все решают внезапность и натиск.**

В Тарутинский лагерь Кахым вернулся глубоко удовлетворенным и доложил: «Первый полк действительно готов к наступательным боям в самых суровых условиях». Коновницын внимательно выслушав Кахыма, велел: - Напишите донесение, выделив наиболее успешные, оправдавшие себя приемы «малой войны».

- Пойдете в другие башкирские полки с инспекцией, передадите им опыт полка Лачина - Буранбая. Фельдмаршалу читать всё донесение некогда, ему напишите выводы коротко, на страничку. Скоро партизанить ведь станут не только казаки и башкиры, но и гусары, и драгуны.

Закадровый текст: «Тем временем 1-й Тептярский полк лихо партизанит в отряде знаменитого Дениса Давыдова, а потом стал ударной силой в Калужском ополчении.

*Кайсаров записывает в Журнале военных действий Главной армии:
«Генерал - лейтенант Шепелев от 6 октября донёс, что город
Рославль авангардом от отряжённого корпуса - Первым*

² **Ф а р м а н** — приказ

Тептярским полком занят. (На фоне зачитывания журнала военных действий показать карту Смоленской губернии и Рославля на ней, а также старинные виды города).

Липейные казаки (тептяри-авт.). Худ. А.О. Орловский, 1820 г.

Майор Темиров, следуя туда, 23 сентября (по ст стилю-авт.) при селе Мутищеве и деревне Капустиной нашёл заставу из 60 французских конных, с коими ведя долго перепалку, наконец всех их истребил; причём ранен пятидесятник Сафарович, убито и ранено казацких 28 лошадей; 24-го и 25-го при деревнях Забежне и Устинове побито им неприятеля более 70 человек; 26 и 27 сентября при селе Костылях, напав на заставу польских шасеров 1-го конного полка, состоящую из 50 человек, 21 из них убил на месте и 6 взял в плен; причём ранены 2 казака, убиты и ранены 31 казачья лошадь». (Коротко показать эти стычки на фоне занесения действий Тептярского полка в Журнал военных действий Кайсаровым).

Затем кадры: Награждение на центральной площади Рос-лавля: «За проявленную храбрость и находчивость майора Тимирова наградить орденом Св. Владимира 4-й степени с бантом, походного старшину прапорщика Мунасыпова и зауряд

- хорунжия Ибрагимова - орденами Св. Анны 3-й степени в саблю».

Кахым возвращался из партизанского отряда Сеславина, где был два дня по поручению Коновницына. Его сопровождали девять казаков

- Сеславин настоял на усилении конвоя: - Леса так и кипят французскими фуражерами, которых голод гонит на отчаянные поиски продовольствия и кормов длядохнувших лошадей. Он уже хотел попрощаться с Сеславиным, как примчались разведчики и доложили: «По тракту движется большая колонна неприятеля - кавалерия, батальон пехоты, батарея легких пушек».

- Видите? Я же вам говорил! - воскликнул Александр Никитич. - Наполеон вынужден посылать за продовольствием не только мелкие отряды, но и крупные силы. Костлявая рука голода сжимает горло французам. - И крикнул горнистам: - Трубить сбор!

Через минуту лесной лагерь заклокотал ржанием коней, звяканьем уздечек и стремян, властными покрякиваниями вахмистров.

Кахым Сеслаvinу: «Возьмите и меня с собою в дело».

Сеславин: «Ладно». И быстро прикинув, скомандовал: - «Надо отсечь батарею от пехоты, а кавалерию атаковать с ходу, из засады, пока еще она не развернулась». Кавалерийскую атаку он возглавил сам, с ним пошел в бой и Кахым - унизительно джигиту отсиживаться в лагере, когда рядом кипит кровавый бой. На полном разбеге коней партизаны вырвались из леса и врубались в ряды мерно трусивших по дороге на исхудавших лошадях французских драгун. Безмолвие рубки изредка нарушалось предсмертными стонами, ржанием мечущихся без всадников лошадей. Задние ряды французских кавалеристов, не слушая команды, повернули и поскакали назад, смяв свою пехоту.

Кахым яростно рубит саблей, проверяя и свою выучку рукопашного боя, и смелость. Тем временем партизаны лихо искромсали батарейную прислугу и отбили пушки.

Но пехота устояла - оцетинившись птыками, сомкнув ряды, французы мерно, в порыве злого отчаяния, замаршировали по дороге.

- Нет, легкая кавалерия их не осилит! - говорит Сеславин и велит трубить сбор. - Кавалерию мы изрубили, а пехота успелась без провизии. Пусть щелкают зубами, как голодные волки! А вы, ваше благородие, славно работали саблями, - похвалил он гостя.

Кахым вспыхнул от радости: Сеславин был скуп на похвалы, это все в армии знали.

- Знал бы, лук и стрелы с собою захватил, - говорит он. - У башкирского казака своя сноровка - на карьере вонзить одну-две метких стрелы, а затем крошить врага булатом!

Сеславин, собрав отряд и отправив раненых партизан в Тарутинский лагерь, сразу же перекочевал на новое место. «Незыблемое правило партизанской войны - не оседать в постоянном лагере, непрерывно менять место расквартирования», - объяснил он Кахыму, и тот отметил это в памяти, чтобы доложить Коновницыну: - «Опыт пригодится и башкирским полкам, и другим партизанским отрядам».

К Сеслаvinу подъезжают изможденные, с потными от рубки, но сияющими лицами офицеры и вахмистры, докладывают о трофеях, о числе убитых французов.

За ужином в небольшой деревушке, затерявшейся в лесной чаще, Сеславин с упоением рассказывает Кахыму о командирах партизанских отрядов Дорохове и Фигнере:

- Я-то что - из середняков.

«Мне бы стать таким середняком на войне», - думает Кахым.

- Но Дорохов, Дорохов! У-у-у!.. - Александр Никитич аж зажмурился: - Нет такого подвига, на который бы он не рискнул. И всё удавалось! Завороженный! Ни пуля, ни клинок не берут... А Фигнер?! Беннигсен его недолюбливает за непочтительность. Да и кого, собственно, их превосходительство жалует? - ядовито спросил Сеславин. - Хе-хе! Шаркунов! Холуев!.. Фигнер - талантливый разведчик. В мундире французского офицера он едет в лагерь противника, чувствует себя там как, рыба в воде, со всеми мил, приветлив, но всё запомнил, намотал на ус. Драгоценные разведывательные данные добывает.

- Я обязательно передам ваши отзывы о Дорохове и Фигнере, Александр Никитич, Коновницыну. Но добавлю, - Кахым с удовольствием рассмеялся, - добавлю, что вы никакой не середняк, а выдающийся мастер партизанского боя.

- Ну-ну, не преувеличивайте! И скажите генералу Коновницыну, разумеется секретно, что мы - значит, я, Дорохов и Фигнер - объединяем свои отряды, чтобы вскоре напасть на лагерь корпуса генерала Орнано.

Писарь принес боевое донесение, Сеславин проглядел его, и с удовольствием усмехаясь в пушистые лихие, истинно гусарские усы, прочитал вслух:

- *«Уничтожено двести восемьдесят пять французов. Среди них одиннадцать младших офицеров и два полковника. У меня потери сравнительно небольшие, сорок человек, из них убитых двенадцать, остальные раненые». Баланс, как видите, в нашу пользу. Передайте донесение генералу Коновницыну.*

- Обязательно, Александр Никитич, - сказал Кахым, спрятал бумагу в сумку и поднялся.

- А зря вы собрались на ночь глядя, - заметил Сеславин. - Мало ли что...

- Нет, Александр Никитич, не уговаривайте, надо торопиться.

В сумеречном лесу было неправдоподобно тихо, и уже не верилось, что днем неподалеку кипела сеча, сбивались грудью кони с безумно-багровыми глазами, кусали в ярости и друг друга, и французских кавалеристов, дробили копытами упавших с седла. А казаки и конники Сеславина разваливали клинком всадников неприятеля, прокалывали пиками; крики, стоны, ругань и по-русски, и по-французски гремели зычно, сливаясь в зловещий гул.

Кахым, задумавшись, не понукал коня и мурлыкал под нос песенку, то ли сложенную только что, то ли припомнившуюся:

Урал-гора, Урал-тау, Родимая сторонущка, Разлучили меня с домом Ненавистные французы.

Эзум-гора, Эзум-тау, Синеглавая вершина. Живы, ли, здоровы ли родные, Сам-то я жив-здоров.

Заболоченные низины клубились густыми испарениями, ветер засвистел в костлявых сучьях деревьев. Неприветливо, зябко в лесу.

- Да не сбились ли мы с дороги? - обернулся Кахым к старшему казаку.

- Какая же это дорога! - с беспечностью ответил тот. - Дорога, ваше благородие, правее версты две, а мы наугад едем.

- Почему?

- Безопаснее.

Но спокойствие партизана продолжалось всего мгновение - выехали на рысях на поляну и наскочили на противника, строявшегося в ряды, - драгуны выравняли лошадей, высоких, но тощих, офицер командовал срывающимся простуженным голосом.

«Их никак не меньше полусотни, - сказал себе Кахым, оглянувшись, - а у меня девять, я десятый».

И казаки, и захватчики сперва внимательно разглядывают друг друга, даже не вынимая клинков.

«Успеем ли вернуться, нырнуть в чащу?...»

Но неприятельский офицер, заваливаясь назад, вонзил шпоры в бока своего коня, вздрогнувшего от неожиданной боли, и лающим криком словно подстегнул драгун, и те, обученные досконально, развернулись и полетели в безмолвной, но от этого еще более роковой лаве на Кахыма и казаков.

«Как Аллах пожелает, так и сбудется».

- Ребята, прорываться! Только вперед! Задержимся - сомнут!

- с молодым задором крикнул Кахым.

Саксонцы были крепко обучены, закалены боями, но у казаков хватка была покруче. Драгуны чувствовали себя уверенно в строю, и справа, и слева - свои, а казак рожден для одиночного боя. На низкорослой, но выносливой лошади он кидается очертя голову на врагов, свистит так пронзительно, что у европейцев кровь стынет в жилах, а сердце колотится с переборами.

Десять всадников прорвали строй неприятеля, успев нанести и колющие, и рубящие удары саблями. Драгуны не ждали такой дерзости и слегка расступились, но эта сумасшедшая дерзость как раз и спасла Кахыма и казаков. Степные казачьи лошади распластались, словно вытянулись на полголовы, и пронырнули между массивными конями немцев.

Офицер в диком иступлении заставил своих драгун повернуться, подгоняя бранью и угрозами расстрела.

Кахым, полуоборотясь, следит, как драгуны, выгнувшись подковой, догоняют и окружают его и конвойных. Конь Кахыма, фырка, расшвыривая пену, скачет медленнее - весь день не отдыхал, из боя в

бой. «Нет, не догонят!» - сказал себе Кахым, но вдруг перед ним темной расщелиной открылся глубокий ров. И поводьями, и шпорами, и коленями Кахым послал иноходца в прыжок: «Либо расшибусь, либо спасусь!..» - и конь перемахнул ров, но зацепил задними ногами за каменистый край обрыва и покатился вниз, придавив всадника. Кахым с налета ударился об холодную землю и потерял сознание.

Очнувшись, он увидел, что сидит у дерева в расстегнутом мундире, денщик усердно растирает ему лицо, грудь.

- Ваше благородие, испейте! - Казак поднес к его губам флягу, Кахым глотнул жгуче холодной водки, такой крепкой, что дух захватило, но в глазах все прояснилось.

- Наша кизлярка!

- Ух сильна! Ну спасибо! - говорит Кахым медленно, с трудом выговаривая ставшие какими-то черствыми слова. - А все наши вырвались?

- Егорка в ров скатился, лошадь ногу сломала. Придется пристрелить. А Егорку вытаскивают. Да еще Сидорову саблей кисть левой руки отсекли.

- Все ж живой!..

- Знамо дело, ваше благородие, и слава Богу. Ну царапины и садины не считали. Главное, уцелели!

...Конвойные благополучно проводили Кахыма до Тарутинского лагеря. Там их по распоряжению Коновницына и накормили, и по чарке поднесли, и лошадям овса насыпали.

О ночной стычке Кахым не обмолвился, но, видимо, казаки вернувшись в партизанский отряд, доложили командиру. Во всяком случае, через неделю Коновницын, добродушно смеясь, сообщил Кахыму: «Александр Никитич Сеславин простить себе не может, что отпустил гостя без полусотни конвоя».

- Так ведь ничего не случилось, - простодушно молвил Кахым,
- так, мелочь.

Майор Лачин ежедневно высылал разъезды для перехвата и уничтожения разноплемённых фуражиров, бродивших по окрестным деревням и нещадно грабивших крестьян. Однажды Буранбай повёл отряд джигитов не только для разгрома шаек, но и для глубокой разведки. Из деревни Савелов- ки итальянцев выбили смелым налетом, вырубил их вчистую в поле и на дороге. Буранбай велит: «Собрать трофеи, гнать в деревню и вернуть

мужикам угнанный фуражирами скот». А сам повернул в Савеловку: - Надо бы выбрать дома попросторнее, чтобы перевести туда на постой две сотни полка. Князь Куцашев приказал: «Постепенно, осмотрительно продвигаться полку к Москве, занимать удобные позиции и выдавливать неприятелей подальше от Тарутинского лагеря».

В Савеловке с сотнями хотел находиться и Буранбай. На повороте к речке он остановил коня, прислушался: «Почудилось или вправду кричат?» Дверь одной избы распахивается, на крыльцо выбегает девушка с растрепанными волосами, за нею гонится, гремя сапогами, итальянский офицер. Но соседи либо забились в погреба и сараи от мародеров, либо убежали в лес, поэтому помочь некому. Буранбай мигом успокоил обезумевшего негодяя, успокоил навсегда.

Девушка рыдает, ее колотит мелкая дрожь, напрасно успокаивает ее Буранбай, внеся в дом и положив на кровать.

- Да как тебя зовут?

- Таня.

Наконец Татьяна поверив, что спасена, рассказывает, всхлипывая: «Пока в деревне и за огородами шла схватка, пряталась в бане, а мать с маленьким братиком убежала к родне за реку. Тишина меня обманула - я прошла в избу, и вдруг дверца подпола у печки подалась, выполз «нехристь» весь в пыли и накинулся на меня!».

- Ах, Таня, Таня, - упрекает ее, как маленькую девочку, качая головой, Буранбай, - и не осмотрелась, не подождала... Аллах меня послал, а быть бы беде.

- Ну откуда я знала, что он в подполе?! - И снова Таня залилась в три ручья. - Ваше благородие, не уезжайте, не бросайте! - она судорожно вцепилась в чекмень Буранбая.

- Теперь тебе, Таня, бояться некого и нечего, - ласково уговаривает ее старшина, - мы здесь останемся гарнизоном, я тебе в дом поселю двух смиренных джигитов.

Девушка услышала незнакомое слово, и ее снова забило:

- А они... православные?

- Ах, Таня, Таня! - Буранбаю хотелось и смеяться, и плакать.

- Да какие же они православные? Башкирские казаки, мусульмане.

- Значит, «нехристи»? - И Таня рухнула с воплем лицом в подушку.
- Ладно, Таня, я сам в вашей избе остановлюсь. Мне-то ты веришь?
- Еще б не верить ему, ее спасителю! И Таня посмотрела на него застенчиво и кротко.

С того дня Буранбай неузнаваемо изменился: дела делами, разъезды, караулы, полевые заставы, провиант, и на это все уходили силы, время, но в сердце запала светловолосая девушка, которую он так счастливо вызволил из беды.

- Не предзнаменование ли это Божье? Ах, Таня, Таня, - растроганно бормотал войсковой старшина. Выпадет вечером свободная минутка, и он беседует с девушкой, а то и наигрывает ей на курае, напевает песенку:

Выйди, милая, к роднику, Скажи заветное слово. Не горюй, что уезжаю, Разгромим врага - вернусь. Заплету золотую косу, Пошли благословенье вослед. Останешься, ах, милая, в деревне, Сплети пуховый шарф Молочно-белыми рученьками. Вернусь - мне подаришь. Заплету золотую косу, Пошли благословенье вослед. Уехал я, ах, милая, на войну, Далеко-далеко от Урала. Железо гнется, честь джигита не сломится, Вернусь с победой к тебе. Заплету золотую косу, Встречай у околицы.

- Слов не понимаю, - говорит Таня, - а напев душевный.
- Сейчас я тебе, Таня, по-русски скажу - И, с трудом подбирая русские слова, Буранбай переводит песню. По военным делам он свободно изъяснялся с русскими офицерами, но о любви пытался объяснить по-русски впервые в жизни.

Через неделю-другую постоялец спрашивает хозяйку, обдуманно и взволнованно:

- Таня, тебе хорошо со мной?
- Очень хорошо! - не задумываясь, отвечает Таня.
- А если хорошо, то выходи за меня замуж.

Буранбай никогда не предполагал, что так трудно будет ему вымолвить такие роковые слова. До чего же легко было слагать песни о чужой любви и, оказывается, как мучительно признаться в своей, - сердце гудело колоколом.

Девушку словно опахнуло пламенем из печки - вся зарумянилась, засияла от счастья, но тотчас испугалась:

- Как же я за тебя пойду? Я православная, а ты...
- «Нехристь», - усмехнулся Буранбай.

Усмехаться-то он усмехнулся, но совсем невесело, до сих пор и не задумывался, что он и Таня разной веры.

- Ну, башкиры, конечно, вы свои... - запнулась Таня.

- Свои, а нечестивые... - подхватил Буранбай.

- Ну, конечно, ты человек надежный...

- Так о чем же говорить?

- А я и говорю: крестись в христианскую веру, обвенчаемся и заживем в совете да любви.

- Джигиты мне не простят, если крещусь. Лучше ты переходи в мусульманство.

- Хы! Меня родня проклянет. После войны ты останешься в нашем краю. В Москве, да и в Туле сколько крещеных немцев!

- То немцы... Урал без меня не пошатнется, но я без Урала прожить не смогу, - твердо сказал Буранбай.

- Значит, ты меня не любишь!

- Люблю! Сильно люблю, но и Урал люблю. Что теперь делать? Поедем со мною без свадьбы.

- Ты что?! Меня мать проклянет и от позора руки на себя наложит. - А я кем буду? Гулящей?!... - Таня обиделась, отвернулась, смахнула жгучую слезинку с ресниц.

Пришлось Буранбаю обнять, целовать, пылко уверять: «Люблю, жалею, уважаю, дорожу тобой», и постепенно Таня повеселела, заулыбалась. Договорились: «После войны Буранбай приедет в Савеловку».

А Салима? Салиму в эти дни Буранбай забыл и забыл, бесповоротно. Сердце его заполонила золотоволосая русская девушка. Ею любовался, о ней мечтал в седле на марше, ей слагал любовные песни.

- Приеду в Савеловку, тогда что-нибудь придумаем!

- Да что тут думать-то! Иди к барыне, выкупай, я ж крепостная, меня за деньги надо купить. Это вы, башкиры, мишари — вольные, а мы вот здесь крепостные.

- Ну и выкуплю! Или украду... Лишь бы война кончилась.

- А когда война закончится?

- Французов выгоним из России, и тогда — мир!

- Да ты меня к тому времени забудешь!

- Нет, это ты, Таня, меня забудешь!

Они целовались смеясь.

Пожар в Москве был не праздничной иллюминацией в честь великого полководца, а траурным салютом. От радужных упований Наполеона не осталось и следа. Император попал в тупик: «Продовольственные московские склады сожжены. Добывать провиант в подмосковных селах - невозможно: партизаны истребляют начисто целые батальоны, а уцелевшие солдаты превращаются в мародеров, грабят и своих, и русских. Зимовать в Москве? А если отпадут и без того-то ненадежные союзники - австрийцы, пруссаки, баварцы? Испания не покорена... Надо предлагать русскому царю мир, почетный, не обремененный контрибуциями, требованиями территориальных уступок». И Наполеон то через генерала Тутолмина, то через московского барина Яковлева посылает Александру заискивающие намёки на возможность немедленного и неунизительного мира. Ответа не последовало.

Отчаявшись, Наполеон послал в Тарутинский лагерь, к Кутузову, маркиза Лористона, бывшего французского посла в России перед самой войною, с непреложным требованием: «Мне нужен мир, лишь бы честь была спасена». Маркиз поехал неохотно, заранее не надеясь на удачу, вернулся через два дня с унылым лицом и мрачным сердцем.

- Встретились с Кутузовым? - нетерпеливо спросил император.

- Встретился, ваше величество. Свыше часа беседовал!

- И?...

- Кутузов не согласен даже на кратковременное перемирие. - Маркиз прятал глаза, страхась испепеляющего взгляда взбешенного Наполеона. - Фельдмаршал, прочитав ваше письмо, - догадался... Держался уверенно, достойно. Я попросил от вашего имени прекратить действия партизан, варварски нарушающих законы войны, законы, принятые между цивилизованными народами. Кутузов отмахнулся, сказав: «Наша война только начинается».

Одутловатое, с желтизной на щеках лицо Наполеона побелело, лоб покрылся испариной. Он резко махнул рукою, и маркиз плавным шагом направился к дверям.

А Михаил Илларионович выжидал, хитренько прикидывая в уме, изучая карту боевых действий: «Сколько подкреплений получила его армия, где расположены вражеские дивизии и сколько французских фуражиров перехватили и уничтожили партизаны». Вот на столе последнее донесение Фигнера:

«Петр Петрович!

Преступил повеление Его светлости и исполнил его волю, побыв в неприятельской армии. Армия стоит на прежнем месте. В Вороново два пехотных полка. Французы терпят крайний недостаток в хлебе, который ищут с величайшей дерзостью, но я за оную их строго наказываю... Ф и г н е р » ,

- Строго наказываю!

Каждый день укреплял русскую армию и распатывал, обескровливал армию Наполеона.

Дежурный по Главной квартире полковник Кайсаров доложил: «С Дона, из Арзамаса и Муромы долгожданные казачьи полки прибыли в Тарутино. И дивизия генерала Урусова подходит к Туле».

- Что ж, пора начинать! - вяло произнес фельдмаршал.

- Конечно, ваше сиятельство! - горячо воскликнул Кайсаров.

- Нет, до генерального наступления еще далеко, - охладил его пыл мудрый старец. - Да и нужно ли оно?.. Конечно, при дворе недовольны моей медлительностью, да и генерал Беннигсен шлет туда доносы, но... Но сейчас, наступило время разгромить корпус Мюрата.

Поздним вечером Коновницын и Кайсаров принесли фельдмаршалу оперативную карту и приказ.

- Наступление начнется 5(17) октября. Пять гвардейских, десять казачьих полков затемно ударят по крайнему левому флангу Мюрата в направлении села Спасского. Главные наши силы будут атаковать с фронта. Партизаны Фигнера и Дорохова должны взять село Вороново, разбить два стрелковых полка неприятеля, стоящие там, и перерезать коммуникации противника.

Диспозиция была подробная, но фельдмаршал сидел безучастно, и Коновницын переглянулся с Кайсаровым, решив, что старик задремал, но именно в этот момент Михаил Илларионович зорко взглянул на них и твердо сказал:

- Своеобразие этого короткого боя, - он повторил, - короткого... во внезапности нападения наших полков. Фигнер, Дорохов и Сеславин постоянно докладывают, что у Мюрата караульная служба из рук вон плоха. Вот и воспользуемся этой неразберихой. - Он плутовски усмехнулся. - Но это не решающее сражение. Значит, артиллерию

резерва к бою не привлекать. Тарутинский лагерь оставить в полной неприкосновенности - шалаши, палатки, балаганы, землянки. Костры должны пылать всю ночь. От каждого полка оставить офицера, от каждой роты унтер-офицера и трех рядовых для охраны лагеря, соблюдения порядка.

- Слушаю! - Коновницын кивнул.

- Их превосходительство барон Леонтий Леонтьевич Беннигсен жаждет показать свои полководческие способности, - дребезжащим, слабым голосом продолжает Кутузов, и нельзя было догадаться, то ли он говорит раздраженно, то ли насмешливо. - Просит разрешить ему покомандовать армией. Мне пришлось уступить и согласиться. Так что идите сейчас к нему с картой и с диспозицией. Да, подождите! - останавливает он Коновницына и Кайсарова.

- Надо доложить государю о плане операции. С пакетом пошлите князя Волконского. И попросите его перед отъездом в Петербург заглянуть ко мне.

Молодой князь Волконский красив, строен, учтив, и фельдмаршал с удовольствием смотрит на сына своего боевого соратника Григория Семеновича Волконского, служившего в далеком Оренбурге.

- Садитесь, Сергей Григорьевич, - приветливо приглашает он князя. - Мне надобно вам сказать о серьезных делах. Официальные бумаги бумагами, а при встрече с государем императором расскажите ему...

Получив пакет, Волконский быстро сбежал с крылечка и пошел к поджидавшей его тройке с гремучими валдайскими колокольцами.

- Ассалимагалейкум, князь Сергей Григорьевич! - окликает его молодым звучным голосом стоявший у ворот офицер.

В изумлении Волконский оглядывается - Кахым.

- О! Кахым! Джигит! Земляк! - Он обнимает просиявшего от такого дружелюбия Кахыма. - Где вы сейчас?

- К сожалению, не в строю. Состою при Главной квартире офицером связи. Сейчас вернулся от героев - партизан.

- Что ж, и это необходимо, - подумав, пожал плечами, князь. - Я вот с первого дня войны на фронте, в кавалергардском полку Первой армии сражался под Островно и Смоленском. Далее Бородино... А сейчас тоже стал офицером связи, фельдгегерем, скачу вот в Петербург. И это надо.

- Надо, согласен... Но меня тянет в строй.

Из-за неподготовленности главных пехотных корпусов, сражение началось не 5(17), а 6(18) октября, Кахыма послали офицером связи в корпус Орлова-Денисова. Всю ночь шел дождь со снегом, земля разбухла, стала поздраватой, по это коннице не помеха: Первый удар, еще в рассветной мгле, донских казаков и башкирских джигитов опрокинул французов, солдаты бежали в панике, бросая ружья. На позициях артиллерии были захвачены и сразу увезены в тыл неповрежденные пушки - ни одного выстрела не успели сделать эти растерявшиеся батареи.

Левый фланг Мюрата атаковал Второй стрелковый корпус генерала Багговута. И здесь французы дрогнули, попятиться, но в разгаре схватки Багговут, идущий по традициям того времени, в первом ряду атакующих пехотинцев, был убит. Среди солдат возникло замешательство. Шеренги наших остановились. А маршалу Мюрату удалось восстановить порядок в рядах своих полков.

Кахым послал с ординарцем донесение в Главную квартиру об удачной атаке казаков Орлова-Денисова и поскакал к центру боя, чтобы узнать тамошние новости. На пути его перехватил Коновницын и велел: «Следуйте за мной». В расположении корпуса Багговута они наткнулись на растерянного генерала Беннигсена; обычное высокомерное выражение на его лице сменилось плаксивой гримасой.

- Что с вами, Леонтий Леонтиевич? - вырвалось у Коновни- цына.

- Нужны подкрепления! - срывающимся голосом выкрикнул Беннигсен, поправляя дрожащими пальцами плюмаж на треугольном кивере. - Посылал адъютанта к фельдмаршалу - отказал.

- Баталия еще только началась, какие же у вас потери? - изумился Коновницын.

- Но егеря Багговута остановились и остальные корпуса встали, - тоном капризного мальчика жалуется Леонтий Леонтиевич.

Коновницын прищипил взвизгнувшего от боли и обиды жеребца и помчался в расположение Четвертого корпуса. Спрыгнув с седла, он выхватывает знамя из рук унтер-офицера - знаменосца и бежит вперед, тяжело увязая в раскисшей пашне:

- Ребята-а-а, за мной! Сыны отечества-а-а!.. В атаку!

И произошло то чудо, которое случается лишь на войне, - скоротечная оторопь прошла, солдаты превратились в разъяренных смельчаков и со штыками наперевес, смыкая расстроенные было ряды, бросились в атаку. А русскую штыковую атаку не выдерживали самые стойкие, самые вымуштрованные пехотинцы. Сорок шесть стрелковых батальонов, превратившись в могучий клин, врезались во вражеские позиции, продвинулись за Тетеринку.

Конвойные догоняют Коновницына, опьяненного безумием атаки, выхватывают из строя егерей, передают знамя солдатам и увезят генерала в безопасное место. Петр Петрович и сопротивляется, и ругается, но затем смиряется, зная, что его дело управлять всеми войсками.

А бой продолжался, и Мюрату все же удалось в порядке отвести части своего корпуса за реку Чернишню, к Спас-Купле.

Тщетно неистовствует Беннигсен, посылая адъютанта за адъютантом к Кутузову: «Клянусь, что полностью разгромлю французов, если получу подкрепления!». Старик сощурил единственный глаз и сказал: «Если не умели мы поутру взять Мюрата живым и прийти вовремя на места, то преследование будет бесполезно. А нам нельзя пока отдаляться от позиций». Ранние сумерки сами по себе останавливают битву. Горнисты трубят сбор. Солдаты собирают раненых, увозят трупы погибших друзей на Тарутинское кладбище. Офицеры связи разъезжают по частям, передавая приказ фельдмаршала: - «Выслать разъезды, выставить полевые заставы и возвращаться в лагерь».

Кутузов просит: - «Подайте коня». С трудом, со скамеечки, подставленной денщиком, влезает в седло и в сопровождении Коновницына и охраны едет на смирной кобылице в лагерь. Всюду пылают костры. Солдаты весело переговариваются, с хохотом вспоминая, как «мусью» улепетывал, бросив ружья и не оглядываясь.

- Нет, ослабла гайка у француза! - слышатся возбужденные голоса. - Не принимают штыкового боя!

Фельдмаршала встречают восторженными криками «ура», кидают вверх фуражки и кивера, теснятся вокруг, чтобы хоть издали увидеть великого старца. Кутузов проверяет: - «Сварена ли каша на ужин, вкусна ли, с маслицем ли?» Спрашивает у офицеров: - «Назовите имена отличившихся в бою». Благодарит героев: - «Обещаю завтра же наградить медалями». А между тем отеческая похвала полководца была дороже всех отличий и регалий.

«Вот в чьих руках судьба России! - растрогался старик. - Конечно, их превосходительство Беннигсен уже настроил на меня царю очередной донос... Что ж, не привыкать!.. Семь раз отмерь, один раз отрежь. Мудрая пословица. Раненый зверь обороняется со смертной яростью. Надо стрелять в него наверняка, чтобы уложить наповал!»

У расположения башкирского полка фельдмаршала встретил Кахым, откозырнул, почтительно просит их светлость: «Загляните, пожалуйста, и к джигитам - они так обрадуются...»

- Каково настроение у башкир, голубчик? - душевно спросил Кутузов.

- Замечательно!.. Беспощадно рубились. Я-то, ваша светлость, знаю, что Мюрат - любимчик Наполеона, а значит, и его кавалерия находилась в привилегированном положении. Джигиты уйму лошадей захватили и увели, - кони с тела не спали. Выходит, было и сено, перепадал и овес!

- Меткое наблюдение! - кивнул Кутузов. От костров слышалось дружное пение, в студеном ночном воздухе крепко гудели молодые голоса.

- Что это за песня? - остановив лошадь, заинтересовался Кутузов.

- Вам славу поют, ваша светлость! - радостно сказал Кахым,

- Сложили гимн в честь Кутузова. У нас ведь каждый джигит либо танцор, либо музыкант, либо сочинитель песен и былин. А попадаются и такие, которым всё удается: они играют на курае или домбре, сами слагают и исполняют песню, а танцуют так, что искры летят!

- весело закончивает он.

Фельдмаршал различает в хоре «Кутус» и просит Кахыма перевести слова. Прислушавшись, Кахым начинает медленно переводить:

Герой, хай, герой Кутузов Прошел и огонь, и воду. Полководец, хай, Кутузов Великий батыр, Хай, батыр. Французскую нечисть громит; Страх на врагов наводит. Полководец, хай, Кутузов Великий батыр, Хай, батыр. Россия, хай, широка, славна, Мать-Россия к нам добра. Полководец, хай, Кутузов Великий батыр. Хай, батыр. И солдаты все - герои, Дружно бьют врага. Полководец, хай. Кутузов Великий батыр, Хай, батыр.

Михаил Илларионович от умиления всхлипывает, слеза текёт по его морщинистому лицу.

- Проследи, голубчик, чтоб ни одного отличившегося в бою не забыли, - просит он Кахыма, повернув лошадь к своему пристанищу.

Через час Коновницын принес фельдмаршалу черновик боевого донесения: «Французы потеряли до двух тысяч солдат и офицеров убитыми и ранеными, тысячу пленными, русские - примерно 300 убитыми и 900 ранеными, - наши потери еще уточняются... Захвачено 38 пушек, 50 зарядных ящиков, знамя 1-го кирасирского полка».

- Что ж, посылайте, голубчик, императору и в военное министерство, - распорядился Кутузов. - Все правильно. Удачная пред- ва-ри-тель-ная схватка.

- Леонтий Леонтиевич негодует, что ему по вашему приказу пришлось вернуть войска на двенадцать верст назад, на исходные позиции, - подчеркнуто бесстрастно заметил Коновницын.

- Пускай негодует, пускай доносит. Баталия пред-ва-ри-тель-ная... - и старец закрыл глаза.

Петр Петрович бесшумно вышел. Михаил Илларионович погрузился в глубокие размышления: «...Немудрено было Мюрата разбить при Чернишне, но надобно было разбить дешево для нас. Первый раз французы потеряли столько пушек и первый раз бежали как зайцы».

11(23) октября 1812 года прапорщик Языков с разведывательным казачьим разъездом из отряда Кудашева беспрепятственно въезжает на окраинную улицу Москвы. Бездонная, могильная тишина и страшила, и завораживает его. В полуразрушенном доме казаки нашли старика хозяина, привели к офицеру.

- Грохотали вчера и сегодня утром взрывы там... - он показал в сторону Кремля. - А потом все затихло.

Языкову не отказать в удали, и он велит казакам: - «Вперед!». Сгоревшие и растащенные на дрова дома уныло отмечают линии улиц. Смердно несёт пеплом с пожарищ. В колокольнях разграбленных французами церквей свистит забубенный ветер. Цокот и стук

копыт казачьих коней прозвучал для уцелевших москвичей праздничным благовестом. Они выглядывают из погребов, сараев, осмелев выбегают, смеясь и рыдая, бросаются к казакам.

Казаки доскакали до Кремля. Иван Великий сияет как золоточеканный плем былинного русского богатыря, стены кое-где подорваны. Москва непривычно пустынна. Но остался арьергард французских войск.

«Изгнание из Москвы остатков наполеоновской армии отрядом лёгкой кавалерии» (фрагмент). Раскраш. гравюра И. Иванова. Перв. четв. 19 в.

Передовым в отряде князя Кудашева шла часть полка майора Лачина, офицером связи здесь Кахым. Поруганная, в пепелищах и развалинах Москва встретила джигитов не хлебом и солью, как полагалось бы по обычаю, и не песнопениями, а горем осиротевших бездомных детей, слезами солдатских вдов и матерей, потерявших сыновей.

На Калужскую дорогу еще тянутся тяжело нагруженные награбленным имуществом фуры. Вокруг поспешно пагают разномастные иностранцы, напялившие на себя меховые пубы и даже женские салоны на меху, похищенные из брошенных московскими барями особняков.

Майор Лачин Буранбаю: - «Догнать с сотней и отбить обозы!» А сам с оставшимися джигитами скачет к Кремлю. На счастье, дожди подмочили фитили фугасов и мин, и взрывы разрушили в кремлевской святыне лишь Арсенал и кое-где стены, обрушив с одного боку Никольскую башню.

Начались пожары в Грановитой палате и соборах. Лачин и Кахым почти одновременно: - «Башкиры! Тушите пожары!» Джигиты, не жалея жизни и своих одеяний, справляются с пламенем.

Майор: - «Выставить охрану вокруг кремлевских дворцов, церквей и монастырей». Сотники: «Есть!».

Онемевшие при захватчиках колокола церквей зовут верующих на молебны в честь избавления столицы от власти наполеоновских хищников и грабителей.

- Война, битва, ну ладно, это я еще понимаю, - возмущается Кахым,

- но взрывать кремлевские дивные храмы, дворцы, - что за варварство! Я мусульманин, но русскую церковь не оскверню. А они же европейцы!

- Вся жестокость Наполеона проявилась в этой мести, - соглашается с ним Лачин.

- Хочу съездить к старшине Буранбаю, - обратился к майору Кахым.

- Да, да, посмотрите, что там делается, а если понадобится, то и помогите, - обрадовался Лачин.

Кахым в сопровождении ординарца поехал размашистой рысью к заставе. То и дело приходилось объезжать на улицах завалы из обрушившихся стен каменных дворянских особняков, из полуобгоревших бревен деревянных домов, раскатившихся по мостовой. Всюду лежат груды мусора, грязи, навоза от иноземных лошадей.

Пожар Москвы (фрагмент). Раскраш. гравюра Д. Ругендаса. 1813 г.

Москвичи окончательно поверили, что пришел час освобождения, и светло улыбаются молодому смуглому офицеру, так молодцевато сидящему в седле. А дети встречают его ликующим визгом. Тут он встретился с донскими казаками полка доблестного Иловйского 12-го из отряда Винценгероде. Какая радость обняться с братьями по оружию посреди освобожденной Москвы!

У заставы джигиты Буранбая уже разбили привал, свезли и поставили под охрану отбитые у беглецов фуры, телеги, повозки с добром, складывают на землю ружья убитых и пленных. Кахым спросил Буранбая: «Как прошло преследование отступающих? Каковы наши потери?» И велел: «Подсчитайте трофеи и пленных, чтобы послать донесение в Главную квартиру».

Буранбай: «Есть!» - А я песню сочинил, - усмехнулся Буранбай в усы. - Слова, понимаешь, так сами и просятся взлететь как птицы! - И обернулся к Ишмилле: - Ну, не забыл мотив?

- Как можно? - обиделся молодой музыкант, приложил курай к губам, и крылатая песенка вспорхнула, пролетела над лагерем. Буранбай запел уверенно, полнозвучно:

Начинали мы войну, Попрощались с женами, Разгромили французню, Вернемся со славою. Любезники, любизар, Молодец, молодец. Ворвались французы в город, Стольный град Москву, Наше войско их зажало, Убежали восвояси. Любезники, любизар, Молодец, молодец.

Теперь и джигиты запомнили припев и гремели могуче, в упоении своей силою.

«Молодцы! - гордится ими Кахым. - Есть и шестнадцатилетние, а как смело лезут в пекло боя. С такими удалцами, да не уничтожить полчища Наполеона!»

А Буранбай ведет и ведет широко, торжественно, победную песню:

Бонапарту не сидится В стороне родной, Как дополз до стен московских, Растерял покой. Любезники, любизар, Молодец, молодец. Бонапарта колотили, Быстро попритих. Там русские, здесь башкиры, Не найдет следов своих. Любезники, любизар, Молодец, молодец.

- Ах какой же ты, Буранбай-агай, чародей! Какие прочувствованные слова, какой мотив! Так и западает песня в душу. Надо бы ее записать, обидно, если забудется, - горячо говорит Кахым, обнимая с седла вдохновенного певца.

- Сейчас мне надо воевать без устали! - вразумительно отвечает Буранбай. - А погибну на поле сечи, родятся в народе новые певцы.

- Так-то оно так, - не соглашается Кахым, - но ведь надо бы передать внукам-правнукам песни войны.

- А может, и удастся, - мечтательно тянет Буранбай. - Может, и вправду не исчезнут наши песни.

Кахым написал донесение, получил через нарочного от князя Кудашева рапорт и личное письмо фельдмаршалу. Вечерело. Кара- гош-мулла служил намаз прямо на улице, и джигиты, постелив кто бешмет, кто кошму, кто дерюгу, коленопреклоненно отбивают поклоны, возносят молитвы и за убиенных, и за уцелевших воинов и благодарят Всевышнего за помощь в освобождении Москвы..

- Надо известить фельдмаршала Кутузова, - веря и не веря глазам своим, ликуяще восклицает Языков.

Но Михаил Илларионович знал еще день назад, что исход Наполеона из Первопрестольной начался. Первый рапорт он получил от вездесущего Кудашева. Потом и от Сеславина - его разведчики и сами видели, и от пленных французов узнали, что неприятель выводит войска по Калужской дороге. Нарушая всяческий военный этикет, к верховному вбегают генерал Коновницын и полковник Толь:

- Ваша светлость, свершилось - Наполеон покинул Москву!..

Их глаза сияют счастьем, губы дрожат - закаленные в боях ветераны готовы вот-вот разрыдаться.

- Да верно ли это?

- Верно, Ваша светлость, верно! Прискакал дежурный офицер 6-го пехотного корпуса Болговский.

- Зовите сюда, - приказал фельдмаршал.

Изнемогший от бешеной скачки по ночным проселкам майор Болговский сперва запинался от волнения и усталости, затем начал говорить связно: - Да, разведчики Сеславина видели, как ночью 11-го октября тянулись разномастные войска и обозы по Калужской дороге. Скрипели колеса бесчисленных телег с награбленным в Москве добром.

- Генерал Дохтуров перепроверил первые донесения разведчиков? - строго осведомился фельдмаршал.

- Так точно, ваша светлость, был послан офицерский разведывательный пикет. Видели воочию - армия движется из Пахры на Калугу.

- Слава Богу! - Кутузов осенил себя тяжелым крестом, рухнул на колени перед иконами в красном углу. - Господь, породивший меня на свет, ты услышал наши моления, ты сжалился над нашими слезами... Россия спасена. Благодарю тебя, Боже, всеильный и всемогущий! Жертва Москвы не была напрасной...

Коновницын, Толь и денщик помогли плачущему старцу подняться, усадили в кресло. Денщик сунулся было к нему с кувшином и тазом для умывания, предварительно встряхнув и без того тщательно вычищенный мундир, но фельдмаршал оттолкнул его и, как был в халате на заячьем меху, обратился к Коновницыну:

- Петр Петрович, голубчик, если Наполеон идет на Калугу, то, следовательно, надо его остановить в Малоярославце. Распорядитесь!

«Ему и карта не нужна - все помнит и все видит единственным глазом» - с теснящим грудь благоговением подумал Коновницын.

- Дохтурову оборонять Малоярославец. Усилить его части подходящими с марша войсками. Казаки Кудашева, Винценгероде и 5-й полк Тверского ополчения Шаховского в Москве пусть спасают то, что еще можно спасти от мародеров, наводят порядок. А когда подойдет Первый мишарский полк из Оренбуржья - оставить его в Москве для охраны второй столицы.

- Слушаю.

В деревне Леташевка Кахым узнал, что фельдмаршал со штабными генералами и офицерами уехал к Малоярославцу. Отдыхать не придется... И усталый Кахым сменив лошадь, оставил ординарца на квартире. Дежурный по Главной квартире снарядил ему двух донских казаков и проводниками, и конвойными: «До Малоярославца немало верст по прямой, а ведь придется ехать окольными проселками». Лошадь шла ходко, казаки не отставали, но Кахыма клонило в сон, он то и дело ронял голову на грудь, засыпал на мгновение, снова пробуждался и вновь погружался в забытие. Виделись ему Сафия и сынок Мустафа на цветущем лугу, под знойным летним солнцем. Благословенная башкирская земля благоухала медовым разнотравьем. Пчелы, шмели тянули в загустевшем от жары воздухе свои басовитые мелодии.

Рассвет начинался мутный, серый, овражки залило туманной пеленою. Навстречу все чаще и чаще попадались телеги, везущие раненых,

- людские страдания, со стонами, а иногда и безмолвные, а в молчании- то они еще страшнее, - колыхались в ухабах, залитых грязью.

- Ну как там, ребята? - спросил Кахым усатого солдата с перевязанной бинтом, в пятнах запекшейся крови, головой.

-У-у-у, француз так и ломит напрапалую, но мы его славно расчихвостили, ваше благородие! - ответил, прерывисто, со свистом дыша, солдат.

- Значит, завязалась грозная баталия! - воскликнул Кахым и ускорил шпорами и поводьями бег коня.

Пушки гремели оглушительно, могуче, дробно рассыпались ружейные выстрелы, изредка ненастное утро взрывалось дружным «ура» - бой разгорался совсем близко, за лесом.

Часовые остановили Кахыма: - «Кто? Откуда? Куда? К кому?». Получив исчерпывающие ответы, указали на деревенский дом с краю пригородной деревушки. За широкой, но мелководной речкой горит город. Дым, то светло-серый, то с дегтярными струями, заволакивает золотые кресты церквей и монастырей. У дома стоят привязанные к коновязям лошади с подвязанными хвостами и опущенными подпругами. «Крепко же вам досталось!» - сразу определяет заядлый лошадиник Кахым, смотря, как дымятся, словно отлакированные, бока загнанных лошадей курьеров и офицеров связи.

Непрерывно из дома, звеня заляпанными грязью шпорами, выбегают офицеры, кричат своим вестовым и конвойным: - «Коня!» Те подтягивают подпруги на не успевших передохнуть, пожевать сена лошадях, взнуздывают их и подводят к крыльцу. И в это же время от реки скачут другие офицеры, нещадно хлеща замотанных, с пальными глазами лошадей, слетают с седла, вбегают в дом, а казаки принимают, отводят шатавшихся коней.

Кахым оставил своего скакуна казакам, пошел в дом. На столе желтыми лепестками, вздрагивавшими, когда дверь открывалась и закрывалась, горят свечи, лежат карты. Михаил Илларионович сидит в красном углу под образами, и отечное лицо с тяжелым подбородком еще бледнее, еще немощее обычного. Кахым отрапортовал, протянул личное письмо Кудашева тестю, пакет с донесением, свое донесение.

- А-а! - произнес фельдмаршал. - Ушли французы? Кремль уцелел? Ну и слава тебе господи! - Он перекрестился, по-стариковски всхлипнув.

К удивлению Кахыма, Михаил Илларионович даже личное письмо зятя не стал читать, а отдал нераспечатанным вместе с остальными бумагами Коновницину:

- Петр Петрович, распорядитесь.
«Все его помыслы, все чувства отданы битве в Малоярославце,
- подумал Кахым. - Здесь заслон отступающему Наполеону. Выдержим ли?..»

В это время вошел запыхавшийся, смертельно уставший, с крапинками засохшей грязи на щеках адъютант генерала Дохтурова.

- Пришел корпус генерала Раевского? - без предисловия спросил Кутузов.

- Так точно, ваша светлость. Уже задействован в бою. Французы вторично отступили за кладбище. Генерал Дельзон убит - это вполне надежные сведения от пленных французов. Сейчас к городу подходит корпус маршала Даву. И об этом сведения достоверные - только что вернулись дальние разведчики. Целые улицы, ваша светлость, в огне. В пламени гибнут и наши, и французские раненые. Бой в городе штыковой, грудь в грудь.

- Ну штыкового удара французы не выдержат, - сказал кто-то из генералов, сидевших на лавках у стены.

Послышался негромкий смешок. Кутузов радостно улыбнулся, но тотчас обратился к Коновницину:

- Петр Петрович, теперь ясно, что Наполеон через Малоярославец в Калугу не пройдет. Видимо, попытается предпринять обход через Медынь.

Понимавший фельдмаршала даже не с полуслова, а с намека, по сведенным бровям, по хитро блеснувшему глазу, Коновницин не задумываясь, ответил:

- Поставим там казаков Платова.
- Именно. И все же не грех подкрепить их стрелками. И свою, казачью артиллерию пусть возьмут. У Даву корпус сохранил боеспособность.

«Он уже думает о следующих боях», - понял Кахым.

- Да, все разведчики подтверждают, что Даву держал своих солдат и на достаточных харчах, и в железной дисциплине, - согласился Коновницин,

- Хотя тяжелые бои за Малоярославец могут и образумить Наполеона, - размышляет вслух Михаил Илларионович. Все - и штабные генералы, и офицеры - притихли, жадно ловя каждое

его слово, - и он догадывается, что, уйдя из Москвы, не выдохнет ещё раз таких тяжелых потерь, какие сегодня несет в Малоярославце...

- И свернет на Смоленск, - догадался Коновницын.
- Именно. И все же... усилим гарнизон Медыни.

Дежурные офицеры записывают приказы Коновницына, дают генералу на подпись и незамедлительно посылают в полки курьеров.

Битва за Малоярославец продолжается с еще более свирепым ожесточением. Город восемь раз переходит из рук в руки. Пожары бушуют с такой силой, что зачастую войска, и русские, и французские, подступают к улице, а дальше не могут и шага ступить - перед ними бурлило, гудело, клочкотало пламя, выжигающее глаза, опаляющее усы и бороду, солдаты роняли ружья - так раскалялись стволы (кадры схваток и пожаров).

К вечеру Кутузов и Коновницын перевели части за Малоярославец и еще плотнее преградили дорогу на юг, на Калугу.

Состоится ли завтра генеральная битва - «второе Бородино»? К пушечной злости паря Александра и Беннигсена, Кутузов явно не желал большой битвы - фельдмаршал берег солдат, справедливо считая, что французскую армию окончательно доконает генерал Время.

Наполеон и страшился нового главного сражения, и страстно мечтал о победе. В деревне Городне под Малоярославцем, в покосившейся крестьянской избе он всю ночь получает донесения разведчиков, увы, беспросветные: - «Костры в русском лагере умножаются», «Подожгли свежие русские войска», «Они полукольцом охватывают Калужскую дорогу». Император маршалу Бессьеру, пользующемуся его безусловным доверием: «Съездите, лично осмотрите позиции русских и доложите». Маршал с конвоем скитался полночи, вернулся измотанным и приунывшим, честно доложил: «- Атаковать армию Кутузова невозможно».

На рассвете Наполеон сам выехал на рекогносцировку в сопровождении адъютантов. Охрану императора предупредили с опозданием, и злые, не выспавшиеся, голодные кавалеристы только седлают лошадей. Вся Калужская дорога заставлена остановившимися еще вчера повозками, фурами, телегами, пролетками; попадают и артиллерийские зарядные ящики и фургоны с боеприпасами. Среди бивуаков гвардии, являвшейся резервом Наполеона, он чувствует себя в полной безопасности.

Неожиданно по дороге слышатся испуганные крики, вопли, стоны, во все стороны разбегаются ездовые, солдаты и легко раненные офицеры. К Наполеону мчатся ровными стройными рядами всадники, и он, и свита решают, что это спешит эскадрон охраны. Но почему же возникла паника на дороге? Опрокидываются экипажи, трещат оглобли и колеса, визжат в предсмертных муках лошади. И вдруг грянуло такое удалое, такое молодецкое «ура», что конь под Наполеоном залясал и по нему пробежала мелкая дрожь. **Если бы платовские казаки нацелились не на артиллерийский парк и не гаркнули привычное «ура», то изрубили бы и Наполеона, и его офицеров.** Была роковая минута, когда французского императора защищают саблями лишь маршалы Мюрат и Бессьер, генерал Рапп и адъютанты. Вскоре подоспели эскадрон легкой кавалерии и французские гвардейские егеря. И казаки отступают, увозя с собою одиннадцать французских пушек.

Вечером Наполеон вызывает к себе гвардейского доктора Юва- на и просит: «Дайте пузырек с безотказно действующим ядом, - нельзя далее искушать судьбу. До сих пор она относилась ко мне благосклонно, но теперь стала мстительной».

Не потому ли он и повернул поток отступающей армии на Боровск, Можайск и далее на Смоленск, не догадавшись, что этого-то и добивается хитрый Кутузов?

Когда к фельдмаршалу заехал накоротке зять Кудашев, то Михаил Илларионович добродушно занимался чаепитием, то и дело вытирая вспотевшее лицо полотенцем.

- Здравствуйте, батюшка, - радостно приветствует полковник, целуя тяжелую, с выступившими фиолетовыми жилами руку. - Счастлив, что вижу вас в добром здравии.

- Мне-то что, дело стариковское, — ответно улыбается тесть.
- Где отряд?

- Задействован на преследование бегущих французов. Но батюшка: им не сладко, но и нам не весело - передвигаемся по выжженной земле: ни дома, ни сарая, ни бани, ни клока сена. Пленные показали: Наполеон приказал вернуть нам русскую землю обугленной, испепеленной. Лошади шатаются от бескормицы.

- Морозы придут, станет еще хуже, - трезво предсказал Кутузов. - Мы хоть как-то наладим подвоз, а французы обречены на вымирание... Скорее бы выгнать полчища Бонапарта. Если не помру до этого светлого дня...

- Ну-у, батюшка, - укоризненно протянул зять.
- Если не помру, - повторил фельдмаршал невозмутимо, - то удалось на покой. Уеду в Волынскую губернию. Там воздух сладчайший.
- А согласится ли Екатерина Ильинична покинуть Петербург?
- осторожно осведомляется Кудашев.

Речь шла о жене Михаила Илларионовича, теще Кудашева.

- Её полная воля. Принуждать не стану. Одиночество - удел стариков. Мой погодок, друг заветный, князь Григорий Семенович Волконский, проживает с одна тысяча восемьсот третьего года в далеком Оренбургском крае. А чем, спрашивается, я его лучше? Значит, заживу бобылем. Да, напиши-ка от моего имени письмецо князю Григорию Семеновичу. Не поленись, Николенька.

- Извольте, батюшка.

Кутузов диктует медленно, выбирая слова осмотрительно, бережливо:

«...Спешу поздравить ваше сиятельство с победою и поставляю за особливую честь ускорить извещением о счастливом действии нашего оружия против врага отечества... Все случаи показывают настоящую гибель французов. За ужас и слезы поселян наших достойную получают они плату, и воздух наш не заражен более врагами, но земля усеяна костями их. Вы не можете представить, ваше сиятельство, радости и удовольствия, с какими все и каждый из русских воинов стремится за бегущим неприятелем, и с какой храбростью наши воины, в том числе и казаки, и некоторые башкирские полки, поражают их. Вчерашнего числа вновь взяты 21 пушка и более 3000 рядовых французской гвардии с генералами и 60-ю офицерами. Войска неприятельские доведены в неимоверное состояние.

Генералы их едят лошадей, солдаты же употребляют в пищу умирающих товарищей своих, что мы лично видели... При запечатании письма еще привели 2000 человек пленных французов и 26 офицеров неприятельских...»

Последние слова фельдмаршал произнес после того, как дежурный адъютант вошел в горницу и протянул только что доставленное в Главную квартиру донесение.

Князь Григорий Семенович вернулся в Оренбург из длительной поездки по уральским казенным заводам, выполнявшим заказы военного ведомства. Ровно четверть всех пушек и боеприпасов давали армии заводы

вверенной его попечению Оренбургской губернии. Авзяно-Петровский, Узянский, Зигаинский, Катав-Ивановский, Симской, Белорецкий заводы изготовляли бомбы, ядра, гранаты, картечь, а Златоустовский, Саткинский, Кусинский отливали пушки разных калибров.

Поездка была старику непосильной: он и щеки отморозил в горах, его и заносило вьюгой в степи, но князь держался, беря себе в образец подвижничество Кутузова, сверстника, держащего на своих плечах всю войну с Наполеоном. Придавал ему бодрости и уральский мастеровой - пустрый, смекалистый, острый на язык, неутомимый, а рабочий-то день длился двенадцать часов... (кадры с заводов) И ни слова жалобы! «А ведь они лили пушки и ядра для армии Пугачева и Салавата, - думал со свойственной ему широтою воззрения Григорий Семенович. - Все мятежные батареи были укомплектованы уральскими пушкарями. И - забыли, как и башкиры. Не вспомнят ли после войны?»

Вся осень проходит в ожесточенных сражениях с отступавшими, но зло огрызавшимися вражескими корпусами. Наполеоновских вояк добывают не холод и не голод, - русские солдаты тоже и замерзают, и голодают, - но непрерывные, со всех сторон удары казаков, партизан и крестьян - прифронтовые деревни целиком берутся за вилы и дубины, нападают на отходящие французские части в лесах, оврагах, излучинах рек.

Командиры русских полков доносят Кутузову: «Интенданты провианта не привозят, деревни вдоль дорог опустошены и сожжены французами, у наших солдат нет теплой формы». А что мог сделать фельдмаршал? Остановить победное движение армии к своим государственным границам? Да любой солдат, идущий впроголодь в летней тонкой шинельке по снегу, на лютотом ветру, знал, что остановиться невозможно. И страстотерпы во имя святого отмщения за муки русского народа молча, без жалобы, без стоны шагают и шагают на запад.

...«Великая армия» превращается в сборище голодных, озлобленных на всех и на вся, включая самого императора, солдат. Они плетутся по Смоленской дороге, слабо реагируя на крики, понукания и угрозы офицеров, а если, выбившись из последних сил, ложатся отдохнуть на обочине, то уже не поднимаются, коченеют, превращаются за ночь в заледенелые трупы.

Раненых и больных, порой, безжалостно сбрасывали с санитарных повозок и фургонов прямо на дорогу. Но у Днепра, под Смоленском, французы уже бросают и пушки, а лошадей, тощих, костлявых, режут

и тут же на шомполах жарят конину над кострами. И все же Наполеон торопит армию, требует от маршалов и генералов: - «Невзирая ни на какие потери, форсированным маршем гоните полки на запад».

А казаки атамана Платова, партизаны Давыдова, Сеславина, Фигнера, Кудашева, башкирские, тептярские, калмыцкие полки, стрелки Милорадовича нещадно бьют чужеземцев (кадры налётов).

Преследование казаками отступающих французов.
Худ. А. Дезарно, 1827 г.

В Смоленске армии Наполеона не удалось отдохнуть, подкормиться, пополнить артиллерию ни боеприпасами, ни свежими лошадьми - фельдмаршал Кутузов не позволил. Русская армия смертельно устала, солдаты кормились только подношениями крестьян, дальних, не разоренных французами деревень. Зимнего обмундирования не было - солдаты мерзли в тоненьких, летнего образца шинелишках, обмораживались и заболевали.

Французские полки таяли, однако и русские полки слабели, и не от боевых потерь, а от недоедания и холодов. Но Кутузов не разрешал передышки - просил, умолял по-отечески: «Не сбавляйте шага». Дальновидность стратега позволила Михаилу Илларионовичу различить в белорусских лесах и болотах Березину, еще не замерзшую, по донесениям разведчиков. Именно там, на берегу, надо окружить, пленить, утопить в реке армию завоевателей.

Между тем и Наполеон не потерял еще в русских полях чутья полководца, смекнув, какую западню готовят ему и Кутузов, и Березина. И приказал корпусу Удино: «- Оборонять до конца, до последнего солдата, с боем взятый город Борисов, а около деревни Студенки строить мосты через Березину».

Если бы к реке первыми подошли Милорадович, Раевский, Ермолов со своими богатырями, пробившимися сквозь первые снега, одолевшими и голод, и стужу, то остатки армии Наполеона погибли бы у Березины полностью. Но на беду, подошел адмирал Чичагов, не приспособленный к военным действиям на суше. Он выслал авангардом отряд Палена, наобум, без тщательной разведки, и маршал Удино опрокинул, отбросил от Борисова русские войска. Перепуганный адмирал переправил всю свою армию за Березину, а ведь пришедшие с юга полки были укомплектованы обученными, хорошо вооруженными солдатами (показать это на карте).

Наполеон был спасен.

Он лично наблюдает за строительством мостов, да еще приказывает: «Шумно строить ложный мост ниже Борисова, близ села Ухолоды, чтобы Чичагов рассредоточил свою армию, решив, что именно здесь и возводится основная переправа». И Чичагов клонув на приманку, передвинул армию южнее. Между тем, у села Студенки выше Борисова отчаянные французские саперы по грудь в ледяной воде уже укладывают последние доски настила на балки. Сперва построили легкий мост для пехоты, затем взялись за мост прочнее и крепче - для артиллерии и обозов - выше по течению.

То, что мог, но не сделал Чичагов, делают, хотя и с неизбежным опозданием, казаки Платова, включая Первый башкирский полк, партизаны Сеславина, полки Ермолова, башкирские Третий, Четвертый, Пятый полки - они теснят французов, нагоняя на беглецов страх и отчаяние.

Мост для пушек и обозов рушится дважды, саперам удается восстановить его лишь через семь часов. Наполеона переводят 15(27) ноября днём усачи-гвардейцы, - император даже здесь ухитряется хоть как-то сносно кормить их и одевать... Третий раз мост обрушивается днем. Когда уцелевшие заметили, что старая и молодая гвардия ушли, то поняли, что обречены. Вой, вырвавшийся из тысяч глоток, был уже не человеческим, а звериным - так воют волки, окруженные охотниками. К мосту рвутся толпы, давя друг друга, ломая перила, скатываясь в пучину. Кучера рубят построжки и, столкнув с дороги повозки, верхами переплывают реку.

люю, сметая в волны людей лишь дня того, чтобы через минуту-другую, их тоже выдавили вниз. Тонущие плачут, умоляют о помощи, проклинают Наполеона и Бога, но император уже на западном берегу.

Переправа через реку Березину (фрагмент). Худ. П. Гесс, 1840-е гг.

Люди, лошади барахтаются в сизых от стужи волнах, всплывают, уходят в бездну, чтобы не выбраться из нее никогда. Воинская дисциплина, французский гонор, честь наполеоновского солдата - где они? Обезумевшие от горя, страданий, безнадежности офицеры бросают своих солдат, врубаются саблями в кипящую, рыдающую и воющую людскую гущу.

А ядра русских батарей равномерно падают на берег, на остатки мостов, в волны, дробя и людей, и льдины, вспарывая воду.

Чичагов и Витгенштейн не утопили в ледяной купели Березины всю армию вместе с Наполеоном, хотя и должны были, и могли это сделать, однако французские полчища разгромлены. Не осталось артиллеристов, егерей, кавалеристов, саперов, - в рубище, бросив ружья, пушки, уцелевшие медленно плетутся, одолевая шаг за шагом, бредят наяву куском хлеба и теплым домом.

Даже выдавших виды маршалов мороз пробирает по спине, когда Наполеон в местечке Сморгонь 23 ноября (5 декабря) говорит: «Мною, конечно, были допущены некоторые ошибки и раннюю русскую зиму

недоучли, но теперь об этом говорить поздно, а надо создать новую армию и тогда победа обязательно достанется великой Франции». И умчался в карете в Париж, сказав напоследок: «Передаю командование здесь королю неаполитанскому Мюрату».

Кутузов спас армию и, тем самым, Россию. Много месяцев он избегал «любового», фронтального столкновения с Наполеоном, чтобы сберечь солдат, чтобы добивать противника не ударом «живой силы», а маневром и внезапными вылазками казаков, партизан и вооруженных мужиков. Он знал, что солдаты воюют впроголодь, и приказывал офицерам, просил, уговаривал их: «Любыми мерами добывайте продовольствие». А что могли сделать офицеры?..

Во время объездов войск Михаил Илларионович первым делом спрашивает: «- Накормлены ли солдаты?» Как-то он без свиты, только с оренбургским казачьим конвоем подъехал к бивуаку лейб-гвардии Измайловского полка. Солдаты вскакивают, радостно приветствуя любимого полководца.

- Есть ли хлеб, ребята? - спрашивает Кутузов.
- Никак нет, ваша светлость!
- А говядина?
- Никак нет, ваша светлость!
- А по чарке водки выдавали?
- Тоже нет, ваша светлость!

Сведя круто брови, грозно сморщив обычно добродушное лицо, Михаил Илларионович с угрозой сулит:

- Велю повесить провиантских чиновников! Завтра же навезут вам хлеба, мяса, водки.
- Покорнейше благодарим, ваша светлость! - гаркнули гвардейцы.
- Но вот что, братцы: пока вы станете отдыхать да угощаться, злодей-то улепетнёт.

В один голос возопили гвардейцы: «Нам ничего не надо! Без сухарей и вина пойдём его догонять!» И провожают фельдмаршала дружным «ура», с любовью и нежностью глядя, как трусит на смирной лошадке тучный, рыхлый старик.

После освобождения Вильно казаками Платова и авангардом Чичагова на русской земле не осталось ни единого наполеоновского солдата, - кроме пленных. Во всех полках, батареях 9 (21) декабря 1812 года зачитывают приказ Верховного главнокомандующего:

«Храбрые и победоносные войска!

Наконец вы на границах империи. Каждый из вас есть спаситель отечества. Россия приветствует вас сим именем. Стремительное преследование неприятеля и необыкновенные труды, подъятые вами в сём быстром походе, изумляют все народы и приносят вам бессмертную славу. Не было ещё примера столь блистательных побед. Путь их усеян трупами...»

Кахым приехал в Первый башкирский казачий полк, прочитал перед строем приказ фельдмаршала Кутузова сперва по-русски, затем по-башкирски.

- Князь Кутузов шлет вам, джигиты, величайшую благодарность! - сказал он с седла и поклонился.

Всадники в ответ прокричали «ура» и тоже поклонились, сняв шапки.

Кахым велит мулле Карагошу: «Переведите и запишите приказ Кутузова по-башкирски. Почаще напоминайте джигитам мудрые слова полководца в проповедях при намазе».

В Литве в деревнях и поселках война не бесчинствовала, амбары ломились от зерна, в хлевах полно скота и свиней. Все мелкие лавчонки открыты и бойко торгуют. Кахым ужинает в палатке майора Лачина, присутствуют старшина Буранбай и мулла Карагош. Подняли тост за Михаила Илларионовича, награжденного только что орденом Св. Георгия первой степени.

- Люблю я фельдмаршала, - растроганно говорит Кахым. - Мудрость. Доброта. Он людей жалеет, а ведь многие генералы смотрят на солдат как на серую скотинку, а на нас как на диких скифов.

- Кто же не любит Михаила Илларионовича, - соглашается Лачин. - У костров только и слышишь: «Кутус», «Кутус»,.. Даже в самые трудные дни, когда французы были в Москве, наши джигиты верили: «С Кутусом не пропадем!..»

За палаткой заиграли плясовую и пошёл такой мощный военный перепляс башкир с саблями, что наши герои не выдерживают, вылезают из палатки и присоединяются к батырам. Даже мулла стоит и хлопает в ладоши, в такт музыке и танцующим.

16 декабря 1812 года Кутузов докладывает царю, подводя итоги Отечественной войны: «Неприятель повсюду очистил границы. Надобно заметить, что Карл XII вошёл в Россию с 40000 солдат, а вывел обратно 8000. Наполеон вошёл с 480000, а вывел около 20000, оставив нам не менее 150000 пленных и 850 пушек».

ОСВОБОЖДЕНИЕ ЕВРОПЫ

Но на границе казачьи полки всего день занимаются разведкой и пленением по лесам и деревням отбившихся французов. Затем получают приказ: «- Преследовать неприятеля и за границами Российской империи». То есть, начать Заграничный поход (кадры перехода казаками госграницы по р. Неман). Пехота же, артиллеристы, саперы, гвардия наконец-то получают трёхнедельную передышку, столь долгожданную. В эти дни фельдмаршал диктует Коновницину приказ, тщательно подбирая слова, желая вложить в них свою безмерную любовь к русским солдатам:

«1) Принять все необходимые меры к укреплению здоровья нижних чинов, укрепляя силы, их доставлением хорошей пищи и спокойного расположения на квартирах.

2) Привести в полный порядок обмундирование солдат.

3) Собрать из обозов всех строевых нижних чинов, всех отставших и в командировках и присоединить их к своим полкам».

После ухода Коновницина Михаил Илларионович зовёт: «Денщик». Тот помог старику снять сюртук, уложил в постель, прикрыл ватным одеялом. Перекрестившись, Кутузов кряхтя потянулся. «...День ото дня мне все хуже и хуже. И в Тарутинском лагере опасался, что не дотяну до полного изгнания французов из России. Дотянул!.. Дотянул

- и надорвался. Устал, до чего же я устал... Суждено ли Богом встретить завтрашнее утро? А надо и воевать, и примириться с Пруссией, чтобы бросить немецкие войска против Наполеона. А потом и австрийцев склонить на свою сторону. Значит, опять и дипломатию применять придётся». Сверчок нехитрой песенкой баюкал погружавшегося в дремоту старика - первого победителя, казалось бы, непобедимого Наполеона... По прибытии в Вильно 11 декабря главнокомандующий русской армии составил план дальнейших действий «Общее распоряжение дальнейших операций». Кутузов хорошо понимает: «Чем дальше вглубь Западной Европы будет продвигаться главная русская армия, тем более она отдаляется от своих резервов, со всеми вытекающими отсюда опасными последствиями. А вот за казаков и башкир не боюсь - этих молодцев трудно уничтожить. Они сами, кого хочешь, оципают. А если уж насядут на них большими силами, то скроются в ближайших лесах». (По военной сути, его летучие отряды 1813 года послужили прообразом современных воздушно - десантных войск. Только нашим предкам приходилось проводить эти операции при помощи коней, а не самолетов).

КЁНИГСБЕРГ

Разделы КЁНИГСБЕРГ, ВАРШАВА, ПАРТИЗАНСКИЕ РЕЙДЫ В ЦЕНТРЕ ЕВРОПЫ показать движением красных стрелок по карте Европы на фоне чтения нижеследующего текста (можно в сокращении), которое перемежается кадрами лихих атак на упоминаемые города:

1(13) января 1813 г. Главная армия переходит Неман. Российская армия движется в общее наступление по трем направлениям: на Кенигсберг, Варшаву и Плоцк. Главное - Кенигсбергское направление. Здесь действуют 3-я Западная армия, корпус Витгенштейна и казачий корпус Платова, всего около 60 тыс. человек: на правом приморском фланге действует корпус Витгенштейна - 33 тыс. человек, авангардом которого командует генерал - майор Шепелев. Причем, почти половину этих войск составляют ополченцы. На левом фланге, наступающем через Гумбинен на Эльбинг, действуют войска (3-й Западной армии), авангард которой - 7 тыс. человек возглавляет генерал - лейтенант Чаплиц . Впереди авангарда действует летучий отряд свыше 3 тыс. человек под командованием генерал - майора Воронцова . В центре между ними - казачий корпус атамана Платова из 24 казачьих полков общей численностью около 7 тысяч воинов. В первые же пять дней заняты Инстербург, Гумбинен и Мемель.

Большой отряд казаков влетает на пирс порта Мемель. Генерал- майор Шепелев: «Развернуть батареи, поставить орудия напротив военных кораблей французов на рейде! Найти моряка-сигнальщика - ка в порту!» Есаул одного из казачьих полков: «Есть сигнальщик!» Дмитрий Шепелев: «Залезешь куда-нибудь повыше и отсемафоришь: «Предлагаем немедленно сдаться и спустить флаги! Иначе утопим!» Казаки: «Смотри, смотри, начали флаги спускать!» Есаул: «А вот тот, самый дальний не спускает и, похоже, собирается смыться». Командир казачьего полка: «А ну- ка, братцы артиллеристы, вмажьте ему под самое брюхо!» Первый выстрел: недолёт. Второй выстрел: перелёт. Третий выстрел разносит корабль на куски. Других попыток уплыть никто уже не предпринимает. Шепелев сигнальщику: «От- семафорь: Всем немедленно пришвартоваться!» Захвачены 26 военных кораблей, 36 французских торговых судов и большие трофеи: продовольствие, оружие, боеприпасы. В порту и на кораблях взято в плен 7500 солдат и 246 офицеров (кадры трофеев и пленных).

Корпус Макдональда, настигнутый авангардными частями генерала Шепелева у Лабиау, терпит поражение и поспешно отходит к Кенигсбергу. Но энергично преследующие его российские войска с ходу врывают

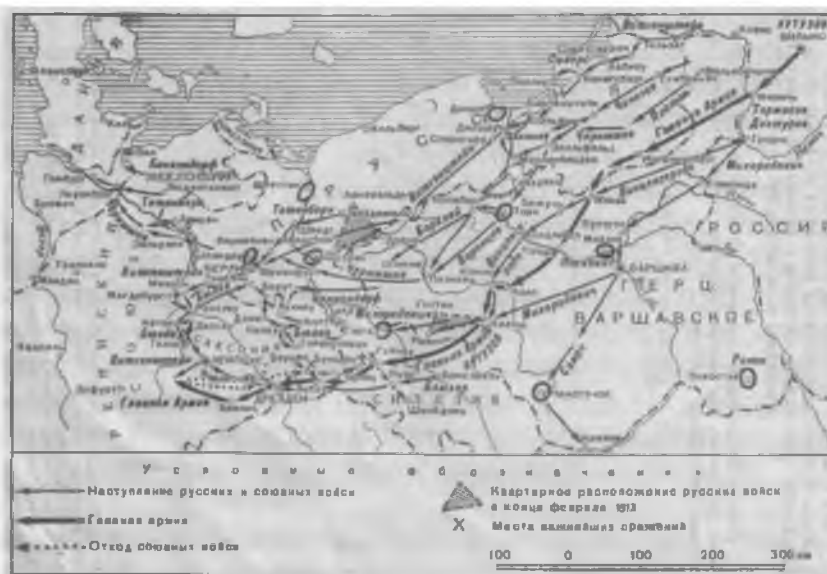
ся в город и после непродолжительного, но упорного боя 4 января 1813г. овладевают этим крупным опорным пунктом Восточной Пруссии. Освобождено до 200 русских пленным (кадры взятия Кёнигсберга).

23 декабря(4 января) Кутузов сообщает сенатору Д. Трошцину: «Войск наших близ 70000 уже за границею».

Заняв Кенигсберг, российские войска устремляются к Висле, преследуя французов. Отряды Платова и Шепелева преправляются через Вислу и занимают еще несколько городов, в том числе Нейенбург и Диршау. Преследуя противника, казачьи полки Платова выходят к Данцигу и обкладывают его со всех сторон. А 16 (28) января 3-я Западная армия Чичагова - 17 тыс. человек блокирует Торн (Торунь).

24 января (5 февраля) Главная армия подходит к Висле и занимает Плоцк, а авангард Винценгероде - город Доброжин. Милорадович, присоединив к себе корпус генерал - лейтенанта Остен - Сакена, наступает на Варшаву.

В составе корпуса Платова, в авангардах и летучих отрядах разных русских армий находятся шесть башкирских полков: № 1, 2, 3, 4, 5, 6 и 1-й Тентярский. Всего летучих отрядов в русской армии - до

Карта Освобождение Польши и Пруссии в январе — апреле 1813 года

полтора десятков. В их состав включают конницу, - как правило, казаков, башкир, легкую пехоту (егерей) и конную артиллерию. Численность - от 500 до 3000 человек. (Это «ноу - хау» русской армии и русской военной мысли, успешно внедренное в жизнь Кутузовым еще в 1812 году).

Вернувшись в конце 1812 года в Париж, Наполеон командует: «Немедленно приступить к созданию новой армии. Не считаясь ни с чем, забрать солдат, продовольствие и финансы из Франции и вассальных стран». Он торопится: «Надо нанести удар русской армии до того, как она получит подкрепления, и пока германские союзники из Рейнской конфедерации еще сохраняют нам верность». **В короткий срок, к весне 1813 г. Наполеон поставил под ружье более 300 тысяч солдат. (Помимо военных дарований, он обладал еще большим организаторским талантом государственного деятеля. Человек-феномен, строитель республики. Часть наполеоновских законов, постановлений и уложений действует во Франции до сегодняшних дней).**

ВАРШАВА

Кутузов - Александру 1: «Наступлением на Варшаву планирую разгромить сильную австро - саксонскую группировку войск и занять столицу Великого Герцогства Варшавского. Эта задача возлагается на российские войска, находившиеся в районе городов Гродно, Белосток, Брест - Литовск, всего около 13 тыс. человек. Ими командует Милорадович. Между этими двумя группировками из района Меречи в общем направлении на Плоцк наступает Главная армия».

После переправы русской армии через реку Неман многие башкирские и оренбургские казачьи полки, образованные в августе - октябре 1812 г. входят в состав так называемой “Польской” армии генерала Беннигсена, действующей в Польше и Германии.

В корпусе генерала Дохтурова - 13-й Башкирский и 2-й Ми- шарский полки. В Поволжском ополченском корпусе генерала Толстого, наступавшем на Бреславль, - 12-й Башкирский полк и 5-й Уральский полк. В корпусе, наступавшем позже к реке Одер, воюют башкирские полки: 9-й, 11-й, 14-й и 15-й. В Костромском ополченском корпусе генерала Бурдакова, наступавшем на крепость Калиш, сражаются 8-й Башкирский и 4-й Уральский казачьи полки.

Выход русских войск к Висле и наступление крупных сил на Варшаву создают угрозу окружения для противника, занимавшего польскую столицу. Когда оно становится вполне реальным, фельдмаршал Шварценберг с

согласия австрийского правительства вступает в переговоры с русским командованием. В конце-концов, Шварценберг принимает предложение Кутузова о перемирии и уводит 24-тысячный австрийский корпус в Галицию. 26 января (7 февраля) российские войска, включая и 2-ой Башкирский казачий полк, находящийся в корпусе Волконского, вступают в Варшаву. Понятовский вынужден поспешно отступить к Ченстохову, а Ренье - к Калишу. В начале 1813 года армейский мулла Яхшигул Зиянсурин пишет в Башкирию: *“Всей армией пришедши в город Варшаву и после одной недели останова, от главного начальника армии нам приказ был: за французами гнаться до Парижа”*.

ПАРТИЗАНСКИЕ РЕЙДЫ В ЦЕНТРЕ ЕВРОПЫ

Кутузов: «Приказываю: С целью ускорить темпы продвижения войск, из состава главных сил также выделить летучие отряды, состоящие из казачьей конницы, башкир, егерей и конной артиллерии. Командирами назначить генералов Чернышева, Воронцова, Бенкендорфа, Тетенборна. Вслед за ними двинуть авангард -13600 человек, в том числе 6300 человек кавалерии, возглавляемый Винценгероде. В отряд Чернышева передать 2500 казаков, а Воронцова - 750 казаков и егерей. Главный предмет их состоит в том, чтобы врезываясь в неприятельские операционные линии, пересекать на продолжительное время всякое сообщение, окружая неприятеля со всех сторон, открывать движения его и таким образом, как бы заграждая нашу армию, обманывать насчет наших действий».

Действуя далеко впереди армии, летучие отряды совершают глубокие рейды по тылам противника, громят отдельные вражеские отряды, гарнизоны, команды, уничтожая материальные запасы, депо и мосты. 29 января (10 февраля) отряд Чернышева овладевает Шнейдему-ле. В тот же день отряд генерал - майора Воронцова у местечка Рогозно под Познанью разгромил 2-тысячный польский отряд. На следующий день передовой отряд генерал - адъютанта Чернышева в 500 человек разбивает на реке Варта под Цирке литовскую дивизию князя Гедройца, численностью также около 2 тыс. человек. При этом командир дивизии с большей частью своих солдат взят в плен.

А.Н. Чернышев (1785-1857). Гравюра С. Карделли. 1810-е гг.

1 (13) февраля под Калишем авангард генерал - адъютанта Випценгероде нанес поражение саксонскому корпусу Ренье. Противник потерял здесь до 3 тыс. человек: 1500 убитыми и ранеными и столько же пленными. Оставшаяся часть отступает в Силезию по направлению к крепости Глогау (кадры схваток и движений отрядов на карте).

Подошедшие к Одеру летучие отряды генерал-майора Бенкендорфа и полковника Тетенборна соединились с отрядом Чернышева, переправились через реку и двинулись на Берлин.

Сменивший Мюрата Богарне стягивает значительные силы в район Познани, пытаясь удержать эту крепость в ожидании подкреплений. Но не выдержав стремительного натиска летучих отрядов и не дождавшись подкреплений, вынужден оставить город и начать отступление к Франкфурту. 1 (13) февраля отряд Воронцова занимает Познань. К концу февраля русская армия широким фронтом выходит к Одеру. За два месяца боевых действий она продвинулась от Немана до Одера на глубину 800 км, что вызывает восхищение даже в скоростном 21-ом веке. (Показать это на карте). *«Дабы не оставлять неприятеля в покое в течение сего времени, - пишет в приказе Кутузов, - нужно устроить более*

М.С. Воронцов (1782-1856)
Гравюра Т. Райта по оригиналу Д. Доу. 1823г.

легких партий для партизанов, которые бы, перейдя Одер, нанесли бы страх неприятелю не только в окрестностях Берлина, но и до самой Эльбы».

Удивительно смелы и решительны были наши предки, раз брались захватывать даже столицы - Кенигсберг, Варшаву, Берлин, силами одних легких отрядов и авангардов! Только в Пруссии, полутора десятках герцогств, почти стольких же княжествах и отдельных королевствах Рейнского союза проживало 13 миллионов 645 тысяч людей, а их воинский контингент в сумме составлял 124540 человек - чуть больше русской армии в походе на тот момент. Каково было нашим предкам победить их, французов, поляков, голландцев, итальянцев в боях?!

7(19) марта отряд полковника Тетейборна вступает в Гамбург. Через два дня подполковник Бенкендорф с одним казачьим полком (!) занимает Любек. Автор бывал в этом городе - он в удивительной сохранности, похож на волшебные города из сказок. Так скажем спасибо за его сохраненную красоту и тому безымянному казачьему полку из России!

21 марта (2 апреля) отряд Чернышева атакует у Лауенбурга, в 40 км юго-восточнее Гамбурга, дивизию генерала Морана - 3,5 тысячи человек с 8-мью орудиями. После упорного восьмичасового боя

французы разбиты и во главе с командиром складывают оружие. В плен взяты сам генерал Моран, весь штаб, более 80 офицеров и 2500 солдат.

Кутузов пишет царю: «...Мы действуем за Эльбой легкими нашими отрядами, из которых (по качеству наших легких войск) ни один не пропадет».

24 марта (5 апреля) в боях под Даничковым, Веглицем и Цедеником войска Витгенштейна наносят поражение главным силам Богарне и отбрасывают их за Эльбу. В начале апреля все пространство от Одера до Эльбы очищено от неприятеля.

Платов Кахыму: - А вы слышали, как казаки Двенадцатого башкирского полка стреляли в цель во владениях князя Карла Гюнтера?

- Нет, они ведь идут по другому маршруту.

- Верно, и вышли в поход раньше вашего полка дня на три-четыре...

Так вот, владетельный князь Гюнтер захотел собственными глазами увидеть таинственных «амуров» и пригласил их в гости. Генерал Щербаков приказал уважить просьбу князя. Жители городка Шварц вышли на улицы. Появились скачущие во весь опор всадники в белых чекменах, со стрелами в колчанах на боку, с луками за спиною, с копьями.

Князь и его придворные заспорили:

- Не из камыша ли сделаны стрелы?

- Помилуйте, ваше сиятельство, из дерева выточены!

- Деревянная стрела, а пробивает насквозь коня? - Не может этого быть! - усомнился князь.

- А почему же тогда французы убегали от этих стрел?

Переводчик говорит командиру полка, сотникам, джигитам:

«Князь и его свита не верят в убойную силу башкирской стрелы». Все казаки обиделись, разозлились:

- Это для чего же нас сюда пригласили? Чтобы охаять наши луки и стрелы?

- Мы этими стрелами истребили сотни французов, когда гнали от границы!

Князь решает устроить «амурам» строгую проверку и показывает на кровлю и купол храма:

- Стреляйте!

Башкирские казаки - хоть и мусульмане, но стрелять в церковь не отваживаются: - Святотатство!.. Однако по сигналу князя, священнослужитель Кисте Фридрих Август разрешает стрелять: «Я, как и князь, не верю, что деревянная стрела вонзится в склепанный из медных листов купол, увенчанный золоченым крестом. По здравому смыслу получается, что полет стрелы ввышину погасит ее пробивную силу...». Но каленая стрела Нигматуллы Ибрясова легко и могуче вспорхнув, вонзается в купол на самой середине.

Джигиты с радостью кричат «ура». И князь, и его подданные восхищены меткостью «амуров» и упругостью лука, ударной силой стрелы. Однако, князь даже не приглашает их на обед. Башкиры сразу же ускакали в свой лагерь.

- Гордости, значит, много, - засмеялся Кахым. - Но хорошо, что наши джигиты и там оставили о себе такую память.

Однако Наполеон не терял времени даром и сосредоточил свою новую армию в 300 тыс. человек в Тюрингии в районе Эрфурта, планируя начать отсюда контрнаступление. Поэтому теперь Кутузов не торопится переносить боевые действия за Эльбу против основных сил Наполеона. Приказывает: «Надо сначала подчистить тылы. Ведь там остались крупные гарнизоны осажденных крепостей: Данцига, Торна (Торуни), Модлина и других. Взаимодействуя с основными силами новой французской армии, они могут быть опасны. Прежде всего, надо овладеть Торном - сильнейшей крепостью на Висле». Начиная с 27 марта (8 апреля) скрытно проводят военно - инженерные работы и подтягивают осадную артиллерию. Но поняв беспечность дальнейшего сопротивления, гарнизон Торна 4 (16) апреля капитулирует. Ее принимает Барклай-де-Толли, сменивший в феврале 1813 г. на посту командующего 3-й Западной армией адмирала Чичагова.

На Одере осаждены крепости Штеттин, Кюстрин и Глогау (красные стрелки на карте охватывают эти города).

ДАНЦИГ (ГДАНЬСК)

Данциг захвачен французами еще в 1807 году и превращен в сильнейшую крепость. Ее гарнизон, пополненный остатками “Великой армии” Наполеона, достиг 40 тыс. человек. Для ликвидации сильной неприятельской группировки в Данциг, наряду с регулярными частями,

посланы ратники Петербургского, Новгородского, Тульского, Калужского и Ярославского ополчений под командованием Вюртембергского. Сюда же направлены восемь башкирских, один темярский, один калмыцкий и Оренбургский атаманский казачьи полки. Второй Темярский казачий полк, командир - подполковник Струков 2-й, осенью 1812 года поступил в гарнизон Полоцка. Позднее направлен в действующую армию и в кампании 1813 года тоже участвует в осаде Данцига.

Блокадный корпус русских войск в составе сперва 19 тысяч человек (март 1813 г.), затем 35 тысяч, на протяжении многих месяцев ведет упорную борьбу с численно превосходящими силами неприятеля. Проявляя стойкость и отвагу, русские войска успешно отбивают атаки, уничтожая неприятеля. Наиболее отличившиеся части русской армии специально отмечаются в правительственном журнале военных действий, что является большой честью для воинов. Такой чести удостоивается 1-й Башкирский полк, еще в начале января 1813 года прибывший к Данцигу и отличившийся в осаде крепости.

Дежурный офицер записывает в Журнале военных действий: "Желая овладеть продовольствием в селениях окрестности Данцига, неприятель сделал 23 января вылазку на наш левый фланг. Против с. Бренгау немедленно был встречен казачьим полком Ребрикова 3-го и Первым Башкирским, которые, несмотря на упорность неприятеля, поражая оного стремительными ударами и взяв несколько в плен, удержали вылазку. В то же время показалась сильная пехотная колонна с частью кавалерии на нашем правом фланге, против с. Ненкау, и потеснила сначала наши передовые посты. Внезапным и стремительным ударом казаки и башкиры смяли противника. Из всей колонны, которая была отрезана от города, не возвратился в крепость ни один человек, на месте положено до 600 человек, в плен взято до 200, сверх того еще 1 полковник, 1 подполковник, 1 майор, 7 капитанов, 6 поручиков, 8 подпоручиков и 48 унтер-офицеров. Потери казаков и башкир незначительны: убито 2 урядника, 4 казака и 7 башкир; ранено 4 офицера, 5 урядников, 40 казаков и 46 башкир» (Перемешать запись кадрами схваток).

Кутузов пишет об этом бое в письме своей супруге Екатерине Ильиничне из Плоцка на Висле: «Сейчас получил я ключи от Варшавы, которые отправятся с генерал - адъютантом Васильчиковым, может быть, завтра ввечеру в Петербург и при молебие положены будут в Казанской церкви. Варшаву занял Милорадович. Войска велено расположить в предместьях, а самого города не занимать.

Данциг блокирован. Сегодня получен рапорт, что выходила вылазка человека в тысячу, но вся истреблена казаками и башкирами. Детям благословение. Верный друг Михайло Г(оленищев)-К(утузов) 1813 г. января 28».

Награждение: «Ихеан Абубакиров за отличие и храбрость представлен к кресту и награждается по высочайшему приказу Получает Святые Анны 3-й степени в саблю. Хусейн Кучербаев также награждается орденом Св. Анны 3-й степени. Ирназар Давлетчурин, Байбу- лат Турсунбаев, Исянгул Ишкизин отмечаются знаком отличия военного ордена». Военные ордена получают и 14 воинов из Атаманского оренбургского казачьего полка.

Март 1813 года. Весна в Прибалтике приходит значительно раньше, чем на Урале. Земля в поле и на лугах подсохла, брызнула изум- рудно-зеленой, блестящей, словно отлакированной, травой. Почки на деревьях набухли, налились соком, вот-вот лопнут, взметнув остроугольные клейкие листья. И море, еще не видимое за лесами и песчаными дюнами, дышит влажным ветром. У костра на привале Буранбай непрерывно вздыхает и жалуется:

- И что это за наша военная судьба - год за годом в походах. А сейчас, поди, у нас там тоже весна.

- Да ведь там холоднее, - трезво напомнил Кахым.

- И пусть холоднее, но зато милее. Суровый край, но родной!.. И сердце мое рвется в степи, в горы. И песни сами собою слагаются. А песня, сам знаешь, утишает боль сердца.

- А ты, агай, заведи, а я постараюсь подтянуть, - говорит Кахым.

Подошел мулла Карагош и, опустившись на копы, тоже **просит любимого певца: «Осчастливь меня и джигитов песней».** Буранбаю пение, игра на курае так же естественны, как дыхание. К сабле рука прикипела, а с песней, с кураем душа сроднилась. И он, полужакрыв глаза, запевает прочувствованно:

Урал-гора, Урал-тау, Прими мою тоску. Распроклятые французы Разлучили нас с Уралом.

- Это не я сочинил, - вдруг говорит он, - а джигиты Второго башкирского полка. В полках ходят песни безымянных сочинителей, один на биваке вымолвит слово-другое, а сосед добавит. Вот послушай «Гимн Кутузову», нет, точнее: - «Гимн Кутусу»:

*Отгремела битва, остывали пушки, Храбрые батыры- львы
отдыхали, Славил великого Кутуса, Сабли, пики точили
- завтра в бой...*

Песня длинная, величальная, торжественная.

- А я слышал у соседей и запомнил песню про Бородино, - сказал мулла и загудел, словно коран читал с амвона мечети:

*Целый день кипел бой на Бородинском поле, Ночь настала - не
утихла битва. Кровь людская текла ручьями, Земля набухла, не
впитывала крови. Разъяренные батыры-мужи не ведали страха, Раны
не считали - кидались в сечу. Ветры, окрасились кровью. Небо
окрасилось кровью. Безмерную рать французов Обескровили мужи-
батыры.*

- Какие слова! - восхитился Кахым. - И каждый батыр - поэт или танцор. Вот бы записывать эти военные песни-былины, да не до этого...

- И грамотеев в полках нет, - вздохнул Буранбай.

- И вообще пора спать, - засмеялся Кахым, - завтра в поход!

БЕРЛИН

...За Одером Первый полк соединяется с казаками отряда генерала Чернышева. Начинается освобождение Берлина. Чернышев умело маневрируя конницей, бросает казаков на окраинные поселки, а засевших в каменных цитаделях, монастырях, церквях французов, саксонцев и еще сопротивлявшихся немцев громит казачьими переносными пушками и атаками приданных егерей.

Прижав копы к седлам, подзадоривая друг друга громким «ура», доводя лошадей пронзительным свистом буквально до безумия, джигиты нападают на французские заставы так стремительно, что первый ружейный залп запаздывает, а перезарядить солдаты не успевают - проколоты копыями, изрублены саблями. Саксонцы и немцы либо разбегаются, прячась в подвалах, либо поднимают руки и сдаются.

Джигиты мчатся через весь город и соединяются с казаками Ставропольского полка из армии генерала Репнина. Вечером бой заканчивается.

Кахым съездил в штаб отряда Чернышева, а вернувшись, собрал сотников и сказал:

- К немцам относиться приветливо, ничего не брать, за все платить деньгами, - строго предупредил он.

- Понимаем, ваше благородие, но мы немцев-то и не видели - прячутся от нас, как от чумных! - говорит сотник Узбек Акмурзин.

- Я хотел воды попросить напиться, так хозяин-немец и калитку не открыл, кричит: «Амур, скифы!..» - засмеялся Буранбай.

В Петербурге Кахым спосно наловчился говорить по-немецки. И немудрено - и булочники, и колбасники, и пивовары в столице немцы. Как тут не научиться!..

Он спешился, перешел улицу, постучал в дверь аккуратного кирпичного двухэтажного дома. На окнах зашевелились занавески, послышались испуганные голоса, шарканье шлепанцев, туфель, но дверь не отперли. Кахым еще постучал, настойчивее. Наконец в форточке показалась лысая голова старика, видимо хозяина.

- Я русский офицер, - произнес Кахым миролюбиво, старательно выговаривая немецкие слова, от которых уже отвык за войну.

Доброе лицо Кахыма, его мундир и, конечно, немецкий, пусть и ломаный, язык, произвели, как и ожидалось, благоприятное впечатление на старика. Он вышел на крылечко, низко кланялся, приговаривая: «Bitte... bitte»³, - пропустил вперед Кахыма и надежно затворил дверь - громыхнул засов. Кахым долго не выходил, и мулла Карагош забеспокоился:

- Не прикончили бы они нашего командира!

Буранбай его успокоил:

- Ты за нашего турэ не опасайся! Он себя в обиду не даст.

Через несколько минут Кахым, улыбаясь в бородку, вышел из дома, за ним шагали три жилистых парня, а хозяин стоял на крыльце и гостеприимно разводил руками, повторяя: «Bitte...»

— Значит, в этом доме на втором этаже разместимся - я, старшина Буранбай, мулла и Янтурэ. Эти парни - сыновья хозяина, они помогут устроить наших джигитов в соседних домах. Лошадей можно оставить и здесь, в конюшне, и у соседей. Парни всё устроят, а если что - зовите меня. Мулла Карагош набожно возвел глаза к небу: «Благодарим Аллаха за то, что он даровал нам такого образованного командира полка».

Вечером у Кахыма собрались Буранбай, мулла, сотники.

³ Пожалуйста (нем.).

- А вы знаете, почему немцы нас так боятся? - лукаво спросил Кахым. Все переглянулись, а Буранбай сказал:

- Наверно, прозвище «амур» пугает?

- Нет, французы, чтобы укрепить в немецком гарнизоне города любовь к ним, распустили слухи: дескать, идут из степей дикари, которые питаются человеческим мясом. Особенно любят поджаривать младенцев на пиках в огне костра. Ну и девиц насилюют прямо на улицах.

Все возмутились, закричали в обиду, в негодовании:

- А-ах, стыда у этих мусью нету!

- Ишь чего придумали, подлые обманщики!

- Хотят за Наполеона проливать немецкую кровь!

Мулла сказал назидательно:

- А ты, турэ, скажи, что мы хоть с гор и степей, а верующие. Бог - один, а веры разные.

- Если бы не говорил так, нас бы не устроили здесь удобно и хлебосольно, - засмеялся Кахым. - Но вы скажите джигитам,

- он строго обратился к сотникам, - за все платить, а денег нет, присылать хозяев ко мне, у меня есть казенные суммы на обеспечение.

Сотники заверили командира: «Мы проследим за порядком», а Буранбай добавил: «Первый башкирский казачий полк незыблемо сохранит свою честь!»

Через неделю берлинцы привыкли к джигитам, оценили их честность. И первыми, естественно, подружились с ними мальчишки

- они просили у них лук и стрелы.

Старательно, так, что пот прошибал, подростки целились в мишень и восторженно визжали, когда крылатая певунья впивалась в мишень.

Джигиты говорили: «Гут! Гут!...» А когда вели лошадей на водопой, то в каждом седле горделиво восседал краснощекий мальчишка, вцепившись в лук, не доставая ногами до стремян, а рядом шел веселый джигит, повторяя: «Гут! Гут!...» Из всех окон торчат женские головы в белоснежных накрахмаленных чепцах. И маменьки, бабушки, тетушки, старшие сестры благословляют добрых конников.

Кахым рассказывает своим джигитам:

«Башкиры в Берлине 16 марта 1813 г.» Худ. Хюбейль.

- Берлинцы в один голос вспоминают, что французы держались с ними надменно, заверяли, что с Наполеоном они непобедимы, что Россию покорят в два месяца.

- Вот и покорили! - радовались джигиты. - Угробил всю армию Наполеон, а Россия как стояла, так и стоит.

- Да еще могущественнее стала!

Взятие столицы Пруссии имело важное военно - политическое значение. Оно вынудило французские войска начать еще более поспешное отступление, а потенциальных союзников - задуматься о союзе с Россией. Именно успешные действия подвижных сил заставили руководство Пруссии разорвать союз с Наполеоном и присоединиться к российским войскам. 16 (28) февраля 1813 г. под давлением собственного народа заключен Калишский

союзный договор Пруссии с Россией против наполеоновской Франции, положивший начало антифранцузской коалиции. Прусский корпус генерала Йорка, сохранявший до сих пор нейтралитет, двинулся на соединение с Витгенштейном. Вскоре к нему присоединился резервный корпус, сформированный генерал - губернатором Восточной Пруссии генералом Бюловым.

16(28) апреля 1813 года в маленьком немецком городке Бунцлау скончался Михаил Илларионович Кутузов.

Остановилось сердце великого полководца, взявшего на себя в год роковых испытаний всю ответственность за независимость России. В Первом башкирском полку дарило уныние. Мулла Карагош отслужил заупокойную службу. Кахым плакал, рассказывая опечаленным джигитам, как по-отечески относился к нему Михаил Илларионович, да и ко всем башкирским казакам.

- Для него не было разницы - донской ли казак, башкирский или калмыцкий - лишь бы сражался храбро.

А угрюмый Буранбай всем показывал жалованную саблю с золотыми и серебряными украшениями и говорил многозначительно:

- По личному повелению Верховного! А вручал от имени Кутузова атаман Платов...

Карта военных действий в 1813 году в Центральной Европе (по нов. ст.).
Всемирная история. М.: АН СССР, ИСЭЛ. 1959. Т.6. С.125

Наполеон не зря считался гениальным полководцем в своей, привычной среде. Да и французские войска еще сохраняли боеспособность: беспощадно обирая немецких крестьян, солдаты отъелись, из Франции подвезли боеприпасы. И первое же сражение без Кутузова, близ Лютцена, 20 апреля 1813 года закончилось для русских и примкнувших к ним прусских корпусов неудачно; потеряв свыше двадцати тысяч убитыми, ранеными и пленными, союзники отступили за Эльбу. Пришлось оставить и Дрезден. Майская битва при Бауцене тоже была проиграна, и армия Наполеона заняла Бреславль. В мае 2-й Башкирский полк, находясь в составе корпуса Ф.В. Остен - Сакена, сражался на подступах к Бреславию.

В Гамбург Наполеон посылает своего лучшего маршала Даву с 40-тысячным войском и он, конечно же, быстро вытесняет отряд полковника Тетенборна (кадры передвижения на карте). Но как же потом Наполеону не хватало и железного маршала, и его корпуса!

Император Александр приуныл: «Раньше неудачи, поражения, оставление Москвы можно было свалить на Кутузова - дескать, одряхлел старче, не справляется... А сейчас с кого спрашивать, кого обвинять? Самого себя?... Австрия, Бавария, Саксония и Вюртембург все еще хранят верность Наполеону. Кто же выручит? Витгенштейн? Беннигсен? Барклай-де-Толли генерал умный, опытный, но в русской армии нелюбим. Придётся, наверное, согласиться на перемирие».

В конце мая союзники и Наполеон подписывают соглашение о перемирии на 2 месяца. Обе стороны нуждаются в отдыхе, в пополнении новобранцами, в боеприпасах.

Воспользовавшись перемирием, Буранбай обращается по команде: «Прошу предоставить краткосрочный отпуск по ранению». Сначала Кахым отказал: «Да ты что, старшина - война ведь идёт!»

- А ты, господин командир полка, обо мне, о моей судьбе думаешь? - взвился неистовый Буранбай, багровея от волнения. - И я человек, и у меня есть сердце. Ты же знаешь о первой моей несчастной любви! Что ж, добровольно отказаться от золотоволосой? Да я быстро вернусь! Не тревожься, мои лошади резвые.

- Ладно, поедешь, - согласился Кахым. - Только возьми с собой Зулъкарная и ординарцев. Я похлопочу, в виде исключения, насчёт отпуска и проездных документов. Да купи Тане и ее отцу-ма- тери подарки, - он вынул из внутреннего кармана мундира кошель с деньгами.

Буранбай его строго остановил:

- Зачем? У меня есаульское жалованье... Не сердись, кустым, что я не по уставу с тобой говорю. Будь что будет, а Таню мне надо повидать.

Под вечер седьмого дня Буранбай с приемным сыном и ординарцами прискакали через несколько границ к заветной деревушке в России.

- «Что ждет меня там? Не забыла ли меня Таня?» Переводя коня на шаг, Буранбай с жадным любопытством оглядывал поля, перелески, где вместе с партизанским отрядом громил шайки французских мародеров. **Война здесь, видимо, забылась и жителями, так показалось мечтательному Буранбаю, и природой: всюду глубокая тишина, листья берез слегка колышутся под порывами вольного ветерка.**

Деревенские собаки издали учуяли чужих - и всадников, и их лошадей, - подняли неистовый, разноголосый лай, предупреждая хозяев.

«Нет, так не годится, — понял Буранбай. - Так мы переполошим всю деревню!»

Он велел Зулькарнаю: «Сними чекмень, лисью шапку, саблю и в рубаше, пешком, прикинувшись случайным путником, иди в деревню, разузнай. Ты по-русски говоришь свободнее остальных джигитов и вполне можешь сойти за касимовского татарина из-под Рязани, отставшего от купеческого обоза».

Дошлый паренек пропадал долго, но вернулся с верными известиями: «На беду для тебя, Буранбай, в деревне пируют по поводу венчания девушки Татьяны с сыном старосты. Все только что прибыли из церкви и начался праздничный обед. Столы ломятся от мисок, блюд, графинов, бутылок».

- А ты ее видел?

- Да разве я ее узнаю, отец? - со справедливым удивлением спросил Зулькарнай. - Гостей полон дом, надышали так, что лучина гаснет. На тальянке играют. Пляшут.

Сердце Буранбая поплыло будто в бурных волнах.

- Ну я им покажу! Разгоню всех, муженька изувечу, а Таню умыкну!

Самым благоразумным из джигитов оказался юный Зулькарнай:

- Как можно, отец?! А если это другая Таня! И ты же есаул, офицер, войсковой старшина. Нельзя разрушать свадьбу.

Джигиты поддержали его:

- Если уж свершился никах, то таинство брака священо!

- Да, надо сперва всё разузнать как следует.

- Русский поп, а по-нашему мулла, обвенчал парня и девушку, теперь ничего не поделаешь.

- Но я должен повидаться с Таней! - упирался Буранбай.

- Не поднимай шума, повидайся тайно, - посоветовал Зулькарнай. - Только завтра.

- Не лезь в мою жизнь, мальчишка! - загремел Буранбай на названного сына, но тотчас осекся, протрезвел при мысли: «Каким-то турэ предупреждал меня, что Таня крепостная. И православная!.. Да, надо повидаться с ней тайно».

Он дал Зулькарнаю серебряный рубль и велел: «Осторожно попроси какую-нибудь кумушку вызвать на крыльцо Таню и шепни, что попутчик привез из башкирского казачьего полка письмо от есаула Буранбая «в собственные руки».

Парень завздохал, но подчинился. Ушел, прижимаясь к заборам, к плетням. Буранбай велел джигитам: «Ждите в седлах у околицы», а сам отправился, бесшумно ступая по траве, вслед за Зулькарнаем.

Тишина была такой бездонной, что есаулу казалось - он слышит, как колотится его одинокое сердце. Вдруг послышались торопливые шаги, запыхавшись, Таня остановилась у сарая, сказала негромко:

- Эй, где ты, проезжий? Давай скорее письмо, времени у меня совсем мало.

Буранбай шагнул из-за угла.

Таня отплатнулась, сжала ладонями щеки, вскрикнула-просто-нала:

- Ой! Ты-иии?!..

Она забилась в рыданиях на его груди, обняв нежными руками его шею, но через мгновение накинута с упреками:

- Ты меня обманул! Написал, что скоро приедешь, выкупишь у барыни, а сам исчез почти на целый год. Пойми, почти целый год!.. А я, глупая, все ждала. Ты меня обманул!.. Как идут по тракту казаки, выбегаю за ворота, за околицу, ищу глазами тебя!.. И на крыльце вечерами сидела, ждала.

-Успокойся, милая!

Но Таня не могла успокоиться, то плакала, то сердилась:

- Обманул!.. Как мне тяжело было! Не знала, куда себя девать! Всех иноземцев прогнали из России: в церквах благодарственные молебны служили, царский манифест читали... Подружки смеются: «Опомнись, Таня, не нужна ты этому башкиру, он давно в Европе, у него уже там две жены...» А тут барыня и отец с матерью меня благословили за сына старосты. Нет, Семен не вредный и не пьет. И двор старосты - богатый...

- Чего же ты мне не писала?

- Да я ж неграмотная. Ну, положим, в волости можно на базаре нанять писаря. А почта-то в городе, в уезде. И куда писать? Не знаю. А ты почему не писал? С оказией-то письмо мне бы принесли.

- Изю дня в день в бой, - честно признался Буранбай. - Врать не стану - о тебе, золотоволосая, часто и думать-то было недосуг.

- Вот видишь!

- Не надеялся иногда, что выберусь живым из этого ада... Но сейчас наглядеться на тебя не могу, знаю, что люблю. Убежим!

Таня выпрямилась, ответила с достоинством:

- Я под венцом в храме с Семеном стояла. Он - муж мой перед господом и людьми... - Она звучно проглотила комок слез. - Поздно, Буранбаюшка, поздно. Выкупил бы меня год назад у барыни, крестился бы, и ушла бы я с тобой на войну. А теперь поздно... Мне надо вернуться, пока муж не хватился.

- Убежим, а?

- Ты же, Буранбаюшка, офицер. А я у тебя кем буду? Полубовницей? Кухаркой? И барыня объявит розыск, полиция начнет искать, поймают и поведут по этапу в кандалах, как каторжанку. Она говорила все холоднее, все неприступнее, закинув голову:

- Поздно!.. Погубила война наше счастье. - Она впилась заledenевшими губами в его губы, словно укусила, и побежала к избе не оглядываясь.

«Поздно? Да, поздно!» - беспощадно сказал себе Буранбай. И на обратной длинной дороге через несколько государств, он сложил песню в честь своей любви на слова неизвестного автора:

И зима уходит, весна возвращается, И птицы улетают, весной возвращаются. Распушив золотые волосы, Жди возвращения перелетных птиц. И джигиты вернутся на родимую землю Со славой, с боевыми знамёнами. Золотоволосая моя, не плачь, Не думай, что тебя забуду.

Русская армия быстрее воспрянула, преодолела страшные потери боев и маршей. И австрийцы это сразу же заметили - в июле Австрия откололась от Наполеона и примкнула к союзникам. Швеция, соблюдавшая нейтралитет, выжидавшая - кто кого одолеет? - тоже объявила войну Наполеону. И соглашение о перемирии распалось само собой - пушки загремели... В конце лета начались маневренные стычки. Наполеон требовал от своих постаревших маршалов, от солдат невозможного: стремительных маршей, сокрушительных атак. Но французские корпуса и маршировали медленно, и атаковали робко... А надеяться на немецких «друзей» было наивно.

ВЕЙМАР - ГЁТЕ

Маршрут Первого полка пролегал через Веймар.

Кахым счёл необходимым нанести визит великому немецкому поэту Гёте, который к тому же десятилетиями был первым министром Великого герцогства Веймарского. Сочинения Гёте в Петербурге Кахым читал и по-русски, и по-немецки. Со словарём, правда, но с увлечением. С собой он взял Буранбая, тестя Бурангула, шурина Кахарма-на, куранста Ишмуллу, сотников. Чего скрывать, раньше о поэте Гёте они не слыхивали, но поняли, что речь идет о посещении большого поэта и высокого сановника. Герцог есть герцог, власть есть власть, и хотя все герцогство с один башкирский кантон, но что поделаешь, у Европы свои мерки...

Кахым послал заранее в Веймар офицера связи штаба корпуса, свободно говорящего по-немецки: «Предупредите, пожалуйста, о протокольном визите». И получил ответ: «Их превосходительство любезно примет командира «северных амуров» завтра в десять утра».

Веймар - маленький аккуратный, сугубо немецкий городок, опрятный, чопорный. Гёте жил в двухэтажном, с мансардами доме. Следы войны уже загладились, площади и центральные улицы вымощены каменными плитами; чистота всюду образцовая. Кахым вспомнил не мощёные оренбургские улицы, пыльные летом, грязные осенью и весной, занесенные снегом зимою. И подумал: «Вот

этого у немцев не отнимешь - умения соблюдать порядок и чистоту. В Петербурге тоже все блестит, но ведь то столица, а наши губерnsкие города - большие, неряшливо содержащиеся деревни, - думал Кахым. - Правда, Уфа, стоящая на возвышенности, у слияния трех рек - прекрасна и со временем украсится и дворцами, и проспектами!.. Но здесь, в крохотной столице крохотного немецкого государства, уже есть и театр, и университет...»

Не надеясь на свое владение разговорным немецким языком, Кахым просит офицера связи Воейкова: «Сопроводите нас к Гёте, пожалуйста». Свита - все в отглаженных чекменях, в лисьего меха шапках, на отличных конях, окруженная ординарцами, - производит яркое впечатление. Веймарцы за эти бурные годы всякого войска насмотрелись, но сейчас, стоя толпами на тротуарах, весело приветствуют «амуров». Особенно нравится им молодой командир с золотыми эполетами, в казачьем парадном сюртуке, с умным смуглым лицом.

На крыльце Кахыма и его спутников приветствует швейцар, в вестибюле - камердинер ВО фраке. **После петербургских салонов Кахыму все это не в диковинку, но его спутники держатся неуверенно, все поглядывая на него, как бы ожидая приказа.** Кахым успокаивает их улыбкой и взглядом. Их проводят на второй этаж. На лестничных площадках и в нишах стен белеют слепки античных статуй, но и это знакомо Кахыму по петербургским дворцам. В гостиной стоят простого образца, но отличного красного дерева мебель. У стен кресла, диваны, на стенах картины в тяжелых рамах.

- Их превосходительство! - провозглашает камердинер, распахивая дверь.

Гёте входит уверенными, но мелкими шажками, расправив плечи, слегка откинув голову. На нем фрак, короткие штаны, шелковые чулки. Волосы над высоким, широко развернутым лбом сильно поредели. Сперва Кахым обращает внимание на его костюм, а затем глянул в глаза и был потрясен их молодой зоркостью и проницательностью.

«Сколько же ему лет? Или великие творцы не стареют?..»

Кахым щелкнул каблуками - звякнули шпоры - и представился: «Мурдашев Кахым, командир полка». Гёте протянул руку, но не шевельнулся, и Кахым быстро подошел, пожал белую крупную руку.

Затем Кахым представляет своих подчиненных, они целкают каблуками, звенят шпорами, хозяин дома лишь кивает им, но руку не протягивает; Воейков быстро называет имена и звания, и каждый раз Гёте улыбается. Мановением руки Гёте просит гостей садиться.

- Вы говорите по-немецки? - обращается он к Кахыму.

- Я не убежден, ваше превосходительство, что смогу изъясняться быстро и правильно, и потому попросил капитана Воейкова быть переводчиком.

- Нет, вы говорите вполне сносно. Не стесняйтесь, - любезно отвечает Гёте.

Кахым все же сообразил, что это элементарная вежливость, и когда сбивается, то смотрит на Воейкова, и тот немедленно приходит на помощь, говоря с особой щеголеватостью.

- Я рад встрече с «северными амурами», - говорит Гёте. - О вас местные жители говорили заранее всякие страсти, а потом-то признали, что это французы - сущие разбойники, а не башкирские казаки.

- Да, ваше превосходительство, мы, башкирские джигиты, вместе с братьями по оружию русскими воинами пришли в Европу освободителями, а не завоевателями. Наполеон принес в Россию разорение, грабежи, пожары, а мы принесли в Европу мир.

Гёте с интересом расспрашивает Кахыма о жизни башкир, их обычаях и нравах.

- А образованных башкир много?

- Увы, ваше превосходительство, пока еще очень мало.

- И один из них вы...

- Да, мне повезло. Я учился в Петербурге в военной академии. А вот есаул Буранбай Кутусов окончил Омское военное училище.

При этих словах Буранбай, покраснев от удовольствия, встаёт и кланяется, Гёте в ответ улыбается.

- Когда я учился, то прочёл в русском переводе ваш замечательный роман «Страдания молодого Вертера», - продолжает с увлечением Кахым. - Кстати, перевод романа появился в России еще в тысяча семьсот восемьдесят первом году.

Знал ли об этом Гёте или только услышал от Кахыма, трудно сказать, но, во всяком случае, он на этот раз улыбнулся действительно счастливо: еще в прошлом веке его книгу уже читали русские...

- А ваши отдельные стихотворения, ваше превосходительство, я читал уже по-немецки. Конечно, со словарем, но некоторые и так понимал.

- Вот после этого и верь слухам о скифах, о степных дикарях.

- рассмеялся Гёте. - А когда французы проходили через город, то их офицеры интересовались только попойками!

Кахым взглянул на Воейкова, и тот опустил веки с пушистыми, совсем девичьими ресницами - дескать, пора откланяться, протокольный визит длится ровно десять минут. Но как раз в эту минуту вошел камердинер, и Гёте, еще не вставая, из кресла: «Приглашаю гостей позавтракать со мной и моим семейством». В соседнем, так называемом жёлтом зале, сервирован длинный стол. Комнату украшают два мраморных бюста: красавца Антиноя и величественного Юпитера, на стенах висят гравюры и картины.

Гёте знакомит Кахыма: «Сын, невестка, секретарь». И с только что подошедшими серьезными господами в сюртуках до колен: «Чиновники из города».

Спутников Кахыма сажают в конце стола, а ему Гёте говорит: «Приглашаю сесть справа от меня». Прислуживают за столом лакей во фраке и краснощекая пышная служанка.

Суп с фрикадельками, рыба с овощами, жаркое, крем на сладкое
- все приготовлено просто, по-домашнему и вкусно. Кахыма изрядно
волновало, как справятся его земляки с бесчисленными ложками, вилочками,
бокалами, но на них никто не обращал внимания, в этом-то и состоял стиль
дома, - и обед прошел благополучно.

Когда лакей налил в бокалы шампанского из бутылок, обернутых салфеткой, Гёте говорит Кахыму и его спутникам: «Благодарю за приятную встречу и рад, что многолетняя кровопролитнейшая война для нас, немцев, наконец-то, заканчивается».

- Да дарует судьба мир всем народам!

После обеда Гёте приглашает гостей: «Пройдёмтесь в саду за домом». Сад раскинулся до берега Ильмы, медлительной и, видимо, мелководной реки. Вдали тянутся невысокие горы, на пологих склонах густо зеленеют леса, - Кахым замечает: «У Вас в Германии леса ухоженные, как парки». В саду, и на берегу тихо, лишь павлины кричат то и дело в соседнем саду герцога, да в казарме неподалеку прогремел барабан.

По широкой, усыпанной мелким светлым песком дорожке Гёте довел гостей до небольшого флигеля, велел слуге, идущему в сторонке: «Откройте дверь». На первом этаже расположена просторная комната, вся увешанная картинами, здесь же находился портрет молодого Гёте во весь рост, с красивым одухотворенным лицом. **Кахыма зачаровала сосредоточенность поэта, отрешенность от мирской суеты, отдавшего целиком творчеству, и только творчеству.**

- А на втором этаже три маленькие комнатки, - говорит Гёте. - Когда-то я работал здесь, днями не выходил. Сейчас комнаты пусты...

- Он вздохнул глубоко. - Мне шестьдесят шестой год идет, а ведь даже месяца из этой долгой жизни я не прожил в свое удовольствие. Труд, труд... словно тяжелые камни ворочал. Но человек должен заниматься своим делом. Только выполнение жизненного долга приносит счастье.

Кахым почувствовал, что земляки томятся от вынужденного бездействия и делает знак Буранбаю. Есаул быстро уходит и возвращается с луком и колчаном со стрелами.

- Ваше превосходительство, разрешите подарить вам на память то оружие, за которое нас как раз и прозвали «северными амурами».

Гёте благодарит с радостью, как ребенок за игрушку. Разглядывает и лук, и стрелу, вертит в пальцах, качает головой.

- Из чего же сделан такой лук?

- Из волокнистого орехового дерева. Ствол разрезают пополам, затем склеивают специальным крепчайшим клеем.

- А почему не видно следа разреза?

- Потому что древесина обернута тончайшим слоем бересты.

Гёте взял лук и стрелу.

- Дайте попробую выстрелить. Как целиться, как натягивать тетиву?

- Вот так... так... - Кахым, бережно касаясь Гёте, показывает, как надо ставить ноги, вскидывать лук, натягивать тетиву.

Стрела, увы, пролетает шагов семь и падает в траву. Гости переглядываются, но из вежливости не рассмеялись. Зато сам неудачливый лучник так и залился неудержимым смехом.

- Нет, это не по мне, старику! Нужна сила, сноровка, тренировка, меткость глаза. А вот вы, - он повернулся к джигитам, - постреляйте в мишени.

Это предложение Гёте встречено с ликованием. Быстро на дверях флигеля малюют углем круг, а в нем еще кружок, поменьше, и в самом центре яблочко, заштрихованное сплошную. Отмеряют сто шагов.

Первому предлагают стрелять Кахыму: «И по чину, и по почету, вам первому». Но он передает лук есаулу Буранбаю, стрелку изумительного хладнокровия и меткости, а сам решил погодить - волнуется: - Вдруг, да и осрамлюсь?

Буранбай врезал стрелу прямо в яблочко. За ним и Кахым рискнул, и не промахнулся. Все джигиты - гости Гёте - вонзают стрелы в центр мишени.

Хозяин любит свою своеобразную, но выразительную краску крупных, будто литых из чугуна рук стрелков, их смуглыми лицами, скульптурными позами - твердая опора в чуть-чуть расставленных ногах, плечи развернуты неукротимо, голова вскинута дерзко.

- Надо бы в наших гимназиях ввести уроки стрельбы из лука!
- заметил Гёте. - Отличная тренировка тела, да и при защите свободы родины пригодится.

Кахым подумал: «Счастлив, что мои джигиты не осрамились перед великим человеком».

Через несколько дней Кахым у командира корпуса генерала Толстого докладывает: «Визит прошел благополучно, стреляли он и джигиты метко, как и положено».

- Ну молодцы. Орлы! - отвечает генерал. - Теперь пойдут по Германии легенды о том, как башкиры продырявили стрелами дверь домика Гёте.

БИТВА НАРОДОВ

В октябре на равнине у Лейпцига сходятся две огромные многонациональные армии. У Наполеона кроме французов еще саксонцы, голландцы, итальянцы, бельгийцы, немцы Рейнского союза и остатки польской кавалерии. У Александра могучим ядром наступления - испытанные Бородино и Березиной русские корпуса и пруссаки с австрийцами.

...В штабе армии Кахыму, как и всем командирам полков, подробно объясняют обстановку: «У французов позиции на высотах, сам город Лейпциг со средневековыми, из крепчайшего камня башнями, стенами, монастырями, костелами - грозный узел обороны. Реки Парта, Плейсе и Эльстер вокруг - с болотистыми берегами».

Вернувшись в полк, Кахым собирает сотников. Рассказывает о местности, о позициях французов, показывает: «Вот полоса наступления Первого полка» на карте. Сотникам велит: - Вести непрерывную разведку, выделить от каждой сотни по пять всадников с урядником.

- Полезем вслепую, наобум, - погибнем! - предупреждает Кахым. - А надо уцелеть и победить.

Когда сотники разошлись, Буранбай насмешливо хмыкает:

- И на что надеется этот Наполеон? Погубил всю армию на русских полях и еще пыжится!

Мулла Карагош не соглашается:

- У издыхающей щуки зубы еще острее, чем у живой. Угодивший в капкан волк отгрызает себе лапу, чтобы высвободиться, и снова охотится, гонится за добычей, чтобы выжить. Так и Наполеон

- ковыляет на трех лапах, но отгрызается люто.

Кахым его поддерживает:

- Верно рассуждаешь, хэзрэт. Нет страшнее в дремучем лесу подранка! Под Лейпцигом прольются ручьи крови. Нет, реки!..

Утром джигиты вычистили, сводили на водопой лошадей, затем сами свершили омовение, готовясь к намазу. Кахым, как и все в полку, опустился на колени на кошму, повторяя благоговейно за муллою слова молитвы-азана и слушая проповедь святого отца. Приказывает: «Лошадей не расседывать». Джигиты плотно позавтракали. Приказа на выступление из штаба всё не приходило. Кахым велит Ишмулле: «Сыграй на домбре и спой бывальщину о войне, чтобы всадники не заскучали».

Безбрежна башкирская земля, Густо ветвисты роды и семьи. Аксакалы читали фарман, Собрались в полки сыновья. Злобный дракон вполз в страну. Трубы заиграли походную, И пошли полки за Волгу. Началась священная война! Дракон в «год крысы» начал поход, Поверг в огонь города, села, Осиротил тысячи детей. У француза глаза аждахи, Руки как у шурале, Глаза зеленые, как у ведьмы, Кости стучат, как у бисур⁴. Подстрелил я это страшилище, Содрал кожу со спины, Поставил клеймо конокрада - Пусть детям-внукам показывает.

«Трудно человеку на войне, - думает Кахым, расхаживая взад- вперед по лагерю полка. Часовые, завидя командира, подтягиваются, но он взмахом руки, а то и словом велит им: «Смотрите не на меня, а в сторону неприятельских позиций».

- Начнется битва, и сколько же погибнет молодых, не познавших любви, отцовского счастья. Им бы самая пора веселиться в хороводах, на посиделках, в плясках, им бы влюбляться, жениться! А разве

⁴А Ж д а х а - дракон, ш у р а л е - леший, б и с у р а - кикимора.

сам я уверен, что уцелею завтра? Да, убьют либо пальной пулей, либо взмахом французского палаша, похоронят на чужбине. Придет через месяц-другой в аул похоронка, согнутся от потери единственного сына отец и мать, зарыдает Сафия, осиротеет Мустафа, так и не порезвившийся с отцом, да и не привыкший к нему...»

Кахым встряхнулся: «Нет, накануне боя нельзя предаваться таким мрачным раздумьям!..»

В темноте послышалось чавканье грязи под чьими-то шагами. Кахым кладет руку на пистолет - конечно, часовые надежные, но мало ли что... Из влажной мглы выступает высокая фигура Буранбая.

- Чего это тебя носит в полночь, агай? - без предисловия спросил Кахым.

- А тебе чего не спится, командир? - так же дружески-грубова-то засмеялся Буранбай.

- Да вот всякое думается, - не покривил душой Кахым.

- И мне тоска сердце гложет, командир! Жаркое будет сражение! Пострашнее Бородинского. И французы, и их союзники, вплоть до рядовых солдат, понимают, что отступать дальше нельзя. Значит, будут стоять насмерть. - Он помолчал. - Если погибну, командир, напиши Тане письмо поласковее. Так и напиши: любил тебя, Таня, башкирский джигит... А сможешь завернуть к ней на обратном пути, передай на словах: любил!

- Да ну тебя, агай, - рассердился Кахым, - Нашел о чем думать накануне битвы!.. Не хочу тебя огорчать, агай, но напоминаю: твоя Таня - крепостная. Раба! К тому же православная. И чужая жена. Лучше бы тебе её забыть.

- Ну, это уж мое дело! - взорвался Буранбай.

К рассвету дождь рассеялся, но туман долго еще держался - вязкий, тяжелый, над болотами и ручьями. И заревели пушки. Лейпцигское сражение, вошедшее в историю как «битва народов», началось. Все больше и больше батарей - и французских, и русских - гремели могучими базами, слагая хорал смерти. В Первом полку проиграли тревогу. Джигиты, все мокрые, но строгие, молчаливые, стояли у оседланных лошадей, держа их уздечки. Кахым обошел сотни - все казаки в полном снаряжении.

Ещё в сумерках в полк прискакал молоденький нарядный - сразу видно, что ночевал в доме, а не в шалаше под дождем, - офицер и сказал:

- Их превосходительство генерал Беннигсен сейчас пожалуют в полк.

Вскоре показался величественный генерал на тяжелом, малоподвижном коне, окруженный плотным конвоем. На Кахыма строго глянули оловянного отблеска глаза на болезненно белом, с тщательно промытыми морщинами лице.

Кахым отрапортовал: «Полк в полной боевой готовности и ждет приказа».

- М-да, отлично, - милостиво улыбнулся Беннигсен. - Я вас где-то встречал...

- Я служил офицером связи у генерала Коновницына в Главной квартире, ваше превосходительство, пока не получил Первый башкирский казачий полк после гибели майора Лачина.

- М-да, узнаю. Вне строя можете называть меня Леонтием Леонтиевичем. - Иссиня-серые губы раздвинулись от еще более благосклонной улыбки. - Отъедемте в сторону.

Леонтий Леонтиевич с седла рассказывает тоже сидевшему на иноходце Кахыму: «Этот день принес императору Александру сплошные огорчения. Царь со свитой стоял на Вахтенбергской возвышенности около Гюльденшоссе. Первая атака неприятельских позиций провалилась

- с потерями натти и прусские войска откатились. Царь приказал гренадерскому корпусу Раевского наступать от Трюна на Ауенгайн. Три сотни казаков сумели перейти через горную речку, зацепились за берег, но дальше не продвинулись. Кровавые схватки за Вахау, Линденталь и Меккерн закончились вничью: французы не отступили, а мы не продвинулись».

- Я предложил их величеству бросить с фланга по тылам противника башкирские казачьи полки, - заявил Беннигсен. - Ваши всадники на башкирских лошадах пройдут и леса, и болота! Я поручился императору, что ваш полк пойдет головным, прорвет фронт, а следом хлынут находящиеся под моим командованием Четвертый, Пятый, Девятый и Четырнадцатый башкирские казачьи полки. Форсированный марш башкирской конницы, находящейся в моей армии, сломит устойчивость обороны противника!.

- Оправдаем доверие, ваше превосходительство! - отчеканил Кахым, приложив руку к козырьку.

- Леонтий Леонтиевич, Леонтий Леонтиевич, без официальных, - усмехнулся он. - Никогда в вас не сомневался.

- Вчера и сегодня на рассвете мои разведчики изучили окрестность, нашли удобные скрытые тропы через болото. Сотники поведут джигитов бесшумно и уверенно. В ночь выступаем.

- Ну, с богом, в добрый час! - православный немец с показным благочестием перекрестился. - Не провожайте меня, не провожайте!.. Завтра мой штаб разместится на высоте у городка Пильниц.

Кахым начал немедленно действовать - созвал сотников и снова повторил с ними, проверил: «Усвоили маршруты? Ночью ведь карту не развернешь...». Послал вестовых в соседние башкирские полки с просьбой: «- Прислать к нему в головной полк связных офицеров потолковее, порасторопнее, чтобы на марше они запомнили дорогу и, вернувшись к своим, повели сотни за Кахымом, а не наоборот».

Мулла Карагош наскоро сотворил намаз, закончив: «Благословляю джигитов на битву».

И полк тронулся в путь. Разведчики, на счастье, не сбились, но тропы через болото были такими узкими, что пришлось двигаться гуськом, лошадь за лошадью. Болото от дождей вздыбилось в берегах, колдобины на тропе залило водою и грязью, вскоре лошади и всадники заляпаны ошметками. И опять зарядил дождь, дробный, частый. На болоте зловеще пучились пузыри от испарений. **Но Кахым радовался непогоде - французские часовые забьются под навесы, в сараи, чтобы не мокнуть; кто же поверит, что в такую темень, да под не- прекращающимся дождем русские рискнут лезть через трясины в логово врага.**

Высланные вперед разведчики доложили: «Французские гренадеры спят в палатках, в патрах, по домам местных жителей. Но часовые на посту, расхаживают по дороге, за деревьями, перекликаются».

Этого Кахым не ждал, но времени на раздумья уже не оставалось, и он велел: «- Лучшим стрелкам ползти по грязи, по канавам, по выбоинам и первой же меткой стрелой с близкого расстояния, в упор, уничтожить вражеских часовых».

Лучники Первого полка отработали на учебных занятиях и переползание по-пластунски, «по-змеинному», и стрельбу из лука по движущимся мишеням. - Кахым был строгим учителем, муштровал джигитов безжалостно, поощряя отличившихся благодарным словом, наказывая лентяев.

Едва из тумана, из дождливой мглы донесся свист, резанувший тревогой сердце командира полка, Кахым привстал на стременах, поднял тускло блеснувший булат, крикнул:

- Башкиры! - В атаку!

Сотни быстро, как на учебном плацу, развернулись и понеслись конной лавой, горяча и себя, и лошадей криками и гиканьем. Пехотинцы противника не успели даже выстрелить из составленных в пирамидки ружей и, полураздетые, босиком, припустились бежать

в городок, надеясь укрыться в каменных домах. Конники рубят, топчут неприятеля копытами разъяренных коней, пронзают копьями, а самых проворных догоняют стрелами.

Офицеры связи из других казачьих полков уносятся к своим командирам, и тотчас их сотни тоже начали подтягиваться и разворачиваться.

Но в городке гарнизон уже поднимается по тревоге. Металлически звонко запели трубы, из окраинных домов и каменных заборов барских особняков выходят цепи французских пехотинцев с ружьями на изготовку. Замаршировали, чеканя шаг.

Кахым бросает на них две сотни - джигиты на полном скаку осыпают французов стрелами и вдруг падают вместе с лошадьми на землю, ловко забросив на седло ногу, чтоб не отдавило лошадиным крупом.

В этот момент сзади возникают мчавшиеся карьером остальные сотни полка со стрелами.

Этот наитруднейший прием Кахым тоже отработывал с величайшим упорством - ведь надо было, чтобы вторая линия атакующих не растоптала своих же лежавших на земле.

Затем по определенному сигналу хозяина, приученные лошади вскакивают, джигиты цепляются за седла, и первая волна атаки распадается в обе стороны.

Французы вопят: «Казaki! Амурь!», падают пронзенные насквозь солдаты. Но остальные стреляют из тяжелых ружей непрерывно и в башкирских полках срываются с коней в грязь всадники. Лошади без седоков с тоскливым визгом и ржанием мечутся по полю.

Башкирские полки, по примеру полка Кахыма, атакуют волнами, уничтожая живую силу противника. И все-таки из-за каменных стен амбаров и домов, построенных с немецкой прочностью, с чердаков, из окон подоспевшие резервные французские пехотинцы ведут усиливающийся минута за минутой ружейный огонь.

«Нужно подкрепление. Без пушек эти каменные стены и дома не раздробить, - подумал Кахым. - Конница приспособлена к битвам в поле, к вылазкам из засады, к удару по тылам. Час-другой и наши полки будут обескровлены».

Он посылает вестового к генералу Беннигсену с донесением, надеясь, что тот пришлет старшего офицера штаба, чтобы увидеть поле боя воочию, если не своими оловянными глазами, то глазами своего офицера.

Падает с коня мулла Карагош. Убили сотника второй сотни, его заменяет Буранбай. Приказав ему: «Отвести поредевшие сотни в перелесок», Кахым скачет, прищипывая измученного иноходца, в соседние полки. Там тоже потеряли от ружейного огня противника много джигитов. Четырнадцатый полк подошел к полю боя последним и еще не развертывался. Кахым просит его командира: «Попридержи пока джигитов и не суйтесь без моего сигнала в атаку. Бессмысленно атаковать засевших в крепости французов, бессмысленно осыпать камен~~ные~~ стены стрелами!...»

В это время примчался на загнанном, сипло хрипящем от усталости коне вестовой и передает устный приказ Беннигсена: «Продолжать атаку!».

В этот день башкирские полки погибли бы вчистую, но, на счастье, в полдень через болото прошли гусарский полк и полк уральских казаков. Полковник, краснощекий, с буйными каштановыми усами, выслушав Кахыма, обозвал Леонтия Леонтиевича Беннигсена: «Придворный шаркун!» и кое-как ещё похлеще. Заявил безоговорочно: «Беру командование на себя. Отведите все башкирские полки в лес. Выслать вправо, в овраги сильный передовой отряд из уральцев, еще не участвовавших в бою». А за ним повел и своих гусар, и башкирских джигитов.

«На марше приводите полки в порядок, назначайте новых сотников и войсковых старшин взамен выбывших!» - говорит он Кахыму и другим командирам полков.

- Чем глубже удар конницы, тем вернее! - добавляет полковник.
- Учитесь у старого вояки.

И повернув весь свой разномастный, но могучий отряд теперь влево, в обход городка, оседлал дорогу. Французские обозы захвачены почти без сопротивления и тотчас отправлены через болото, под охраной казаков, в расположение российских войск.

- Трофеи Леонтия Леонтиевича Беннигсена! - со злой усмешкой говорит полковник.

В городке у французов, как оказалось, стоял запасной, собранный из разбитых в сражениях частей, кавалерийский полк. Начальнику гарнизона докладывают: «В тылу, на дороге появились русские». Он: «Полк, в атаку!»

Но в поле гусары, уральские и башкирские казаки показали свою лихость, удаль и искусство рубки. Собранные из разных полков

евать за Наполеона саксонцы, либо были истреблены, либо рассеялись по оврагам. — **Возвращаться обратно в каменный мешок города они не захотели.**

После этого наши вступили с юго-западной окраины в город, и гарнизон поспешно капитулировал.

- Оставайся здесь со своими башкирскими казаками, - великодушно разрешил полковник, гордо вздыбив усы. - Славно твои башкиры повоевали! А я поведу гусар и уральцев дальше по тылам. - Потряс могучей рукою руку Кахыма, тронул шпорою бок коня и ускакал.

«А я даже не узнал его имени-отчества, - спохватился огорченный Кахым. - Ну да ладно, авось встретимся еще на военных дорогах: они часто перекрещиваются».

И велит сотникам: «- Вести пленных под конвоем в лагерь, собрать трофейное оружие. Обследовать поле битвы и раненых доставить в лазарет. Мертвых после свершения погребального обряда предать земле».

Вслед за армией Беннигсена к Александру подходит и северная армия Бернадота. Вдобавок, неожиданно для Наполеона, 18 октября вся саксонская армия, под давлением казаков Платова, поворачивает пушки в сторону французских позиций и открывает огонь по своим притеснителям.

Маршал Мюрат Наполеону: «Со времён Бородинского сражения французы еще не несли таких страшных потерь - в адском пламени войны сгорают за день буквально целые корпуса».

И, отчаявшись, император приказывает: «- Отступить к Рейну».

Испуганные саперы взрывают мосты преждевременно, и весь польский кавалерийский корпус остается на берегу, под русской картечью. - Их командир маршал Понятовский бросается верхом на коне в реку Эльстер и тонет в ее студёных волнах.

Сразу же после сдачи Лейпцига и отхода армии к Рейну с Наполеоном прощается шальной рубака Мюрат, друг его юности, начальник всей кавалерии: «Прощай, император, королевство меня ждёт...». Император понял, что Мюрат помчался спасать свое Неаполитанское королевство, понял и - промолчал.

Начальник личного конвоя Наполеона, командир Двадцать третьего легкого конноегерского полка барон де Марбо на привале после Лейпцигской битвы записывает о башкирах - «северных амурах» в чекменах с позументами, в островерхих меховых шапках, со стрелами, с луками, копьями, на низких выносливых лошадях:

«Башкиры были так воодушевлены видом наших войск, что кинулись на них бесчисленными ордами. Были убитые и раненные башкиры, но эти потери, вместо того чтобы охладить их задор, казалось, только его подогрели. И двигались они без военного построения, и бездорожье их не затрудняло, они носились вокруг наших войск, как рои ос, подкрадывались всюду и осыпали солдат стрелами, метали копьа, врубались саблями.

Отбить их было трудно, а настигнуть еще труднее. В самые опасные участки боя они мчались во всю дьявольскую скорость своих маленьких лошадей. Их было буквально мириады, и, чем больше убивали наши стрелки этих «ос», тем больше их, казалось бы, прибывало... Атаки этих варваров постоянно учащались, а русские поддерживали их ударами гусарских полков, чтобы, довершить тот беспорядок, какой башкиры успевали сделать в том или ином месте линии обороны наших полков... (кадры схваток). Один из самых храбрых моих унтер-офицеров Мелен, кавалер ордена Почетного легиона, был пронизан навывлет стрелою «северных амуров», я и сам был когда-то легко ранен в ногу этой крылатой вестницей смерти...»

Кахым об этом вынужденном восхвалении его земляков бароном де Марбо не знает и никогда не узнает. Все его помыслы, все чувства отданы убитым джигитам. Он со слезами провожает в могилу муллу Караго- ша и бойцов. Сердце его ещё сильнее сжалось горем, когда докладывают: «Под Лейпцигом убит командир их партизанского отряда, уже генерал-майор, князь Кудашев». - «Любил, ценил, уважал его Михаил Илларионович!»

...Через несколько дней на одной из площадей Лейпцига назначен смотр башкирских казачьих полков. С тоскою, но и с благородной гордостью смотрит Кахым на поредевшие сотни,- «И люди, и лошади устали, но какое достоинство в смуглых, обожженных и русскими морозами прошлого года, и солнцем нынешних европейских походов лицах, какая осанка - прикажи, и мигом бросятся в атаку!..» Командиру полка сообщают: «Смотр проведет и отличит героев сам Леонтий

Леонтиевич Беннигсен». На углу улицы, вливавшейся на площадь, махальщики поднимают пики с пучками алых лент. По сигналу войскового старшины Буранбая кураисты торжественно заиграли-загудели «встречу». И в сопровождении генералов и офицеров на холеных конях на площадь величественно въезжает на крупном, «сыром» немецком жеребце Беннигсен.

Еще не видел Кахым Леонтия Леонтиевича таким сияющим - мундир с иголочки, поперек мундира пурпурная лента, ордена, звезды, медали; свита состоит тоже из чистеньких, аккуратненьких штабистов.

«Да, вы, господа, не преодолевали по уши в тине болото! - вздыхает Кахым. - Что ж, каждому свое...

Беннигсен оглядел джигитов в потрепанных, линялых чекменях, на низкорослых лошадях, тощих, но все еще бойких в беге, остановил взгляд на Кахyme и покровительственно улыбнулся: «От имени его императорского величества благодарю башкирские полки за образцовое выполнение приказа!».

Адъютант зычно зачитывает приказ о награждении отличившихся башкирских казаков орденами и медалями: «В справедливом уважении к отличной храбрости вашей в сражениях 6 и 7 октября под городом Лейпцигом оказанной, по засвидетельствованию ваших генералов наградить орденом Св. Анны в саблю полкового командира 9-го башкирского полка Алмалида Уразгулова, есаулов Галикея Ташбулатова, Насыра Абдуллина, полкового командира 14-го башкирского полка Абдуллу Сурагулова, походного старшину Бакирова, войскового старшину Бикчурина, походного старшину Караная Искандерова, есаула Кутлугильду Ишимгулова, есаула Аксулора Тимирбаева, есаулов Муклема Конанбаева, Исхака Абубакирова, Усеина Кучербаева, старшину Ибрагима Бакчурина, сотника Аккусюка Телимбаева... Присвоить следующий воинский чин сотника Ишберде Ишканееву, Биккулу Кусанову, Игильману Худайбердину, Буранбаю Чувашбаеву, Узбеку Ишмурзину».

Когда церемониал окончился, джигиты трижды кричат: «Ура, Ура, Ура!».

- Вольно! - командует Кахым.

Теперь всадники почувствовали себя свободнее, раздались сердечные, уставом не предусмотренные восклицания:

- Тысячу раз рахмат, что не обделили башкирских батыров!
- Слава царю Александру!
- Побьем французов в их берлоге!

Кахым вздохнул с облегчением и разрешает сотникам: «-Ведите джигитов в лагерь». Всюду горят костры, джигиты уписывают за обе щеки жареное на шомполах мясо раненых, прирезанных лошадей. А потом устраивают маленький сабантуй. Кахыма они приветствуют и жестами и возгласами - командир полка в бою доказал и свой ум, и свою смелость. Иные пожилые джигиты приглашают земляка к своему костру, к скатёрке: «Идите к нам». Но Кахым с улыбкой отказывается и едет все дальше среди тесно поставленных фур, крытых фургонов. Он впервые замечает, что к коновязям привязаны широкоспинные немецкие тяжеловозы с толстыми, словно бревна, ногами.

- Отбили у французов, - поняв его вопросительный взгляд, сказал Буранбай.

- Смотри, чтобы не угнали от бауэров! - пригрозил Кахым.

- А если барон или там фон-барон присягнул Наполеону и улепетнул с ним за Рейн, так чего же с его конюшнями церемониться?

- пожал плечами войсковой старшина. - Сколько наших обозных лошадей погибло за эти годы и от бескормицы, и от изнурения? Уже и ремонтные лошади с Урала поистощились.

- Так-то оно так, но все-таки, - сказал Кахым, чувствуя что спорить с Буранбаем ему не с руки.

ОРЛОВСКИЙ

Сергей Григорьевич Волконский предупреждает Кахыма: «Днем в полк приедет известный батальный художник Орловский⁵ - Волшебно талантлив. Примите радушнее. Он хочет зарисовать башкир и, разумеется, написать портрет командира полка».

...Александр Осипович Орловский с буйными кудрями, с густыми, тоже курчавыми бакенбардами и короткой - лоцманской

- бородою под выбритым подбородком. Брови с мизинец толщи

⁵ Орловский Александр Осипович (1777-1832) - русско-польский живописец и график, мастер батальной живописи. За серию рисунков о башкирах и других народах России избран академиком Императорской Академии художеств.

ной, взгляд решительный, движения порывистые. Он ловко спрыгивает с седла и говорит сопровождающим его двум казакам, приставленным князем: «Ведите коня в конюшню». Но и сам идет за ними, а вернувшись со двора, одобрительно: - Здравствуйте, командир!

- Славные у вас лошадки! Степняки! А ваш иноходец прямо- таки на выставку. Я ведь лошатник, постоянно рисую лошадей, понимаю в них толк.

- Ну, значит, мы единомышленники! - улыбается Кахым. - Башкир родится в седле, живет в седле - либо на кочевье, либо на войне, и умирает в седле!.. А мой иноходец с Кавказа, из Ингушетии. Пропу в дом. Сейчас подкрепимся, чем Аллах послал.

- Нет, я сыт, день солнечный, буду делать этюды на улице. Но сначала посмотрите мои зарисовки, чтобы отнестись ко мне с доверием.

- Да рекомендация князя Сергея Григорьевича для меня священна.

- Нет, все-таки взгляните.

Казах принес большой альбом в парусиновой обложке, и Орловский начал показывать Кахыму листы: «Башкирские казаки в походе», «Башкирский военачальник в походе». Кахым залюбовался рельефной выразительностью этюдов, лошади воочию скакали на него, выпуклые мышцы ног в беге играли, в глазах коней лихость, упоение скоростью. А всадники словно литые - миг! — и вскинут лук с пернатыми стрелами, сверкнут саблями. «Да, это его земляки, его братья по крови и оружию, и все-таки в них появилось в рисунках что- то возвышенное, героическое, чего он в тяготах войны не замечал», думает он.

- Замечательно! - не сказал, а выдохнул Кахым. - Неудобно мне нахваливать своих башкир, но скажу откровенно - какие батыры!.. А лошадей вы действительно понимаете, Александр Осипович! И нрав, и стати, до каждой жилки.

Орловскому эта искренность понравилась:

- Вернусь в столицу, после войны переведу зарисовки в краски и в масло. Память потомкам о великой войне. Книги полезны, а картина, портрет, зарисовка - зримы.

Кахым продолжает взволнованно:

- Да я же их знаю!.. Этот, в высокой шапке, с бородой, юртовый старшина из Первого башкирского кантона. А вот он - Кахым указал

на усатого горделивого всадника на скакуне, с саблей на алой перевязи, - начальник Десятого башкирского кантона. Где вы его встретили?

- Неделю назад в Двадцатом башкирском казачьем полку. В самом деле похож?

- О-о-о! Бурангул!.. Точь-в-точь как живой. Но вот этого не понимаю, извините.

- А чего же именно? - Брови Орловского сошлись вплотную.

- Разве нельзя было назвать всадника его настоящим именем, указать и должность: войсковой старшина Двадцатого полка?

- Нельзя!.. - убежденно сказал художник. - Этого всадника вы лично знаете, ну еще несколько человек. А для остальных зрителей, для чужестранцев, - кто он? А через полсотни лет его имя и вовсе забудется. А башкирский народ - вечен, как и все народы. Вот и получается: «Башкирский военачальник» - и понятно всем, и достойно... Иначе не могу поступить. У искусства свои законы.

Башкир — военачальник в походе. Худ. А.О. Орловский, начало 19 в.

- Вам, художнику, виднее. - соглашается Кахым. - Значит, и я стану у вас «башкирским военачальником»? Что ж, я готов.

- Время тихое, передышка, - говорит Орловский. — И солнышко. Значит, сделаю этюд в красках. Прикажите привести вашего высокого иноходца, принести вам лук, колчан, копье. Набросаю командира, «военачальника» в бою, в атаке. Ярче! Красочнее! Чтоб все клубилось! Сабля поднята ввысь!.. Из-под копыт коня - искры! Казаков позади я потом пририсую. Лишь бы схватить и верно передать экспрессию вашего лица. Вы, ваше благородие, прирожденный воин. Говорю без лести.

Кахым повинуетя. Иноходец крутится винтом, не приучен стоять неподвижно, тянет повод, просится на рысь. С трудом Кахым утихомирил жеребца, приговаривая ласковые слова и похлопывая по шелковистой шее.

- Саблю! Саблю! - закричал Орловский.

Сверкнул клинок. У художника раздулись ноздри, в глазах запылали священные огни вдохновения, он, не глядя, выхватывает из банки кисти и, казалось бы, вслепую бросает блики красок на загрунтованный холст.

Башкиры в походе. Худ. А.О. Орловский

- Дружище! Вы же ведете полк конной лавой на опешивших от такого стремительного натиска французов! - кричит Орловский. - С яростью!.. С гневом на захватчиков! У вас красивая борода, удалые усы, но это я потом подвешу к лицу, искаженному и облагороженному безумием атаки!

У Кахыма затекла рука, он сидит прямо, навывтяжку, стараясь не шелохнуться. Его и покорила, и злила неистовость художника. Он раскаивается, что согласился позировать, но понимает, что нельзя обижать и Орловского, и Сергея Григорьевича.

Наконец, спрашивает:

- Долго еще? У меня, Александр Осипович, полк на плечах и на совести!

- Искусство требует жертв!.. Потерпите еще полчаса хотя бы, не скажу — час.

- Знал бы, что так затянется, спрятался бы в доме под периной. У немцев перины по десять пудов, взобьют вечером — надо вспрыгивать, как на коня, - шутит Кахым.

- Терпи, казак, генералом будешь! И очень скоро, если не разорвет в клочья французское ядро! - великодушно обещает художник, швыряя на холст комья краски.

Наконец-то это истязание закончилось. Кахым устал, словно отмахал, не слезая с седла, сотню верст по грязному проселку.

А художник блаженствует во хмелю удачи.

- Друг мой, не сердитесь на крики, во мне же польская кровь, шляхтич!.. - говорит он. - История русской военной живописи не забудет вашего терпения! Подите сюда, взгляните как в волшебное зеркало - похоже?.. Но вы все-таки не забывайте, что это все вчерне, я встряхну краски, а кроме того, вы же не видите себя в бою, а я вот увидел.

У Кахыма затекли, одеревенели ноги, он с трудом шагая, подошел ближе к Орловскому, заглянул в картину, как в глубокий колодец: в пелене дыма от пушечных залпов и пыли, взметенной копытами лошадей, Кахым скачет на белом коне впереди джигитов, указывая ослепительно сияющей саблей направление атаки. На голове рыжая лисья шапка, на ногах

- башкирские сапоги.

«Неужели я такой? И борода моя, и глаза, кажется, мои, но откуда же взялась во мне эта беспощадная властность, ведущая на смерть, на увечья земляков? Но если мне джигиты повинуются и до боя, и в бою, то, следовательно, эта власть существует незримо, а вот художник ее уловил и сделал зримой для всех!»

Башкир в бою. Худ. А.О. Орловский, перв. четв. 19 в.

Кахым потрясен всемогуществом таланта.

- Что, не нравится?

И Кахым вдруг понял, что знаменитый художник страшится приговора его, героя картины, что скажи Кахым жестко: «Нет, не принимаю», и Орловский немедленно искромсает холст кинжалом.

- Очень нравится, но почему моего серого жеребца вы перекрасили в белого? И чекмень превратили в Черкесску? Вот джигиты кругом стоят, они же посмотрят и скажут: «Враки!»

- Это? Ах, и только-то? - Орловский успокоенно засиял.

- Ваше благородие, господин командир, да вы взгляните в своего скакуна, - конюх в это время уводил в ворота иноходца, - он же сивый, белый! И вообще нет большой разницы между серым и белым цветом у лошадей, соответственно, и на картинах! - Теперь художник осмелел, говорил беспрекословно: — Да вспомните петербургские туманы, серенькие дни - при таком тусклом освещении ваш жеребец превратится в вороного! А черкески так красивы, что я сам в них хожу, хотя это пока и не модно в столицах.

Действительно, то ли от ярких солнечных лучей, то ли от напора Орловского, но иноходец показался Кахиму белым.

- Вам виднее, Александр Осипович! - примирительно кивнул он.

- Друг мой! - возопил художник, величественным жестом лохматя свои и без того пышные кудри. - Спасибо! Никогда не забуду вашего терпения... И вас не будет, и меня не будет на этом белом свете, а ваш портрет будет в залах Петербургской академии художеств привлекать взоры, волновать юношей - воспитанников военных школ! И в этом и ваша заслуга, а не только моя. Разве мог бы я выдумать из ума, из воображения такого всадника? Нет и нет!

- А теперь прошу если не к завтраку, то к обеду.

- Спасибо, мой друг, за башкирское гостеприимство, за доброту. И от чарки не откажусь.

ДРЕЗДЕН

Через три дня после отъезда Волконского из Главной квартиры привезли срочный приказ: «Первому, Четвертому, Пятому и Четырнадцатому башкирским казачьим полкам идти ускоренным маршем к Дрездену». Неделя передышки укрепила и взбодрила Первый полк Кахыма. И хотя пополнение новобранцами, как обычно, запоздало, Кахым видел на учениях,

как набрались силы на немецких кормах лошади, как повеселели джигиты. Под Дрезденом они встретились с земляками из Второго, Тринадцатого и Пятнадцатого полков, изначально осаждавшими крепость - сколько радости встретиться в центре Европы с родными лицами!

36-тысячный гарнизон занимал заранее и хорошо укрепленные позиции, угрожая российским войскам с тыла. Сопротивление французов продолжалось целый месяц. Они неоднократно пытались прорвать кольцо блокады и вырваться из окружения. 5 октября 20 тысяч человек выступили из укреплений и пошли атакой на ратников Поволжского ополчения, но были отбиты. Атаки противника повторились и в последующие дни. 25 октября противник пошёл на отчаянный прорыв всеми имеющимися у него силами. В течение всего дня шёл ожесточённый бой. Русские вынуждены отступить к Рейхенбергу, но на следующий день отбросили противника обратно к Дрездену. Бои продолжаются 30 и 31 октября. Не выдержав натиска русских войск, 31 октября 1813 года противник капитулировал. В плен сдаются 2 маршала, 32 генерала, 1759 офицеров и 33744 солдата! Кроме того, победителям достаются 200 пушек. В дни решающих сражений 30 и 31 октября особенно отличились джигиты Четырнадцатого и Четвёртого башкирских полков.

Награждение на центральной площади Дрездена: есаула Назар-бая Таяпова, сотника Насыра Наурузова, пятидесятника Кильдияра Байдулдина, старшины Бакирова. Немцы и русские старшие офицеры награждённым: «Станцуйте какой-нибудь ваш национальный танец». Кильдияр показывает под аккомпанемент своих товарищей башкирский танец охотника.

ГАМБУРГ

Но маршал Даву еще удерживает Гамбург, и многочисленный, почти не потрепанный в боях гарнизон города навис над флангом идущей на фронт союзной армии. В январе 1814 года Даву, то ли получил приказ Наполеона прорываться, то ли сам догадался, что отсиживаться в блокаде, в стороне от решающих сражений бессмысленно, и пошел на прорыв. Под поддержкой крепостных пушек густые цепи французских пехотинцев пошли твердым шагом в наступление. Из крепостных ворот Гамбурга выехали на рысях эскадроны кавалерии и заняли позицию на фланге. Даву надо захватить мост через Эльбу, чтобы вывести на соединение с корпусами Наполеона гарнизон, обозы с боеприпасами, богатейшими трофеями.

Кахым хладнокровно наблюдает, как лавиной надвигаются вражеские цепи; усатые гренадеры, выставив штыки, маршируют как на плацу, хотя им мешают мокрый снег и грязь.

- Отличные солдаты! - трезво признает Кахым. - Маршал Даву сберег свои лучшие кадры.

Он чувствует, что его джигиты рвутся в бой, что лошади пляшут на месте, тянут поводья, грызут удила, но заранее предупреждает сотников:

- Без моего сигнала в контратаку не бросаться - надо, чтобы французская пехота вышла из-под прикрытия своих пушек. **Видимо, даже войсковой старшина Буранбай не понял этого, вообще-то нехитрого расчета командира полка, но Кахыма не зря учили в Петербургской военной академии, и тактическая подготовка в нем чувствуется...** Буранбай то и дело вопросительно взглядывает на Кахыма, а тот ласково, чтобы не обидеть, говорит:

- Агай, не торопись, не спеши!..

Но вот крепостные пушки смолкли, чтобы ядрами не кромсать своих же егерей и гренадеров. И тогда Кахым выхватывает саблю, горнист вскидывает трубу, обжигающе резкая, горячая кровь мелодия атаки взлетает над полком. В сотнях мелодию подхватывают кураи, повсюду слышатся громкие команды: «Марш-марш», и, словно подталкивая друг друга, убыстряя и убыстряя бег, лошади помчались по равнине навстречу противнику.

Французские стрелки успевают дать залп, но их тотчас же накрывает летучий ураган стрел, - кувыряясь, падают в снежную жижу бешено скачущие кони, давя всадников, нередко тоже убитых наповал пульей, но и во французских цепях зияют прорехи - крылатая смерть не щадит...

Кахым чувствует, как воспламенились жилы и мускулы его молодого тела. Иноходец, взметывая копытами грязь и снег, скачет в самое пекло боя. За ложбиной, залитой талой водою, кипит дикая схватка - французы колют штыками, перезаряжать ружья уже некогда, а джигиты ловко с седла мечут копы, рубят наотмашь, с оттяжкой и вправо, и влево. К мосту прорывается большая колонна французской пехоты, но соединенными силами башкирских казаков она рассеяна.

Тогда с фланга летят в атаку французские кавалеристы, и принять их натиск, могучий, слитный, довелось полку Кахыма. Ему

пришлось рубиться вместе со своими джигитами, подбадривая их и голосом, и клинком, - синие мундиры французов как бы раздвигаются под разящими ударами булата Кахыма. Но вот он не успел, и палаш вражеского кавалериста врезается в его левое плечо. **Замечает он рану лишь после боя. И к счастью. Ибо, если б замешкался, остановил коня, то наверняка французы оттеснили бы его от джигитов и добили.**

Ополченческая пехота генерала Толстого отстояла мост. Устилая равнину синими мундирами, кавалеристы противника медленно отходят к городу. Как бы в отместку загудели крепостные пушки, огонь крепчает, ядра роют землю, взметывая фонтаны снега и грязи; дым медленно плывет в сыром воздухе.

Три раза в тот день французы предпринимают вылазки из крепости, но мост не захватили. Вечером башкирские полки отходят в лагерь. Кахыму перевязывают рану, и тотчас же привозят приказ: «Первый башкирский полк переходит в корпус графа Воронцова». **А корпус этот был в составе Силезской армии фельдмаршала Блюхера. Русский**

Башкиры в Гамбурге в 1813 г. Неизв. худ., перв. четв. 19 в.

доктор из корпусного лазарета предлагает Кахыму: «Останьтесь на лечение. Никто вас не упрекнёт, не осудит». Но командир Первого полка наотрез отказывается от такого врачебного снисхождения:

- Спасибо, доктор, но ведь плечо-то левое, значит, правая рука удержит клинок! И Аллах мне не простит, если оставлю своих земляков в бою. И победа близка.

Но железный маршал Даву сдался только 18 мая 1814 года, уже после отречения Наполеона. И только после получения письменного приказа короля Людовика и начальника штаба Бертье. Вот каких титанов пришлось побеждать российским войскам!

БРИЕН

Победа приближалась, но с кровавыми битвами, с тяжелыми потерями. В армию Блюхера еще включили Третий оренбургский, Четвертый уральский, Первый тептярский, Уфимский пехотный и Донской казачьи полки. Армия наделена на Бриен через Нанси и Сен-Дидье. Кахым не смог дать своим жигитам даже короткой передышки. Курьеры торопят: **«Быстро переправляйтесь через Рейн и форсированно двигайтесь к армии Блюхера».**

Буранбай:- Мы люди военные, вся жизнь - в походах. Каким вдохновенным певцом был наш Салават, а осталось от него всего несколько сказаний и песен.

Кахым:- Он прославил себя борьбой с хищническим захватом башкирских земель вопреки договору с Грозным.

- Это так, - сказал старшина, - но мы ведь говорим о песенном даре великого батыра. Он не допел свою самую заветную песню и стигнул на каторге.

Буранбай стегнул коня и сердито поскакал вперед.

С детства Кахым упивался сказаниями о великом батыре, преклонялся перед Салаватом, а подростком запоминал, да и сам пытался слагать гимны и бывальщины о нем. «Салавата нет, а имя его, знамя его помогает сейчас башкирским казакам воевать с Наполеоном». Эта мысль до того поразила самого Кахыма, что он невольно остановил лошадь: «До чего диковинная история России: Салават бунтовал против сановников царицы Екатерины, а мы присягали ее внуку императору Александру. И верны этой присяге! Но Салават-то, сын старшины воевал за продолжение соблюдения условий договора вхождения башкир в Великое княжество Московское. А вторым условием договора с русской стороны

Переправа союзных войск через Рейн. Раскр. грав. 1-й пол. 19 в.

является участие башкир во всех войнах России, куда призовут. Значит, если мы хотим, чтобы русские власти выполняли договор и сохраняли вотчинное право на землю за башкирами, мы обязаны продолжать выполнять договор и сами, то есть воевать за Россию!»

...Первый башкирский казачий полк вместе с Уфимским пехотным полком в составе корпуса генерала Воронцова атакует гарнизон города Бриена и его окраинных поселков. Бои ожесточенные, французы непрерывно контратакуют, и часто успешно, но подходит еще корпус Остен-Сакена, и, отбив сильные удары французов, русские войска занимают Бриен.

ПАРТИЗАНСКИЕ РЕЙДЫ ВО ФРАНЦИИ

В полк приехал Сеславин, тот самый Сеславин, который еще в звании капитана артиллерии под Москвою наводил лихими партизанскими рейдами ужас на французов. Он сразу узнал Кахыма:

- Да вы же были в моем отряде! И даже славно повоевали с наполеоновскими мародерами плечом к плечу с моими удальцами. Как же, отлично помню! И сейчас Первый полк достойно сражается,

слышал, и не раз. - Держится он приветливо. Золототканые эполеты, как и у Сергея Волконского, не вскружили ему голову, и Кахым радуется этому.

За обедом Сеславин говорит Кахиму: «Первый полк переходит под его, Сеславина, командование, - формируется крупный партизанский отряд».

- Так это же во всех отношениях удачно! - обрадовался Кахым.
- Башкирские всадники самим Аллахом созданы для партизанской борьбы.

- Потому я в Главной квартире и выпросил ваш закаленный в боях полк, - кивнул Сеславин. - Задача трудная: одно дело партизанить на своей подмосковной земле, иное - проникнуть глубоко в тыл противника во французских провинциях, громить обозы и резервы на марше, взрывать мосты, захватывать склады... И земля чужая, и люди чужие, и французы пока поддерживают Наполеона. Конечно, нас выручает, что наши офицеры-дворяне говорят по-французски с детства, значит, во французских мундирах могут обвести вокруг пальца и часовых, и караульных. Вы говорите по-французски?

- Я же дворянин не потомственный, а личный, и гувернера-француза у меня не было, - без обиды объяснил Кахым. - Так, болтаю немного... В немецком-то, я за эту зиму поднаторел, разговариваю без особого затруднения.

- Ну, я вам пришлю двух адъютантов, чтобы они вас, когда понадобится, выручали, - пообещал генерал. - И с французской одеждой помогут, - Сеславин погладил ладонью чисто выбритый подбородок.

- Скажите, а какие части сейчас в вашем отряде?

- Донские и оренбургские казаки, сводные гусарские и уланские эскадроны. Не будем терять времени. Слушайте... Командующий главной армией союзников генерал Шварценберг чрезмерно осторожен. Пока не выяснит все досконально, с места не двинется! Хе-хе!.. - Сеславин взбил щелчками пальцев висячие усы. - Следовательно, Первый башкирский казачий полк обязан срочно и самостоятельно установить, где закрепились французы после взятия нами Бриена. И незамедлительно донести об этом в штаб Шварценберга. Все обозы оставьте под охраной больных и легко раненных, а сотням идти налегке. На первых порах дам проводников, а затем сами выкручивайтесь!

Грубоватая откровенность Сеславина нравится Кахыму, в ней он чувствует доверие.

- В укромных местах оставляйте курьеров с запасными лошадьми - любая важная новость должна лететь к Шварценбергу как птица. Переводчиков я, значит, вам дам двух, но вы и сами при всех возможностях разговаривайте с жителями по-французски: пусть коряво, а разговаривайте, пусть над вами и посмеиваются, а вы не смущайтесь!

«Вот она, школа партизана-разведчика!..»

- Спасибо за доверие, Александр Никитич, - сказал сердечно Кахим.
- Первый полк не осрамится! Ручаюсь жизнью.

- Да я и без такого ручательства верю, - уважительно отвечает Сеславин.

Проводив молодого генерала - этот чин Сеславин получил за Лейпцигскую битву, - Кахим ординарцу: «Немедленно вызовите ко мне Буранбая и сотников». Сборы были недолгими. На рассвете прибыли из отряда Сеславина проводники - донские казаки, уже побывавшие в дальних разведывательных рейдах, приехали и штабные офицеры-переводчики.

В тот же день передовые дозоры полка Кахыма установили, что армия Наполеона через Труа отходит к Ножану. Пленные французы подтвердили: «Да, к Ножану». Не стали скрывать и другое: «В полках повальное уныние, никто уже не надеется на победу». Кахим: «Сейчас же послать с экстренным донесением двух курьеров по разным дорогам, как учил Сеславин, - одного враги перехватят, другой доскачет, - в штаб главной союзной армии». Лишь после этого огромная, но неуклюжая армия Шварценберга пришла в движение, поползла к Парижу, но разрозненно: одна колонна в долине реки Сены, другая - по берегу Марны. Возникла опасность флангового удара кавалерии Наполеона по тылам войск Шварценберга. Поняли ли это в его штабе? Сомнительно. Но Сеславин, Кайсаров, Ожеровский тотчас же разглядели на карте, выудили из донесений казаков того же Кахыма, где зреет угроза. И сразу же заполнили промежутки своими отрядами, способными то свиваться пружиной, то молниеносно вылетать из засады, то откатываться, заманивая противника в капкан (показать это на карте).

Не император Александр Павлович, не Беннигсен, не Шварценберг, а именно эти молодые полковники и генералы, хлебнувшие и отступления 1812 года, и пожара Москвы, и зимнего преследования армии Наполеона через Бе-

резину в Польшу, понимали законы маневренной войны. Сражались смело, умно. Три тысячи донских казаков атамана Платова и тысяча казаков Сеславина с гусарами в эти дни проникли глубоко в тылы противника и громили его резервные части, идущие на подкрепление по дороге от Орлеана до Парижа.

Кахым по приказу Сеславина, во взаимодействии с донскими и оренбургскими казаками, своим Первым полком блокирует канал, соединяющий Луару с Сеной, по которому на баржах французской армии доставляют провиант и вооружение, боеприпасы. **Слухи о смелых рейдах казаков, достоверные, а иногда и преувеличенные, сеют в Париже смятение, страхи. Богачи спешно вывозят в южные департаменты свои сокровища. В министерствах чиновники являются на службу, но делом толком не занимаются.** Сеславин от пленных узнаёт: «В Париже паника. В корпусах маршала Мармона растёт дезертирство. Казаки Платова и башкиры ломают напролом, сметая заслоны, отсекая от батарей артиллерийские обозы, перехватывают фельдгегерей, курьеров, почтальонов».

Кахым получает от Сеславина приказ: - Удерживать переправы через Сену, не дать отступающему корпусу Мортье навести мосты. **Первый полк понес значительные потери, но еще имел закаленных боями джигитов, и Кахым чувствовал, что ему доверяют, верят, за ним пойдут в огонь и воду...** «Первая и вторая сотни засядете в ложбине в засаду, а полуразрушенный нами же мост заслонит третья сотня под началом Буранбая».

- А если они свернут вправо-влево и бросятся вплавь, поплывут на плотах?

- Вот и пускай их на дно Сены!.. Да разве обезумевшие от страха солдаты окажут сильное сопротивление?

- Да, ты прав, - согласился войсковой старшина. - В споре побеждает умный, говорят, а в битве - смелый.

- Ну смелости тоже надо быть умной, - засмеялся командир полка. - Береги людей. Обидно же умирать джигиту накануне победы!.. Одиночных солдат-беглецов разите стрелами, ловите арканами. А я с четвертой и пятой сотнями иду на вражеский лагерь - там уже побывали наши разведчики, нащупали удобные пути подхода.

Ночь лунная, багровый шар висит низко над дальними перелесками, деревнями, зловеще напоминая, что война с ее смертями, страданиями продолжается. Сотни в развернутом строю выходят на опушку. Впереди горят костры, иные низкие, затухающие, а иные с пляшущими языками пламени.

- Мы их атакуем на рассвете. Самое глухое время, и часовые сомлеют. Разрешите всадникам спать в седлах, - сказал Кахым сотникам. - И сами подремлите!

- А вы, турэ?

- Мне спать не положено по должности, - весело отвечает Кахым.

Он посылает Сеслаvinу с вестовым донесением: «К бивуаку французского полка подошли незаметно, к атаке готовы, но полностью окружить не удастся - в сотнях осталось полсотни, не больше.

- Воины, конечно, испытанные, мастера и стрельбы, и рубки, но их мало!». Он не просит подмоги, зная, что оренбургские и донские казаки у Сеславина тоже ни дня, ни ночи не ведают отдыха - спят в седле, питаются в седле, бреются и стригутся в седле, умирают в седле...

И все же Александр Никитич понял, что Кахиму жаль упускать из рук разгром полка, всего полка, и наскреб из своего отряда сотню казаков, послал, чтобы замкнуть кольцо окружения. Как только гонец от Сеславина прискакал с вестью: **- Казаки заняли исходную позицию позади вражеского бивуака, - Кахым тут же скомандовал четвертой и пятой сотням: - Вперед!**

Костры во французском лагере угасли. Измученные неудачами, отступлениями, отчаявшиеся солдаты спали, даже часовые дремали стоя, опираясь на ружья, склонив головы на грудь. Их бесшумно закололи копьями передовые дозоры полка. Стрелы свысока, с седла пригвоздили лежавших французов. Иные проснулись: то ли от топота лошадей, то ли от предчувствия смерти. Вопль: «Казаки! Амуры!» разорвал утреннюю тишину в клочья. Пехотинцы этим истошным криком пугая и друг друга, и самих себя, бросая ружья, бегут к Сене, но там им наперерез кидаются казаки Сеславина. На каждого казака, башкирского, донского, оренбургского, как потом подсчитали, приходилось шесть французских солдат. Захвачено девять пушек, не успевших даже выстрелить, зарядные ящики, до полутора тысяч лошадей.

- Вот лошади нам пригодятся, - обрадовался Кахым, - уж на что выносливы наши башкирские лошадки, а сбили ноги и холки, вытянули жилы. И конский ремонт из Башкортостана тоже уже поистрепался.

Офицеры-переводчики жалуются: «Жаль, не захватили пленных».

- Да зачем вам пленные? - удивляется Кахым. - Какие теперь у Наполеона секреты? Армия расплзается по швам, все трещит, французы мечтают о мире.

- Вот и надо отпускать безоружных пленных, - говорит штабной офицер Ветлугин. - Пусть они добегут до Парижа вестниками капитуляции.

Кахым с уважением взглянул на молодого штабиста: «Умно рассуждает...»

- Вы правы, - сказал он Ветлугину, - но ведь я джигитов удержать не смогу - до того они горят отмщением. Никто же не звал полчища Наполеона в Россию! Сами припёрлись.

- И они, казаки, по-своему правы, и я прав, - улыбнулся офицер. - Но атака проведена вашими джигитами образцово. Каковы потери?

- Да ни одного убитого, восемь раненых, из них лишь двое тяжело. Так бы всегда воевать!

К Кахыму подъехал Янтурэ: - Справедливо говорят, что у страха глаза велики!.. Я влетел в самую гущу ненароком, ну, думаю, пропал, сейчас птыками заколот или застрелят, а они на попятную с дикими криками «Казаки! Амуры!».

- Под Москвой французы были важными, спесивыми - дескать, мы непревзойденные вояки, нам суждено повелевать всем миром!.. А сейчас ослабли, - сказал сотник Яныбай Китыков.

Кахым приказал ему: «- Следи за порядком в обеих сотнях, соберите трофеи, гоните захваченных у противника лошадей в лагерь полка. Пушки сдайте артиллеристам». **А сам поехал проводить Буранбая. Хотя он не спал всю ночь, но не чувствовал усталости, глаза смотрели зорко, молодое сердце билось ровными толчками, конь шел спокойной широкой рысью.** П Буранбай в отличном настроении. Доложил: «- Ночью произошли отдельные стычки с отходящими французами, но прорваться к реке, а тем более навести переправы вражеские саперы не смогли». Кахым велел: «Прими командование над всеми сотнями», а сам, не позавтракав, поскакал с конвойцами к Сеслаину - с отчетом о минувших боях и за приказом на ближайшие дни.

Александр Никитич доволен, обнял Кахыма: - Хвалю джигитов и русских казаков! Представьте к награждению отличившихся.

- А каковы планы? - спросил Кахым.

— Планы генерала Шварценберга мне неизвестны, да и сомневаюсь, что у него есть какие-либо планы, - отвечает Сеславин, дерзко топорща усы. - А я лично считаю, что нам - значит, и вам с Первым полком, и мне с уральцами и донцами — надо не пустить отходящие французские полки в Париж, оттеснить их от переправы, сдвинуть в сторону, чтобы столица Франции осталась беззащитной.

ВЗЯТИЕ ПАРИЖА

После сражения при Арси-Сюр-Об Наполеон смелым и внезапным маневром выходит в тыл союзникам и перерезает их коммуникации, ведущие к Рейну и далее к России. Зная о том, что союзное командование очень боится за свои коммуникации, он рассчитывает: «Они повернут войска вслед за моими оставшимися корпусами. Тем самым мы отвлечём противника от Парижа, защищать который у нас уже не хватает сил». Но император просчитался. Очевидец событий Михайловский - Данилевский: «В сие время в замке села Дампиер получили неприятельскую почту, перехваченную генералом Чернышёвым. В оной нашли, между прочим, собственноручное письмо Наполеона к императрице Марии - Луизе, в котором он рассказывал о поверхности, одержанной над нами в Арсисе; уверял её, что движением своим на линию наших сообщений удалит нас от Парижа, и, присоединив к себе гарнизоны крепостей Меца и Вердена, разобьёт нас на берегу Рейна и принудит отступить за сию реку».

Князь Шварценберг понёс к Государю перехваченные письма и, выходя, сказал: «Государь изволит оставаться при прежнем мнении, то есть, чтобы соединясь с Блюхером у Витри, идти всеми силами на Наполеона и атаковать его там, где застигнем». Но князь Волконский возразил следующее: «Я предлагаю для точного и верного успеха, чтобы, соединясь с Блюхером, отрядить за Наполеоном сильный корпус конницы и несколько полков пехоты, приказав для большего удостоверения, что будто мы за ними идём с армиею, заготовлять везде главную квартиру для Государя. Самим же нам направиться прямо на Париж, нашей армии - чрез Фер - Шампенуаз, а Блюхеру - чрез Этож, имея между собою непрерывное сообщение. Следуя таким образом, мы должны атаковать маршалов Мортье и Мармона, где они ни повстречаются. Мы их разобьём, потому что мы на всех

П.М. Волконский. Миниатюра А.Ю. Ключера. 1850-е гг.

пунктах будем в превосходных силах, а с Наполеоном мы будем расходиться каждый день на два марша более расстояния».

Мнение сие было всеми принято. Государь поехал тот час в догоню за князем Шварценбергом, которого настигли уже на высотах в виду Витри. С ним находился и король прусский. Государь пригласил: «Прошу сойти с лошадей. Поступило интересное предложение князя Волконского». Они тоже соглашаются и тут же на поле пишут приказание к Блюхеру: «Не следуйте на Витри, а направтесь на Этож».

Красные стрелы союзных войск на карте Франции со вспышками боёв на фоне упоминаемых городов, продвигаются к Парижу под сопровождение нижеследующего текста:

То есть союзники просто посылают для наблюдения за Наполеоном сводный кавалерийский корпус генерал-лейтенанта Винценгероде (10 тысяч сабель, егерский полк в 800 штыков, 46 орудий и два отряда партизан генерала Чернышёва и полковника Тетенборна). А сами, соединив 12 (24) марта в районе Витри-ле-Франсуа, Главную и Силезскую армии, отрезают Наполеона от Парижа. И начинают стремительный марш на Париж, рассчитывая овладеть им раньше, чем на помощь своей столице подойдет

Наполеон. 13 марта корпус Воронцова двинулся к Парижу и занял город Вертю. Партизанские отряды Сеславина, Кайсарова, Чернышёва и Теттенборна разворачиваются широким фронтом в тылу французской армии, чтобы прервать связь Наполеона с Парижем.

Легкоподвижные силы казаков быстро переходя с фланга на фланг, разрушают Орлеанский канал, соединявший Луару и Сену, неожиданно для неприятеля отрезают Париж от южных областей Франции, откуда по каналу доставлялось продовольствие в столицу. Неожиданными и стремительными действиями отважный отряд Сеславина, как и другие казачьи полки, вызывает панический страх у неприятеля, деморализовывая силы маршалов Мармона и Мортье, артиллерия, конница и пехота которых в страхе бегут к Фер-Шампенуазу. При этом 9 орудий неприятеля достаются казакам.

Адмирал А. Шишков сидит, пишет в своих «Записках»: «... между тем Наполеон распускал глупые и смешные лжи об нас, русских,... что мы варвары, дышим злобой и мщением; что между нами есть дикие народы, которые жарят и едят малых детей, что ежели придем в их землю, то смешаем нечистую кровь свою с их чистой кровью и произведем в отечестве их варварскую породу людей... Выходцы из Франции (проживавшие в России - авт.) уверяют, что французенки не очень баснями его напуганы, и что напротив, многие из них любопытствуют увидеть сих варваров и

почитают не великою бедою, если через несколько времени будут вокруг их прыгать маленькие казаки и башкирцы. Нелепая ложь сия рассмешила меня».

Путь союзникам на Париж преграждают войска маршалов О. Мармо- на и Э. Мортье, генералов А. Аме и М. Пакто. Но у них в общей сложности всего 23 тыс. солдат и 84 орудия. 13 (25) марта при Фер-Шампенуазе эти силы пытаются преградить путь 100-тысячной армии союзников. Сражение, естественно, заканчивается победой союзников. Захвачено 10 тысяч пленных, 80 пушек, 200 зарядных ящиков и весь обоз. Здесь отличается Лейб - гвардии казачий полк, состоящий непосредственно в конвое императора Александра I. Он сформирован в 1798 г. из донской и Чугуевской придворных конвойных команд и донского казачьего эскадрона из лейб

- гусарского казачьего полка. Неоднократно отличался в боях. Награжден Георгиевским штандартом «За отличия при поражении и изгнании неприятеля из пределов России 1812 года и за подвиг, оказанный в сражении при Лейпциге 4 октября 1813 года», а также серебряными трубами с надписью «За отличие против неприятеля в минувшую кампанию 1813 года».

Обер — офицеры лейб — гвардии Казачьего полка 1801-1809 гг.
Историческое описание одежды и вооружения Российских войск. Т.15.
№2110. СПб. 1899-1902.

Потеряв при Фер-Шампенуазе 11 тыс. человек (с убитыми) дивизия Пакто окружена и вынуждена сложить оружие. Французы отброшены к Парижу. Потери союзников не превышают 2 тыс. человек. Отряд Сеславина стремительно преследует войска Мармона и Мортье, отступающие к Парижу, следуя вдоль берега реки Сены, отнимая у неприятеля все средства для наведения и восстановления мостов.

Наполеон с 50-тысячной армией 14 (26) марта в тылу союзников при Сен-Дизье нанес поражение корпусу Винценгероде. Шедшие в голове армии маршалы Удино и Макдональд разбивают союзную конницу и отбрасывают ее со своего пути. Винценгероде теряет свыше 1300 человек. В этом неравном бою участвует и 1-ый Башкирский казачий полк в составе отряда Чернышева. Тут для Наполеона открывается страшная истина: «За конницей Винценгероде армий союзников нет. А куда же они делись?» На следующий день ему докладывают: «Противник неожиданно, коварно двинулся к нашей столице!» Наполеон: «Немедленно повернуть армию маршем к Парижу!»

У французов для защиты Парижа имеется всего до 45 тыс. солдат и 150 орудий. Общее командование войсками в столице осуществляет брат Наполеона - Жозеф Бонапарт, испанский король. Настроение в

«1814 год». Худ. Мейссонье

Париже паническое. 16 (28) марта подошедший на помощь Парижу отряд генерала Ж. Компана, численностью более 7 тыс. человек предпринимает при Кле еще одну попытку задержать наступление, но отброшен прусскими корпусами Йорка и Клейста. На следующий день под Бонди, в 8 километрах северо-восточнее Парижа, отряд Компана вступает в бой с русским корпусом генерал-лейтенанта Раевского, но снова терпит неудачу.

А тут как раз, вместе с костромскими, симбирскими, рязанскими и нижегородскими ополченцами пять башкирских полков под командованием генерала Розена 17 (29) марта 1814 года вынуждают капитулировать неприятельский гарнизон крепости Гло- гау. Беннигсен объявляет приказом: *«Благодарю все чины, войск, которые невзирая на суровость зимнего времени, неоднократно отразили сильные покушения неприятеля, сбили его передовые посты и вынудили сдаться».*

17 марта отряд Сеславина воюет уже под Парижем на левом фланге армии. Тогда же союзные войска выходят к Парижу, достигнув его пригородов Пантен и Роменвиль. Поскольку французы капитулировать не собираются, решено атаковать город. 18 (30) марта происходит сражение. В нем участвует объединенная союзная армия, численностью около 100 тыс. человек, в том числе более 63 тысяч русских войск против 45 тысяч французов. Корпуса генерала Остен - Сакена и фельдмаршала Вреде остаются в районах Мо и Куломье, восточнее Парижа, для отражения возможного удара Наполеона с тыла.

Наступление союзников начинается в 5 часов утра и планируется одновременно сразу с трех направлений. Но фланговые корпуса подходят к рубежу атаки с большим опозданием. Поэтому вся тяжесть боевых действий в первой половине дня ложится на русские войска Раевского, атакующие в районе Роменвиля превосходящие силы противника. Овладев несколькими пригородными населенными пунктами восточнее и севернее Парижа, союзные войска тем временем, на отдельных направлениях достигают городских окраин.

Французское командование, чтобы избежать боев в центре города, предлагает: «- Давайте начнём переговоры о перемирии». Союзное командование отвечает: «- Согласны приостановить боевые действия в 17 часов». Однако русские войска на крайнем правом фланге генерала Ланжерона, еще не получившие распоряжения об этом, продолжают выполнять поставленную задачу и штурмом ов-

надевают Монмартром. **(В сражении под Парижем союзники теряют более 8 тыс. человек, французы - до 4 тысяч).** Государь въезжает на холм Бельвиль, куда подвезены батареи осадных орудий, и посылает графа Нессельроде и полковника Орлова с ультиматумом: «К вечеру не узнают места, где был Париж, если он через час не сдастся!»

Вечером 18 (30) марта маршал Мармон, фактически возглавляющий оборону Парижа, подписывает капитуляцию. Трепещущими шагами всходят старшие французские офицеры на гору и приближаются к императору. Александр I: «Обещаю пощадить вашу столицу и разрешаю войскам, там ещё находящимся, покинуть её с оружием».

В лагерь Первого башкирского полка заехал адъютант царя Михаил Федорович Орлов, с которым Кахым встречался не раз за эти годы.

- Ну как, трудно было остановить рвущихся в Париж башкирских казаков? - спрашивает Орлов, смеясь.

- И не спрашивайте! - отвечает Кахым. - Джигиты озлоблены, мечтали отомстить за тысячи уничтоженных городов и деревень! Мечтали разворошить Париж, как муравейник.

Осада Парижа. Раскрашенная гравюра Ламберта. Первая четв. XIX в.

- Победители должны быть великодушными, - говорит полковник Орлов, и трудно понять, повторяет ли он царские слова или высказывает свое убеждение. - Надо, чтобы французы встретили нас как освободителей от тирании Наполеона, а не как мстителей.

- Отвлеченно вы размышляете верно, - говорит Кахым, - но я-то с передовыми разъездами вошел в объятую пламенем Москву, когда французские обозы с награбленным добром еще тянулись на Калужскую дорогу. Видел, как рушились от взрывов стены Кремля и храмы. К счастью, не все и не всюду: - фитили отсырели... Я мусульманин, но и ныне содрогаюсь от такого оскорбления святых мест. А Наполеон-то, и остальные непрошенные гости - христиане. Как же мне взывать к доброте моих джигитов?

Орлов пристально посмотрел на взволнованное лицо Кахыма, видимо, не ждал от него такой страстной исповеди, не нашелся, что возразить, пожал плечами и усакал с ординарцами к Пашенской заставе.

Капитуляция Парижа. Худ. И.Жерен. 1818 г

В ночь на 19 (31) марта остатки французских войск оставили Париж, а утром в столицу Франции торжественно вступает союзная армия.

Первыми едут строем конные гвардейцы и прусские кавалеристы. Духовые оркестры гремят ликующими маршами. Вдоль улиц стоят толпы жителей до того усталых от наполеоновских непрерывных войн, что кажутся безучастными: никто не приветствует победителей, но и с ненавистью на них не смотрят.

Толпы оживляются, когда появляются гвардейские казаки в красных мундирах и казаки атамана Платова в синих, с высокими пиками, с окладистыми бородами.

А вот под певуче задорные мелодии кураев хлынули сотни башкирских казачьих полков - Первого, Второго, Пятого, Восьмого, Девятого, Двенадцатого, Тринадцатого, Четырнадцатого, Пятнадцатого, Девятнадцатого, Второго мишарского, Второго тептярского. Башкиры в чекменях, в меховых остроконечных шапках, на ногах каты с суконными голенищами, за спиною лук, в колчане стрелы, копыя приторочены к седлам.

Знамя 5-го Башкирского казачьего полка. Нац. музей Башкортостана.

Вступление союзников в Париж 19 (31) марта 1814 года (фрагмент).
Английская гравюра неизв. худ., 1815 г.

Парижане бурно заговорили, посыпались испуганные восклицания, чуть ли не стоны:

- «Северные амурь»! Ух-хх!..
- Азиаты! Дикари!.. Надо прятать девушек и девочек!
- И молодым женщинам достанется, если попадут в их лапы!
- Казаки не добрее этих «амуров», выместят на нас своё горе.

Кахым хотя и с напряжением, но понимает эти выкрики, его и злость одолевает, и смех разбирает.

- Что они там лопочут? - интересуется Буранбай.
- Считают нас за людоедов, как и берлинцы! Помнишь, как пугались в первые дни немцы? А потом привыкли.
- И первыми нас полюбили подростки! - заметил Ишмулла.
- Значит, и здесь так произойдет! Меня другое занимает, - сказал

Кахым, - они боготворили Наполеона, а отреклись от него с такой легкостью. Непохоже, что такие способны подняться на партизанскую войну против русских, как наши мужики поднялись против французских завоевателей.

- Но эти же французы свергли короля, провозгласили республику, — сказал Буранбай. В Омске, учась в военном училище, он наслушался вольнолюбивых речей от ссыльных поляков и некоторых просвещенных офицеров-преподавателей и все запомнил, намотал, как говорится, на ус.

- Те, республиканцы, якобинцы, истреблены Наполеоном, сгинули на каторге, - глубоко вздыхая, сказал Кахым. **Он тоже многое узнал от Сергея Волконского и его друзей, когда два года жил в столице.**

ОТРЕЧЕНИЕ НАПОЛЕОНА

Ночью 18 (30) марта Наполеон прибыл в Фонтенбло в 55 километрах южнее Парижа. Тут ему докладывают: «Только что произошло сражение, Париж капитулировал!». Император был полон решимости: «Надо продолжать сражения!» Но Бертье, Ней, Макдональд, Удино и герцог Бассано не поддерживают его в этом: «Мы боимся ожесточения союзников и разрушения Парижа так, как мы сделали это с Москвой». В это время, очень некстати для Наполеона, доносят: «Выпедший из Парижа в Вер

саль по условиям перемирия Мармон со своим корпусом перешел на сторону Талейрана. А тот формирует по указанию союзников временное правительство, стоящее за низложение Бонапартов и реставрацию Бурбонов». **Неожиданная потеря одного из сильнейших корпусов французской армии серьезно подорвала позиции императора на переговорах.** Теперь союзники выдвигают свое условие: «Безоговорочное отречение Наполеона. В этом случае мы отдаём ему во владение остров Эльба на Средиземном море».

Наполеону пришлось 25 марта (6 апреля) подписать отречение. Все было кончено. 21 апреля (3 мая) недавнего повелителя Европы привезли на отведенный ему уединенный остров.

А на французский престол под именем Людовика XVIII возведен брат казненного в 1793 г. Людовика XVI. Три года назад, весной 1811 года, Наполеон сказал баварскому генералу Вреде: «Через три года я буду повелителем всего света!...» Три года прошли, и весной 1814 года он стал хозяином острова площадью 223 квадратных километра всего с несколькими тысячами жителей.

Сабля Наполеона, подаренная П.А. Шувалову, который сопровождал его на остров Эльба

Вернулись Бурбоны. Старая феодальная знать получила обратно в свое владение земли, замки, усадьбы. У дряхлого короля Людовика Восемнадцатого, взошедшего волею царя Александра Павловича на престол, хватило ума не преследовать маршалов и генералов Наполеона, не ломать государственное устройство - все было сохранено, даже орден Почетного легиона.

Париж веселится. Театры, рестораны, кабачки ломятся от посетителей. Деньги водятся не только у русских офицеров, но и у солдат. Они забегают в кабачки, чтобы опрокинуть добрую чарку, приговаривая: «Быстро! Быстро!» - комендантские пикеты

следят за порядком и за самовольную отлучку тащат на «губу». С той поры и привилось, и сейчас еще бытует название мелких кабачков - «бистро».

Сотник Самигулла зачастил в одно такое бистро на Монмартре. Уж больно нравилась ему черноволосая, черноглазая официантка Жаннет. Глаз не мог отвести. Да и она отличала бравого башкирского казака от прочих посетителей кафе. При третьей встрече он подарил ей золотые кольцо, серьги и браслет, благо этого добра было отбито им у неприятелей немало: «Презент, презент». Она же после работы пригласила его в свою съёмную каморку: «Амур, амур». Свидание получилось столь страстным, что на следующий день Жаннет на работу опоздала, но пришла с огромными сияющими глазами. В другой раз Самигулла пришёл в кафе с другом Булатом. Видя, какими влюблёнными глазами они смотрят друг на друга, Булат предложил: «Слушай, а давай мы её украдём?» Самигулла: «А куда?» Булат: «В обоз, конечно. Там её ни один полицейский не найдёт». Самигулла: «А потом?» Булат: «А потом, после окончания войны в том же обозе тайно вывезем в Россию и родной Башкортостан. И там вы поженитесь, как положено, с муллой и никахом в присутствии родственников». Самигулла: «Согласится ли она? И как объяснить ей наше предложение? Ведь мы по-французски почти не изъясняемся». Булат: «Из любого положения есть выход. Видишь, за тем столиком сидит офицер связи из нашего корпуса? Он по-французски шпарит, не хуже, чем они сами. Мы ему расскажем о нашем предложении по-русски, а он ей всё переведёт на французский». Подошли к столику офицера. Волнуясь, перебивая друг друга и зачастую коверкая русские слова рассказали о своём чувстве и намерениях офицеру. Офицер изрядно удивился, но согласился узнать, как Жаннет отнесётся к подобному предложению. Подошли к ней: «Вот лихой сотник Самигулла говорит, что влюбился в вас с первого взгляда. И предлагает украсть вас по башкирскому обычаю, увезти в Россию на Урал и там пожениться. Как вы посмотрите на столь неожиданное предложение?» Жаннет, покраснев: «Я поеду за ним хоть на край света - он настоящий мужчина!»

Башкирский казак.
Парижское изд. 1 четв. 19 в.

Башкирский воин-батыр.
Англ. акв. 1 четв. 19 в.

На следующий день подогнали офицерскую коляску, и лихо умыкнули невесту, разбросав с коляски для задержки возможного преследования горсти золотых и серебрянных монет. Жаннет: «Прощай кафе, здравствуй обоз и дальняя дорога на седой Урал». Их потомки Самигуллины в Уфе до сих пор восхищаются смелостью прапрапрабабушки и прапрапрадедушки. И в честь богини любви Венеры, нынешнего главу рода назвали Ве- нером.

Башкирские конники и донские казаки Платова разбивают привалы на Елисейских полях, которые еще действительно являются полями. Живут в шалашах, палатках, крытых повозках, а то и попросту под телегами на ворохах сена, прикрытых кошмами и паласами. Никаких занятий нет: одни стирают и чинят одежду, сапоги, другие точат сабли, латают сбрую, седельные тороки. В Сене водится рыба, и умельцы

Бивуак казаков на Елисейских полях в Париже. Раскраш.
Гравюра И. Жозе по ориг. Зауервейда (фрагмент). 1810-е гг.

мигом сплели из прутьев морды, а из бечеvy - бредни и варят тут же на кострах душистую уху. Доят ожеребившихся кобылиц, квасят кумыс в кожаных турсуках - угощают друзей, сами лакомятся, предлагают попробовать любопытным зевакам.

Сперва парижане безgливо воротят носы от азиатского пойла, затем распознают вкус и аромат нектара и щедро расплачиваются мелкими монетками. А когда владельцы кабачков и даже ресторанов подороже, посolidнее, прослышали о моде на диковинный напиток, то приходят с оптовыми заказами за умеренную, но справедливую цену.

ПАРАД В ПАРИЖЕ

Целую неделю армия, от генерала до рядового солдата, казака, чистилась, одевалась, наряжалась, прихорашивалась. Гвардейцам сшили новые мундиры, остальных пехотинцев кое-как подновили, казакам - и донским платовцам, и башкирским - выдали новые сапоги. Лошадей было велено откармливать овсом и не гонять зря без крайней надобности.

И ясным солнечным днем по улицам, бульварам потянулись полки, эскадроны, сотни, батареи. Гордо, величественно развеваются боевые знамена. Солдаты чеканят шаг, остро сверкают штыки. Духовые оркестры бодро играют походные марши. Кавалеристы красуются на отдохнувших, нагулявших стати конях. Из всех окон многоэтажных домов выглядывают парижанки, ахают, восхищаясь красивыми мундирами, строят глазки и улыбаются усатым гусарам в киверах. Русские казаки едут на неказистых, но выносливых степняках, в синих чекменах, с бородами. Башкиры - в своей национальной одежде и меховых головных уборах на башкирских лошадках.

Линейные с флажками на штыках заняли места на размеченной заранее топографами черте, за которой построились части. Генералы и офицеры при орденах и медалях, все выглядят празднично, глаза так и сияют благородным счастьем победы. Солдаты скинули с плеч усталость битв, выпрямились, расправили грудь, - молодцы из молодцов.

Кахым в новом казачьем чекмене, эполеты с золотой бахромой, сапоги со шпорами. Усы браво закручены, бородка округло подстрижена. Серый иноходец так и рвётся в наёт, иг-

рает жилками, прыдёт ушами. Кахым доволен, горд земляками, не запятнавшими чести в бесчисленных стычках, схватках, битвах: «Орлы!»

На небе ни облачка, солнце сияет тоже победно. Легкие порывы ветра колеблют тяжелые знамена. Вдалеке запел горн, послышались шелестящие восклицания: «Едут! Едут!..» Духовые оркестры заиграли «Встречу» торжественно, неторопливо. И без того стоявшие навтыжку солдаты выпрямились еще старательнее. Лошади окаменели. Загремели холостые залпы пушек, возвещавшие о приезде императора Александра, короля Франции, королей, владетельных герцогов и князей Европы. Солдаты берут ружья «на караул», офицеры вынимают из ножен сабли. Гремят барабаны. Окруженные свитой в расшитых золотом мундирах монархи держатся величественно, спесиво, убежденные, что им от Бога суждено вершить судьбами народов. Царь Александр Павлович, не скрывая своей гордости, восклицает подчеркнуто:

- Русская армия - самая мощная в мире. Ей все по силам!

Никто не осмеливается возразить, а рыхлый Людовик XVIII, сидевший в седле, как в мягком кресле, заискивающе спрашивает:

- Ваше величество, а сколько русских войск собрано на параде?

За царя отвечает начальник личного штаба императора князь Волконский:

- Сто пятьдесят тысяч пятьсот человек, ваше величество.

Людовик, всем обязанный русскому царю - и престолом, и почетом, красноречиво, в знак восхищения, качает головой.

А Кахым с сожалением думает: «Жаль, не дожил до сегодняшнего парада, не вкусил радости победы великий Кутузов. Нет с нами

- победителями героя Багратиона, генералов Кудашева, Кутайсова, Неверовского, Фигнера и многих-многих других, погибших в боях».

Александр на сером коне спускается с возвышенности Моншем, за ним, теснясь, следуют остальные монархи со свитой, адъютантами. От золота и серебра на эполетах, расшивки мундиров, орденов и медалей рябит в глазах.

Когда кавалькада приблизилась к правофланговому гвардейскому полку, грянуло «ура» и уже не стихало до завершения парада, словно сама солдатская слава гремела так

оглушительно, так полнозвучно: «Ура!.. Ура!.. Ура!..» И непрерывно оркестры полков играют «генерал-марш», традиционный в русской армии, плавный, грациозный, почти танцевальный.

Царь, в мундире конного гвардейца, в высоких ботфортах, с лентой через плечо, в треугольной шляпе, останавливает коня перед каждым полком. Внятно, отчетливо, твердо произносит приветствие, и снова волною взмывает «Ура». А в следующем полку уже оркестр подхватывал мотив марша, и солдаты изо всех сил горланят: «Ура!.. Ура!..»

Кахым, командир Первого Башкирского полка, является частицей этой могущественной армии, действительно самой сильной, закаленной в непрерывных войнах армии мира. Кахым испытывает чистое счастье воина, джигита, с осени двенадцатого года с отвагой выполнявшего свой долг. В Петербурге, где Кахым учился, царь был недостижимо далеко от него. Сейчас, вблизи, царь кажется и вправду, удивительно добрым, с кроткой улыбкой.

Едва император Александр останавливает коня перед строем Первого башкирского полка, Кахым салютует саблей. Оркестры играют все упоительнее, все певучее, джигиты, кавалеристы и казаки Платова кричат «ура» все звонче и крепче.

Кахым слышит, как переговариваются в свите царя и монархов:

- Это и есть «северные амурь»?

- Да, да, это башкиры с уральских гор и степей, занимаются скотоводством, охотой, зимой живут в аулах, летом выезжают на летние пастбища. Местами пахут и сеют.

- Их стрелы, говорят, насквозь пробивают коня!..

Кахыму кажется, что улыбающееся лицо Александра, когда он поравнялся с Первым полком стало еще просветленнее, еще милостивее. Царь кивает, все так же улыбаясь заученно, бросает фли-гель-адъютанту Орлову какую-то фразу по-французски, - Кахым не успевает разобрать слова, и скачет дальше.

Затем армия пошла церемониальным маршем мимо Александра, Людовика и других монархов. Первыми печатают шаг гренадеры под командой великого князя Николая Павловича, младшего брата царя, за ними гвардейцы, кавалеристы, казаки. Оркестры не умолкают, а на устах царя держится все та же улыбка.

Первый башкирский полк понравился молодежавтой выправкой конников, бойкой рысью лошадей, чувствовавших и линию строя, и ритм оркестра. Всадники размахивают клинками, в левой руке держа копыя и пики, горланят родное им всем «ура», и Александр Павлович кивает благосклонно, и улыбка все так же цветет на его пухлом лице.

Награждение после парада: всем офицерам, солдатам, казакам, башкирам командиры вручают от имени царя серебряную медаль «За взятие Парижа».

ФИЛЬМ ОСНОВАН НА РЕАЛЬНЫХ ИСТОРИЧЕСКИХ СОБЫТИЯХ

КОНЕЦ

- мелким шрифтом дан закадровый текст.

башкирские народные песни должны звучать на башкирском языке (возможно, в сокращении), а подстрочный перевод на русском, приведённый в книге, можно использовать в субтитрах.

- даты основных сражений даны и в старом, и в новом стилях
- на выбор режиссёра.

СОДЕРЖАНИЕ

СИНОПСИС	3
КИНОСЦЕНАРИЙ	6
Отечественная война 1812 года	6
Освобождение Европы	92

Научно - художественное издание

АСФ АТУ ДЛИН САЛАВАТ ГАЗИМОВИЧ (salavat@kaluga.ru)

1812 - 1814: Башкиры («Северные амуры»)
Киносценарий художественного исторического фильма
— эпопеи

В авторской редакции.
Верстка - Кравченко А.В.

Подписано в печать 21.12.2010 г. Формат 60х84 7₁₆. Бумага офсетная.
Гарнитура «Times». Уел. печ. л. 9,3. Тираж 300 экз. Заказ № 210.
Отпечатано в ГП «Облиздат»
248640 г. Калуга, пл. Старый Торг, 5.

Салават Газимович Асфатуллин (литературный псевдоним САЛАВАТ) родился на границе Европы и Азии, в Башкирии. Член Союза писателей Башкортостана и России, Союза журналистов России и Союза литераторов Российской Федерации.

Автор 10 книг: «Инфляционные процессы в Российской Федерации» (1996), проза ранних лет «Как молоды мы были...» (1997), «Литературные портреты» (1997), «Инфляция и государство» (1998), «Литературные портреты - II» (1999), «Северные амурь в Отечественной войне 1812 года» (2000), «Коран и Библия: единство гуманизма» (2004), «Единство трех религий» (2006), «Братство по оружию, 1812 год» (2007), «Экономическая безопасность страны» (2008). Лауреат премий Союза журналистов России и Союза литераторов Российской Федерации.